
ЧЕКИСТЫ НА СКАМЬЕ
ПОДСУДИМЫХ
СБОРНИК СТАТЕЙ

Составители

Марк Юнге, Линн Виола, Джеффри Россман

Москва
2017

Спонсоры проекта:
American Council of Learned Societies
Deutsche Forschungsgemeinschaft
Harry Frank Guggenheim Foundation
Social Science and Humanities Research Council of Canada
University of Toronto
University of Virginia

Редакционная коллегия:

Владимир Бирчак, Тимоти Блаувельт, Валерий Васильев, Линн Виола, Ольга Довбня, Вадим Золотарев, Игорь Кашу, Андрей Когут, Сергей Кокин, Мария Панова, Роман Подкур, Джеффри Россман, Андрей Савин, Алексей Тепляков, Марк Юнге

Дизайн, вёрстка и дизайн обложки: *Сергей Щербина*

Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Составители Марк Юнге, Линн Виола, Джеффри Россман. – М.: Пробел-2000, 2017. – 680 с. – ISBN 978-5-98604-597-9.

Ключевые вопросы в настоящей книге связаны с изучением «чистки чистильщиков» – феномена, возникшего в зените сталинской власти: каковы были мотивы руководства СССР в проведении арестов и судебных процессов по делам сотрудников НКВД? Каковы были критерии в выборе сотрудников НКВД для увольнения и ареста? Была ли эта чистка поиском «козлов отпущения», позволившим руководству переложить вину за массовые репрессии на кадры низшего уровня? Или она была результатом конфликта между клиентелами в НКВД или других структурах? Мы также стремились изучить механизм судебных процессов и их политический смысл, понять ту настойчивость, с которой руководство настаивало на использовании дискурса «нарушения социалистической законности». Возможно, еще более важно то, что мы старались понять собственные мотивы сотрудников НКВД: действительно ли они верили в то, что творили, или были карьеристами и функционерами, исполнявшими приказы из страха или бюрократической рутины? Были ли они садистами, уголовниками или «обычными людьми» (в том значении, в котором Кристофер Браунинг использует этот термин для обозначения *regretators* в изучении Холокоста)? Наконец, мы стремились предложить богатые деталями микроисторические описания и новые эмпирические данные для обогащения нашего понимания Большого террора, взглянув на них из комнат допросов и расстрельных камер НКВД.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

- Линн Виола.* Täter, perpetrator, «исполнители», «палачи», «каратели» 5
- Марк Юнге.* Историография, методы и источниковая база 11

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР

- Владимир Хаустов.* Новый заговор в НКВД 43

КИЕВ

- Линн Виола.* Дело Уманского районного отдела УНКВД по Киевской области 76

ЖИТОМИР

- Сергей Кокин.* Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области – исполнители Большого террора 115

ХАРЬКОВ

- Вадим Золотарёв.* Страницы биографии «нарушителя социалистической законности». Давид Аронович Перцов 209

ОДЕССА

- Андрей Савин, Алексей Тепляков.* «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. 269

НИКОЛАЕВ

- Марк Юнге.* «Козлы отпущения» защищаются. Процессы над нарушителями «социалистической законности» в Николаевской области, 1939–1941 гг. 369

ВИННИЦА И КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ

- Валерий Васильев, Роман Подкур.* Организаторы и исполнители Большого террора. Судьбы сотрудников Винницкого и Каменец-Подольского областных УНКВД 478

ВОРОШИЛОВГРАД

Ольга Довбня. Привлечение сотрудников УНКВД по Ворошиловградской области к уголовной ответственности за нарушение «социалистической законности»..... 544

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ОТДЕЛЫ НКВД

Джеффри Россман. Дело Георгия Кочергинского. Роль ситуативных факторов мотивации «грубых нарушений социалистической законности»..... 577

КИШИНЕВ

Игорь Кашу. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после Большого террора. Дело Ивана Тарасовича Широкого-Майского.....596

ТБИЛИСИ

Тимоти Блаувельт. «Какова была музыка, таков был и танец». Дело Серго Семеновича Давлианидзе 631

ОБ АВТОРАХ 662

БЛАГОДАРНОСТИ..... 665

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН..... 666

ОДЕССА

Партия может ошибаться, а НКВД никогда.

Я.И. Берензон – сотрудник УНКВД по Одесской области

Мы не ошибаемся, у нас брака в работе не имеется, ты, гитлеровская сволочь, лучше сразу же признавайся в своей к.-р. деятельности.

Е.И. Абрамович – сотрудник УНКВД по Одесской области

Учтите, если человек честный, но битый, то его освобождать нельзя, и мы его освобождать не будем, потому что он будет дискредитировать органы и партию.

Е.И. Абрамович

Андрей Савин, Алексей Тепляков

«Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг.

10 января 1939 г. из Киева в Москву за подписью Н.С. Хрущева была отправлена шифротелеграмма, в которой первый секретарь ЦК КП(б)У просил Л.П. Берию и Г.М. Маленкова утвердить в должности восемь новых начальников семи областных и одного республиканского управлений НКВД. В пяти из восьми случаев высокопоставленные чекистские посты предстояло занять партийным работникам районного уровня, до этого ни дня не проработавшим в «органах»¹ и далеким от специфики работы тайной полиции. Первый секретарь Андре-Ивановского РК КП(б)У А.И. Старовойт назначался начальником УНКВД по Одесской области,

1-й секретарь Барвенковского РК КП(б)У М.Ф. Вещеникин – начальником УНКВД по Сумской области, начальник политотдела Саливонковского свеклоколхоза Гребенковского района Киевской области Н.Д. Романчук – начальником УНКВД по Киевской области; 1-й секретарь Краснобаварского РК Харьковского ГК КП(б)У П.С. Сафонов – начальником НКВД Молдавской АССР, 1-й секретарь Базарского райкома КП(б)У И.Т. Юрченко – начальником УНКВД по Николаевской области.

Но и в оставшихся трех случаях, когда, как казалось, на смену одним чекистам должны были прийти другие, на самом деле речь шла о людях, лишь совсем недавно надевших форму НКВД. Г.П. Небораков, которого Хрущев прочил на пост начальника УНКВД по Кировоградской области, до мая 1938 г. был ответственным инструктором Константиновского горкома КП(б)У, Ф.Г. Горбань, будущий начальник УНКВД по Запорожской области, до марта 1938 г. работал главным энергетиком трубного завода в г. Макеевке, Н.И. Кувшинов, будущий начальник УНКВД по Харьковской области, занимал должность начальника смены на паровозном заводе в Луганске. Все хрущевские протеже были одобрены не только Берией и Маленковым. На телеграмме свой автограф под подписью «за» оставили И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, М.И. Калинин, А.А. Жданов и А.А. Андреев.

Легко читаемый посыл хрущевской телеграммы был несомненным – партия заменяла своими проверенными кадрами практически все «проштрафившееся» руководство НКВД Украины. Согласно пункту «б» шифровки от 10 января 1939 г., «освобожденных настоящим решением работников НКВД» предлагалось «отозвать в распоряжение НКВД СССР». За этой бюрократической формулировкой для многих из них, как и для некоторых их подчиненных, скрывались арест, следствие и суд по стандартному обвинению в «нарушении социалистической законности».

Эту чистку сотрудников НКВД СССР, начатую Берией поздней осенью 1938 г., Н.В. Петров охарактеризовал как «первую кадровую революцию в органах государственной безопасности, направленную на радикальное обновление их личного состава»². Главным методом бериевской чистки, по утверждению Петрова, было увольнение из НКВД. Всего за 1939 г. из органов государственной безопасности было уволено 7372, то есть почти четверть (22,9 %), всех оперативных сотрудников. Из них арестовано было 973 человека. Если же учитывать аресты конца 1938 г.,

осуществленные в рамках бериевской чистки, то число оперативных сотрудников, арестованных в 1939 г. по обвинению в «нарушении социалистической законности», увеличится до 1364 человек³. На скамье подсудимых главным образом оказался руководящий состав органов госбезопасности – начальники краевых и областных управлений, оперативных отделов и отделений⁴.

В настоящем исследовании, опираясь на материалы архивно-следственных и личных дел ряда сотрудников УНКВД по Одесской области, арестованных в 1939–1941 гг., а также на документы судебных процессов над ними, предполагается сформулировать и обосновать научную гипотезу о том, что же послужило главной причиной широкой чистки чекистских кадров сразу же после завершения массовых операций НКВД 1937–1938 гг. и какую роль сыграла эта чистка в контексте взаимоотношений между коммунистической партией и тайной полицией, а также между властью и обществом в целом.

Город Одесса и Одесская область

Специфика проведения массовых операций НКВД СССР 1937–1938 гг. задавалась, в первую очередь, как географическо-хозяйственными особенностями регионов СССР, так и наличием на территории этих регионов различных социальных и этнических групп населения, являвшихся объектами карательных действий органов тайной полиции. Интенсивность репрессий, как правило, была выше в промышленных регионах, чем в сельскохозяйственных, в приграничных областях – чем во внутренних районах страны, в городах, в которых располагались «режимные» объекты военной промышленности, – чем в местах расположения «обыкновенных» предприятий. Усилению репрессий также способствовало наличие «спецконтингентов» и «враждебных» этнических групп, которым отводилась роль потенциальной пятой колонны. В случае наложения этих факторов друг на друга карательный эффект неизбежно мультиплицировался⁵. Наглядным «негативным» примером в этом отношении выступает Якутская АССР – единственное крупное административно-территориальное образование в составе Советского Союза, где не было создано тройки для проведения массовых операций.

В свою очередь Одесса была крупнейшим портом на Черном море и пятым по величине городом Советского Союза: согласно

данным переписи 1926 г., в Одессе проживало около 420 тыс., в 1937 г. – около 525 тыс., по данным переписи 1939 г. – уже около 604 тыс. человек⁶. Кроме того, Одесса была узловым центром Юго-Западной железной дороги, что оставляло широкое поле деятельности для органов государственной безопасности на транспорте. Наличие морской границы протяженностью около 500 км и сухопутной границы с «буржуазной» Румынией также только усугубляли ситуацию.

В Одессе к концу 1930-х годов функционировало около трехсот предприятий металлообрабатывающей, машиностроительной, легкой и пищевой промышленности, в т. ч. около 110 крупных заводов и фабрик. Костяк индустрии Одессы составляли следующие заводы: судоремонтный № 1 им. Марти, сельскохозяйственного машиностроения им. Октябрьской революции, станкостроительный им. Ленина, подъемно-транспортных механизмов им. Январского восстания, сталепрокатный им. Дзержинского, «Красный Профинтерн», канатный, линолеумный «Большевик», по производству киноаппаратуры «Кинап», посудный им. Петровского. Ряд из них, такие как заводы «Красный профинтерн» и «Октябрьской революции», выполняли задания на выпуск оборонной продукции⁷.

Одесская область, образованная 27 февраля 1932 г., первоначально включала в себя 48 районов и по территории почти вдвое превышала бывшую губернию. Она была настолько крупным образованием, что во время Большого террора, в сентябре 1937 г., из Одесской области были выделена Николаевская область, а в январе 1939 г. еще часть районов была передана в состав новообразованной Кировоградской области. По данным переписи 1937 г., численность населения Одесской области (вместе с Одессой) составляла около 2 млн 877 тыс., по данным переписи 1939 г., население «урезанной» Одесской области равнялось (вместе с Одессой) около 1 млн 643 тыс. человек. Что же касается национального состава населения Одессы и области, то он был весьма пестрым: кроме преобладающих групп украинцев и русских имелись крупные еврейская, немецкая, молдавская, болгарская, польская и другие диаспоры. Самой многочисленной диаспорой в Одесской области (без Одессы), по данным переписи 1939 г., являлись евреи – 233,1 тыс. человек, за ними следовали немцы – 91,4 тыс. человек, молдаване – 26,7 тыс., болгары – 24,5 тыс. и поляки – 11,4 тыс. человек. Три района области – Зельц-

ский (Фридрих-Энгельсовский) Спартаковский (Гросс-Либентальский) и Карл-Либкнехтский (Ландауский) были созданы в 1924–1926 гг. как национальные немецкие районы и существовали в таком качестве до своей ликвидации в 1938 г.⁸ Еще один район области – Благоевский – был болгарским. Непосредственно в самой Одессе, по данным переписи 1939 г., проживало около 201 тыс. евреев, 8,8 тыс. поляков, 8,4 тыс. немцев, 4,9 тыс. болгар, 2,6 тыс. молдаван и 2,3 тыс. армян. Всего по области в 1937 г., по данным УНКВД, поляки и немцы составляли 95 тыс. человек⁹. Такое этническое многообразие обуславливало также наличие различных конфессиональных групп – от православных и иудеев до меннонитов-протестантов. В том числе, по данным чекистов, в области на июль 1937 г. имелось 35 католических общин, 26 лютеранских, 12 баптистских и 10 – «реформаторско-евангельских»¹⁰.

Не стоит также забывать, что юг Украины, в частности территория будущей Одесской области, был территорией ожесточенного противостояния сторон в годы гражданской войны. Сама Одесса была в 1918 г. оккупирована сначала немецкими, а потом французскими войсками и вплоть до февраля 1920 г. неоднократно переходила из рук в руки. Таким образом, можно предположить, что среди населения Одессы и Одесской области была сравнительно высока доля тех, кто принимал участие в гражданской войне в рядах Красной и Белой армий, а также являлся участником разного рода «зеленых» повстанческих формирований. Как утверждало в июле 1937 г. руководство УНКВД по Одесской области, «специфической особенностью г. Одессы является наличие значительного количества “бывших” людей и деклассированного элемента. Научно-культурные учреждения области засорены контрреволюционным националистическим элементом»¹¹.

Кроме того, юг Украины, начиная уже с 1870-х гг., был очагом рабочего социалистического движения: в 1875 г. в Одессе был создан «Южно-Российский союз рабочих» и в 1879 г. – «Южно-русский рабочий союз», с начала 1890-х годов здесь функционировали первые социал-демократические организации¹². Это означало, что среди населения Одессы к 1937 г. все еще имелась заметная прослойка бывших членов социалистических партий – идеологических противников большевиков. Часть бывших эсеров, меньшевиков, сионистов и членов Бунда состояла к началу Большого террора в ВКП(б). Особенностью Одессы также было наличие анархистов, чьи нелегальные кружки существовали в ней в течение всех 1920-х гг.

Таким образом, г. Одесса и Одесская область обладали практически всем набором факторов, обуславливавших интенсивные и масштабные репрессии, что и подтвердилось на практике.

Статистический анализ

Несмотря на такое сочетание факторов, благоприятствовавших развязыванию масштабных репрессий в Одесской области в рамках всех трех основных массовых акций НКВД периода Большого террора, то есть операции по приказу № 00447, операции «по национальным линиям» и чистки партийно-советской элиты, УНКВД по Одесской области в период планирования массовых операций отнюдь не занимало ведущее место среди «передовиков» репрессий. Согласно оперативным планам НКВД УССР по изъятию кулаков и уголовников по первой и второй категориям, составленным в середине июля 1937 г., Одесской области отводилась только пятая строка среди семи областей Украины и Молдавской АССР: по имевшимся ориентировочным данным, по «первой категории» здесь подлежали аресту и расстрелу 310 кулаков и 90 уголовников, а по второй должно было быть осуждено 1000 кулаков и 400 уголовников¹³.

Спустя неделю, в соответствии с общей тенденцией, планируемые цифры репрессий незначительно увеличились: согласно шифротелеграмме, отправленной 21 июля 1937 г. первым секретарем Одесского обкома ВКП(б) Д.М. Евтушенко в ЦК ВКП(б), теперь репрессиям по 1-й категории подлежало 886 чел., по второй – 1069. Таким образом, численность второй категории была сокращена на 331 чел., а численность первой соответственно увеличена на 486 чел. В результате по численности жертв, отнесенных к первой категории, Одесская область стала занимать четвертое место на Украине, но по общей численности репрессируемых опустилась на шестое место из восьми. Показательно, что в телеграмме, помимо взятых на учет «просто» кулаков и уголовников, назывались группы населения, которые продолжали активно «разрабатываться» чекистами и, по мнению одесских властей, должны были являться специфическими целевыми группами «кулацкой» операции в Одесской области: 1) «кулаки, уклонившиеся от высылки», 2) «участники повстанческого движения против советской власти» и 3) «эсеры и участники других контрреволюционных политических групп»¹⁴.

В соответствии с приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. для Одесской области были установлены следующие лимиты репрессий: 1000 человек по первой категории и 3500 чел. – по второй категории. Таким образом, налицо было существенное увеличение, почти в три раза, лиц, подлежащих заключению в лагерь. По общему количеству выделенных лимитов (4,5 тыс. чел.) Одесская область стала занимать на Украине третье место, сразу вслед за «столичными» Харьковской (5,5 тыс.) и Киевской (5,5 тыс.) областями. При этом по численности населения Одесская область серьезно уступала не только пятимиллионным Харьковской и Киевской областям, но также Донецкой, Винницкой и Днепропетровской областям, которые она, в свою очередь, опередила по численности выделенных лимитов¹⁵. Очевидно, руководство НКВД в лице Н.И. Ежова и М.П. Фриновского, занимавшихся корректировкой предварительных цифр репрессируемых, таким образом учло специфику Одесской области.

Спустя месяц после начала операции УНКВД по Одесской области исчерпало и даже превысило лимит по первой категории – тройка при УНКВД осудила к 7 сентября 1937 г. к ВМН 1192 чел. Лимит по 2-й категории одесские чекисты «использовали» к 20 сентября 1937 г., и начальник УНКВД по Одесской области Н.Н. Федоров просил наркома внутренних дел УССР И.М. Леплевского ходатайствовать перед центром об увеличении лимита по 2-й категории на 1500 чел.¹⁶ После исчерпания первоначальных лимитов, в результате циничного торга между периферией и центром, Москва несколько раз в течение второй половины 1937 г. шла на повышение лимитов, в т. ч. и в отношении Одесской области. Так, к концу сентября 1937 г. лимит по первой категории был увеличен для нее на 900 человек. Чуть позже, 21 октября 1937 г., Федоров был проинформирован наркомом НКВД УССР об увеличении «расстрельного» лимита еще на 900 чел. (всего 2800), лимита по 2-й категории – на 1500 чел. (всего 5000 чел.)¹⁷. А 1 декабря 1937 г., в преддверии планировавшегося завершения операции по приказу № 00447, Одесской области вновь был выделен дополнительный лимит – 200 чел. по 1-й категории и 400 – по второй¹⁸. К 9 декабря 1937 г. лимиты были увеличены еще раз – на 300 чел. по 1-й категории (до 3300) и на 600 – по второй (до 6000 чел.). Поскольку Москва приняла 10 декабря 1937 г. решение о пролонгации «кулацкой» операции до 1 января 1938 г., для всех УНКВД были увеличены лимиты по первой категории, в т. ч. для Одессы – на 350 (до 3650 чел.).

Завершение первого этапа операции по приказу № 00447 одесские чекисты встретили на четвертом месте (9650 чел.) по Украине – вслед за Донецкой (12 537), Киевской (11 800) и Харьковской (9850) областями, опережая по совокупному количеству репрессированных остальные семь областей и Молдавскую АССР¹⁹. Приблизительно равное соотношение осужденного городского (4194 чел.) и сельского (5456 чел.) населения показывает, что сотрудники областного управления НКВД приняли самое активное непосредственное участие в массовой операции²⁰. Не стоит также забывать о «национальных» операциях, развернувшихся на территории Одесщины. По данным 8-го отдела УГБ НКВД УССР, на 4 января 1938 г. одесские чекисты арестовали по линии «польской», «немецкой», «румынской», «японской», «греческой», «латвийской» и «болгарской» контрреволюции и шпионажу 5 089 чел. Очевидно, что подавляющее большинство из них было осуждено двойками²¹.

В 1938 г. массовые операции были продолжены, хотя операция по приказу № 00447 постепенно сворачивалась, уступая место операциям по национальным «линиям». УНКВД по Одесской области использовало относительную передышку, наступившую в январе 1938 г., пока сталинское руководство решало, в каком объеме возобновить проведение Большого террора, чтобы подготовиться к дальнейшим акциям по изъятию «врагов народа». Всего на 1 февраля 1938 г. на оперативном учете в УНКВД по Одесской области состояло 5 277 чел. – первые кандидаты на арест. В начале февраля 1938 г. новый нарком внутренних дел УССР А.И. Успенский проинформировал Н.Н. Федорова о том, что операция по приказу № 00447 продлится до 15 марта 1938 г., и области выделен лимит по первой категории в размере 400 чел.²².

Федоров был явно разочарован таким лимитом. Еще 1 февраля 1938 г. в своем докладе Успенскому он просил выделить дополнительные лимиты в размере тысячи человек по первой категории и тысячи – по второй, мотивируя свою просьбу наличием в г. Одессе и Одесской области «значительных кадров бывших активных участников банд, восстаний, контрреволюционных и шпионских организаций, бывших белых, эсеров, меньшевиков», неразгромленного «петлюровского, националистического, немецко-фашистского и церковно-сектантского контрреволюционного подполья», а также «особенную засоренность» этими элементами «Одесской дороги, Одесского порта, органов связи и других промышленных предприятий города Одессы»²³. Вскоре, 15 февраля

1938 г., Федоров ходатайствовал уже непосредственно перед Ежовым об увеличении лимита по первой категории до 3000 (с учетом уже выделенного лимита в размере 400 чел.) и выделении лимита по второй категории в размере 2500 чел., а также о продлении операции до 15 апреля 1938 г.²⁴ Политбюро ЦК ВКП(б) 17 февраля 1938 г. предоставило НКВД Украины дополнительный лимит в размере 30 тысяч человек, в результате новый лимит по Одесской области составил 3400 чел. по первой категории²⁵. В 1938 г. чекисты «использовали» предоставленные лимиты уже гораздо медленней по сравнению с 1937 г. Так, по состоянию на 19 апреля тройка УНКВД по Одесской области осудила 1313 чел., еще 2087 ей предстояло осудить²⁶.

По данным 1-го спецотдела УНКВД УГБ НКВД УССР от 5 августа 1938 г., за время с 1 января 1938 г. по 1 августа 1938 г. в рамках всех массовых операций по Одесской области было осуждено 4868 чел., из них 4080 – по первой категории; в том числе по приказу № 00447 – 3400 чел., из них 3394 к смертной казни; Военная коллегия Верховного Суда СССР осудила 45 человек, из них 43 – к ВМН; двойками в рамках «национальных» операций было осуждено 1244 чел., из них 641 – к ВМН, судами – 89 чел., из них двух – к расстрелу; 110 чел. к разным срокам заключения осудило Особое совещание²⁷. Историками установлено, что в Одесской области, равно как и в Киевской, Сталинской и Ворошиловградской, операция по приказу № 00447 продолжалась осуществляться вплоть до сентября 1938 г. На своем последнем заседании от 22 августа 1938 г. тройка УНКВД по Одесской области осудила четырех человек по 2-й категории. Общее число жертв, осужденных в рамках операции № 00447, составило по Одесской области 13054 чел., из них 7044 было осуждено к расстрелу²⁸.

Но массовые операции не закончились в Одессе в августе 1938 г., с завершением операции по приказу № 00447. С середины сентября по середину ноября 1938 г. особые тройки активно осуждали лиц, ранее арестованных в рамках «национальных» операций. Так, одесские чекисты арестовали с 1 января 1938 г. по 1 августа 1938 г. 7192 человека, и на этом аресты не прекратились. Итог массовых операций по Одесской области составлял, очевидно, не менее 20 тысяч человек, расстрелянных или отправленных в лагерь.

Все приведенные выше данные убедительно свидетельствуют – главный удар органов безопасности в Одесской области был, как

и в целом по Советскому Союзу, нанесен по рядовому населению, лишенному привилегий и не входившему в число советских элит. Тем не менее численность пострадавших коммунистов, членов партийной организации Одесской области, также была достаточно высокой. В справке, представленной 7 января 1938 г. в НКВД СССР, Н.Н. Федоров писал: «Подводя итоги удара по право-троцкистскому подполью, у меня возникла мысль проанализировать прошлое социально-политическое лицо этого наиболее опасного врага, врага, который носил в кармане партийный билет. Мысль эту я реализовал: прилагаю справку». Из справки следовало, что по Одесской области с июня по декабрь 1937 г. было арестовано 562 члена ВКП(б) из «право-троцкистского подполья», в том числе первый секретарь обкома Е.И. Вегер, второй секретарь обкома Ф.Я. Голуб, председатель облисполкома П.Д. Бойко, секретарь горкома С.Ф. Самойленко, председатель горсовета А.Ф. Довбыш, а также 20 секретарей горкомов и райкомов партии, 12 заведующих отделами обкома партии, областной прокурор и его заместитель по спецделам, редакторы газет, ряд директоров МТС и других руководящих работников²⁹. В 1938 г. разгром Одесской партийной организации продолжился. С 1 января 1938 г. по 1 августа 1938 г. УНКВД по Одесской области арестовало 213 троцкистов и правых, 27 участников военно-фашистского заговора, 44 меньшевика, 15 бундовцев, 96 эсеров, 29 анархистов и 119 сионистов³⁰. Подавляющее большинство из этих 545 людей были к моменту ареста членами ВКП(б), партийными и государственными функционерами. Части из них было суждено пережить Большой террор, выйти на свободу уже в 1939 г. и сыграть значительную роль в кампании по восстановлению «социалистической законности».

В преддверии и в годы Большого террора

Структура аппарата УНКВД по Одесской области была типичной для областных управлений НКВД Украины второй половины 1930-х годов, он обладал полным набором оперативных отделов: от оперативного, охранного, оперативной техники, тюремного до контрразведывательного (КРО), секретно-политического (СПО), особого, транспортного и иностранного. В 1938 г. ряд отделов был разукрупнен и появились структуры, отвечавшие за агентурно-оперативное «обслуживание» промышленности, сельской местности и военизированных организаций.

Среди руководителей преобладали опытные оперативные работники с большим стажем. Аппарат Одесского УНКВД к началу Большого террора состоял из креатур многолетнего руководителя ОГПУ-НКВД УССР В.А. Балицкого, воспитывавшего подчиненных в духе безраздельной личной преданности. На одном из оперативных совещаний начала 1930-х гг. Балицкий заявил следующее: «Вы знаете, что аппарат ГПУ этот тот орган, который должен безоговорочно выполнять волю Центрального Комитета партии, которая передается через его Председателя. Если я прикажу стрелять в толпу независимо от того, кто бы там ни был – откажетесь – расстреляю всех – нужно безоговорочно выполнять мою волю»³¹. Чувствовавший доверие к себе со стороны правящей союзной верхушки, главный украинский чекист ощущал себя крупной политической фигурой и регулярно, за спиной руководства УССР, сообщал в Москву о ситуации в руководстве республики. Так, в первой половине и середине 1930-х гг. по приказанию В.А. Балицкого осуществлялся плотный чекистский контроль за высшей партийно-советской номенклатурой. Работа чекистов из отдела охраны заключалась, прежде всего, в пристальном наблюдении как за первыми лицами регионов, так и за всеми партийно-советскими лидерами Украины, включая С.В. Косиора и П.П. Постышева. Работники НКВД постоянно сообщали Балицкому негласную информацию о встречах и телефонных переговорах Косиора, Постышева и других членов Политбюро ЦК КП(б)У, в том числе с московским руководством, а также сведения об их личной жизни.

Огромный аппарат ОГПУ-НКВД Украины был в числе самых активных в стране, но колоссальное количество разоблаченных и уничтоженных «врагов» не спасло Балицкого: близкие отношения с арестованным командующим Киевским особым военным округом И.Э. Якиром обрекли его на быстрый арест и гибель. Неожиданное падение Балицкого означало переход от относительной кадровой стабильности к двум годам беспрерывных перетрясок, затронувших не только все руководящие кадры республиканского наркомата, но и многих рядовых работников. Новые наркомы внутренних дел Украины И.М. Леплевский и А.И. Успенский относились к активистам террора и подвергали широким репрессиям также и аппарат самого НКВД УССР, оказавшийся неблагонадежным после ареста Балицкого. Начальник УНКВД по Каменец-Подольской области И.А. Жабрев показал на допросе, что деятельность Успенского была показной: «Успенский в прак-

тической работе требовал вскрытия всеукраинских контрреволюционных формирований с целью шумных кампаний и демонстрации проведенной работы»³². Работники учетно-статистических отделов по приказу своего начальства фальсифицировали отчетность, резко занижая среди репрессированных долю рабочих и крестьян. Так, в феврале 1939 г. из партии был исключен заместитель начальника 1-го спецотдела НКВД УССР А.Д. Славин, который, подчиняясь директиве Успенского, составил в 1938 г. фальсифицированный полуторогодичный отчет о социальном положении арестованных и осужденных, «которым прикрыли вражескую практику избияния социально-близких людей»³³.

В годы Большого террора Одесским областным управлением НКВД руководил целый ряд опытных чекистов (выдвиженцами с менее ответственных должностей были только два последних начальника – П.П. Киселев и С.И. Гапонов), быстро сменявших друг друга. Кадровая чехарда была связана с массовыми чистками в аппарате НКВД СССР после следовавших примерно с равными промежутками арестов наркомов внутренних дел республики В.А. Балицкого (июль 1937 г.) и И.М. Леплевского (апрель 1938 г.) и бегства А.И. Успенского (ноябрь 1938 г.). В связи с этим за два года в аппарате НКВД УССР сменилось, включая исполняющих обязанности, 11 заместителей наркома внутренних дел и столько же начальников наиболее крупного в то время оперативного отдела – контрразведывательного. В этом смысле областные начальники НКВД Украины менялись менее быстро, хотя чехарда среди них, а также руководителей подразделений УНКВД, была высокой. При Леплевском было арестовано более 200 сотрудников госбезопасности, а Успенский только с 15 февраля по 5 апреля 1938 г. организовал увольнение из системы УГБ НКВД УССР 558 чел., из которых 154 были арестованы. Допрашивая помощника начальника КРО НКВД УССР А.В. Сапира, Успенский потребовал от него «дать» организацию чекистов-«заговорщиков» не менее чем на 200 человек³⁴.

В Одесском УНКВД за полтора года, начиная с лета 1937 г., сменились следующие начальники управления: А.Б. Розанов, Г.А. Гришин-Клювгант (врид), Н.Н. Федоров, Д.Д. Гречухин, П.П. Киселев и С.И. Гапонов (врид). Старый украинский чекист А.Б. Розанов (Розенбардт) после двух лет работы в УНКВД по Одесской области был в июне 1937 г. освобожден от должности и направлен в Воронеж, но не успел выехать к новому месту службы, будучи арестован в Одессе 11 июля 1937 г. как принадлежавший к окружению Балицкого и вскоре расстрелян.

С июля 1937 г. по февраль 1938 г. УНКВД по Одесской области возглавлял бывший начальник пограничного отряда в Ленинградской области, полковник, потом комбриг Н.Н. Федоров, назначенный по инициативе бывшего командующего пограничными войсками ОГПУ-НКВД СССР М.П. Фриновского, ближайшего помощника Ежова. Несмотря на скромный карательный опыт, новый начальник Одесского УНКВД зарекомендовал себя как инициативный чекист³⁵. Федоров оказался настолько активным проводником террора, что с приездом Успенского смог сразу получить более высокую должность руководителя Киевского УНКВД, а еще через несколько недель был взят Ежовым на работу в центральный аппарат НКВД. В Москве Федоров снова рос по службе, но уже 20 ноября 1938 г. был арестован и в феврале 1940 г. расстрелян. Из 100 руководящих чекистов Украины при Успенском ни один не остался к моменту бегства наркома из Киева в прежней должности, и только 21 из них сохранил за собой руководящие посты в НКВД УССР. Среди арестованных и расстрелянных по обвинению в заговорщицкой деятельности можно назвать и начальника (в феврале – августе 1937 г.) КРО УНКВД по Одесской области В.Л. Писарева-Фукса³⁶.

К моменту замены Федорова (на конец февраля 1938 г.) его заместителем в УНКВД был М.Б. Спектор, помощником – Е.Г. Сквирский, начальником КРО – А.Г. Шнайдер (и.о.), начальником СПО – В.Ф. Калужный, начальником Особого отдела – Б.С. Глузберг, начальником Оперативного отдела – П.М. Житомирский. Из всей верхушки Одесского управления с карьерой повезло только Спектору – несмотря на то, что Успенский его выдвинул сначала в КРО НКВД УССР, а затем сделал заместителем начальника УНКВД по Киевской области, Берия сохранил Спектора в системе особых отделов, и он, выйдя на пенсию в 1946 г., дожил до 1985 г. Сквирский был вскоре понижен в должности, но избежал репрессий, выслужил чин полковника и дожил до 1971 г. Зато Глузберга арестовали уже в марте 1938 г. как одного из доверенных людей прежнего наркома Леплевского и в сентябре расстреляли как участника «террористической шпионско-диверсионной организации». Житомирский был арестован в феврале 1938 г., но в марте следующего года освобожден. Недавний рядовой оперативный работник А.Г. Шнайдер в августе 1938 г. был взят Н.Н. Федоровым в систему Особого отдела Центра, но уже 27 сентября 1938 г. оказался арестован и в апреле 1941 г. военным трибуналом войск НКВД Киевского округа осужден на 6 лет заключения³⁷.

На место Федорова в Одессе был назначен работавший с Успенским в Сибири начальником КРО УНКВД по Западно-Сибирскому краю, опытный чекист Д.Д. Гречухин, который полностью воспринял установки Ежова, данные в начале 1938 г. новому руководству НКВД Украины: до 80 % украинцев являются буржуазными националистами, а все местные немцы и поляки – шпионами и диверсантами³⁸. Продолжая раскручивать маховик террора, Гречухин заслужил благосклонность Успенского и уже в мае 1938 г. был выдвинут в заместители наркома. На его место в Одессе был назначен типичный для того времени выдвиженец П.П. Киселев, обязанный своей карьерой сначала Балицкому и Леплевскому, а затем Успенскому, который с момента приезда в Киев смело выдвигал активных работников на высокие посты. Бывший начальник Отдела оперативной техники НКВД УССР, Киселев с 28 мая 1938 г. возглавил Одесское УНКВД и оказался в числе деятельных проводников и организаторов террора. О методах его работы красноречиво говорит цитата из показаний видного чекиста А.Н. Троицкого, начальника КРО НКВД УССР: «При передаче дел на участников организации в судебные инстанции [...] дела на отказавшихся от показаний направлялись на Особое совещание, хотя бы они являлись главными фигурами по делу. Также на Особое совещание были посланы все дела, по которым проходят не арестованные участники организации, без арестов которых Военная коллегия разобрать дело не может. Дела же тех обвиняемых, которые не отказались от показаний, направлялись в военные трибуналы и на военную коллегию. Начальник Житомирского УНКВД Вяткин и нач. Одесского УНКВД Киселев значительное количество этих дел закончили на особое совещание»³⁹. Таким образом, в нарушение всех ведомственных инструкций, одесские чекисты во главе с П.П. Киселевым, даже при наличии троек, широко использовали возможность прикрывать «прорехи» следствия массовой отправкой дел видных фигурантов на заочное осуждение Особым совещанием НКВД СССР.

При Успенском должностное положение одесских руководителей НКВД было относительно устойчивым благодаря их карательной активности и деятельного исполнения указаний наркома. Согласно показаниям начальника УНКВД по Киевской области А.Р. Долгушева в июне 1939 г., нарком А.И. Успенский всегда положительно отзывался о бывшем начальнике СПО УНКВД по Одесской области В.Ф. Калюжном (повышенным до поста начальника СПО УГБ НКВД УССР), «который был привезен из

Одессы Гречухиным, с которым был в очень близких отношениях. Успенский Калюжного всегда восхвалял, как хорошего работника [...] Кобызева, Чистова и Киселева Успенский всегда ставил в пример другим областям»⁴⁰.

Сразу после бегства Успенского, уже 15 ноября 1938 г., П.П. Киселев был арестован и вскоре расстрелян. С ноября 1938 г. по январь 1939 г. обязанности начальника управления исполнял С.И. Гапонов. Репрессированные за участие в «заговоре в НКВД» и «перегибы» в ходе массового террора Розанов, Гречухин, Федоров, Киселев, Гапонов не были никогда реабилитированы. Из всей плеяды начальников УНКВД по Одесской области периода Большого террора только С.И. Гапонов смог избежать расстрела и выйти на свободу⁴¹.

Селекция и наказание

Вопрос о том, каким образом производилась селекция сотрудников государственной безопасности, оказавшихся на скамье подсудимых по обвинению в «нарушении социалистической законности», является во многом ключевым для адекватной интерпретации бериевской чистки. Несомненно, часть из них обратила на себя внимание собственного руководства и прокуратуры, нарушая прямые приказы Москвы, например, существенно превысив заданные лимиты или продолжив приводить в исполнение приговоры троек уже после завершения массовых операций. Некоторые, особенно в союзных республиках, зарекомендовали себя как доверенные лица уже арестованных вышестоящих начальников, чьи «преступные» приказы они исполняли. Кто-то выделялся на общем фоне «применения методов физического воздействия» крайним садизмом, вплоть до собственноручного убийства подсудимых. Но основная масса осужденных сотрудников НКВД все же попала под суд другим путем – в результате жалоб выживших и освобожденных жертв. Таких было мало среди лиц, осужденных заочными решениями троек и двоек, кроме того, как сами жертвы «кулацкой» и «национальных» операций, так и их родственники мало что знали о материалах следствия и предъявленных обвинениях, а жалобы из лагерей заключенных, избежавших «первой категории», равно как и их близких, как правило, оставались без ответа. Тем более что, согласно циркуляру прокурора СССР А.Я. Вышинского от 17 апреля

1938 г., прокурорам приказывалось проводить проверку правильности осуждения лиц на основании приказов НКВД № 00447, 00485 и т. п. лишь «в исключительных случаях». Обычно же жалобщикам следовало отвечать, что решение окончательное и дела пересматриваться не будут⁴².

Таким образом, оставалась лишь одна небольшая группа жертв, обладавших в советском государстве и обществе положением, связями, весом и сплоченными корпоративными интересами. Как правило, эти жертвы провели под арестом не один месяц, были хорошо осведомлены о нюансах следствия, а массовое освобождение из-под стражи в конце 1938–1939 гг. позволило им добиваться справедливости и требовать осуждения истязавших их чекистов. Речь идет, главным образом, о членах коммунистической партии, представителях советских функциональных элит. Именно их жалобы, их стремление к реабилитации определили главный круг обвиняемых на судебных процессах против чекистов в рамках бериевской чистки НКВД.

Сразу же следует отметить, что факт применения пресловутого «мер физического воздействия» мог являться и являлся на деле одним из основных пунктов обвинения по отношению к арестованным чекистам, но не мог быть главным критерием для отбора «козлов отпущения», поскольку в той или иной степени издевательства и пытки в отношении подследственных практиковал весь аппарат органов госбезопасности⁴³. В этом отношении весьма показательны аргументы заместителя наркома внутренних дел Украины А.З. Кобулова, которые он привел в своей докладной записке на имя Л.П. Берии от 18⁴⁴ декабря 1938 г. Понимая, что движется по очень «тонкому льду», Кобулов в частности писал: «В отношении существовавшей ранее “практики” применения физических мер воздействия при допросах арестованных я полагаю, что следователей, считавших побои основным “методом” следствия и калечивших арестованных, на которых не имелось достаточно данных, избличивавших их в антисоветской деятельности, нужно сурово наказывать. Но это не значит, что надо судить абсолютно всех работников НКВД, допускавших физические методы воздействия при допросах, учитывая, что эти “методы” следствия культивировались и поощрялись существовавшим на Украине вражеским руководством НКВД»⁴⁵. Как известно, точка зрения Кобулова была созвучна точке зрения Сталина, в результате чего появилась печально знаменитая сталинская телеграмма от 10 января 1939 г. Кроме того, многочисленные показания сотрудников

госбезопасности, и не только Украины, свидетельствуют, что постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. не положило конец истязаниям подсудимых.

В результате мы снова возвращаемся к жалобам партийных и советских работников, а также членов советских технических, научных и культурных элит, освобожденных в конце 1938 – начале 1939 г. Согласно данным внутренней статистики НКВД, по состоянию на 17 ноября 1938 г. в следственном производстве органов УНКВД Украины находились дела на 15143 арестованных. Кроме того, в соответствии с приказом НКВД СССР № 00762 от 26 ноября 1938 г. «О порядке осуществления постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года»⁴⁶, на доследование были возвращены дела на 10808 чел., переданных на осуждение тройкам и Особому совещанию при НКВД СССР. Таким образом, чекистам предстояло доследовать дела почти на 26 тыс. человек. К 11 февраля 1939 г. по Украине были рассмотрены дела на 10 130 чел., из них на предмет освобождения прокуратуре были переданы дела на 3441 чел. По Одесской области к 11 февраля 1939 г. соответственно были рассмотрены дела на 1106 чел., из них прокуратуре на предмет освобождения чекисты передали дела на 178 чел. Кроме того, Одесскому УНКВД предстояло доследовать дела в отношении еще 1030 чел.⁴⁷ Эти цифры, возможно не совсем точны, тем не менее, скорее всего, они адекватно показывают порядок явления – в конце 1938–1939 гг. на Украине было освобождено около 20 %, возможно, даже 30 % жертв массовых операций, которых от приговоров внесудебных инстанций спасло постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.

Рискнем предположить, что среди лиц, выпущенных на свободу, была сравнительно высока доля бывших членов ВКП(б) – как партийно-советских работников, так и представителей советских функциональных элит. Именно жалобы этих людей и стали основным инструментом отбора основной массы сотрудников НКВД, наказанных за нарушение «социалистической законности», именно их дела, а не дела рядовых граждан, главных жертв массовых операций НКВД, стали предметом следствия и судебных процессов над «проштрафившимися» чекистами и в конечном итоге определили всю ущербность кампании по наведению порядка в органах госбезопасности. В длительной, методичной работе не был заинтересован никто: ни руководство партии и государства, ни прокуратура, ни сами органы госбезопасности.

В нашем распоряжении имелись материалы трех архивно-следственных дел в отношении восьми сотрудников УНКВД по Одесской области, осужденных в 1939-м и в 1943 гг. по обвинениям в «нарушении соцзаконности». По этим делам проходили два начальника Секретно-политического отдела (СПО) областного управления – В.Ф. Калюжный и С.И. Гапонов (причем Гапонов достаточно длительное время исполнял обязанности начальника Одесского УНКВД), а также шестеро их подчиненных – Д.Б. Кордун, Е.А. Абрамович, Я.И. Берензон, Н.М. Тягин, В.А. Машковский и А.Е. Гнесин. В отношении Калюжного и Тягина были заведены индивидуальные дела, Кордун, Абрамович, Берензон, Машковский и Гнесин проходили в качестве обвиняемых по делу Гапонова. Помимо следственных дел мы также располагали личными делами Машковского и Гнесина. Эти восемь человек были не единственными сотрудниками УНКВД по Одесской области, изгнанными из УГБ или осужденными в ходе бериевской чистки⁴⁸. Однако мы полагаем, что материалы их дел тем не менее являются репрезентативным источником для изучения кампании по дисциплинированию НКВД, поскольку СПО был одним из главных оперативных отделов органов госбезопасности, на который, наряду с Контрразведывательным отделом, легла основная тяжесть осуществления массовых операций 1937–1938 гг.

В полном соответствии с нашей рабочей гипотезой о том, что на скамье подсудимых оказались преимущественно чекисты, имевшие дело с репрессиями в отношении членов ВКП(б), четверо из восьми осужденных одесских чекистов (Кордун, Абрамович, Берензон и Гнесин) были сотрудниками 1-го отделения 2-го отдела (СПО), в задачу которого входило оперативное «обслуживание» лиц, связанных с коммунистической партией – «троцкистов», «зиновьевцев», «левых» и «правых» уклонистов, «мясниковцев», «шляпниковцев», лиц, вычищенных из ВКП(б). Исключение среди чекистов, проходивших по делам Калюжного и Гапонова, составляли младший лейтенант ГБ, помощник начальника 6-го («церковного») отделения Секретно-политического отдела УНКВД по Одесской области В.А. Машковский и начальник 2-го отделения СПО Н.М. Тягин, чье отделение занималось преимущественно борьбой с эсерами, меньшевиками, анархистами, бундовцами и сионистами.

Случайный выбор или целенаправленная селекция?

Каким же образом эти два чекиста оказались в компании своих коллег из первого («партийного») отделения СПО? Не противоречат ли материалы их дел сформулированной нами рабочей гипотезе? Документы свидетельствуют, что Машковский и Тягин скорее относились к тем чекистам, благодаря которым, если пользоваться формулировками постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г., органам НКВД удалось «проделать большую работу» по «разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов» и обеспечить тем самым «дальнейшие успехи социалистического строительства». Аттестационные листы и наградные представления рисуют в их случае картину передовиков и заправил массового террора.

Владимиру Антоновичу Машковскому в 1937 г. исполнилось 26 лет, он происходил из семьи украинских крестьян, вступил в комсомол в 1930 г., с 1933 по 1936 г. служил в РККА, с 27 ноября 1937 г. стал сотрудником 4-го (СПО) отдела УГБ УНКВД по Одесской области. Согласно материалам досрочной аттестации от 30 мая 1938 г., Машковский быстро освоил специфику чекистской работы. Если учесть, что он сделал это в нервной, весьма непростой для сотрудников НКВД атмосфере массовых операций, то Машковского ждало большое будущее в «органах». Первые четыре месяца он проработал в качестве практиканта, а потом сразу же выдвинулся на пост помощника начальника 6-го («церковного») отделения. Как утверждалось в аттестационном листе, подписанном Д.Д. Гречухиным и В.Ф. Калюжным, Машковский фактически «руководил отделением по церковникам», лично «вскрыл и ликвидировал контрреволюционную церковно-фашистскую организацию с областным центром, имеющим связь с РОВС», по этому делу «кулацкой» тройкой было осуждено 56 человек (из них Машковский лично получил показания от 40 чел.). Кроме этого, он «вскрыл и ликвидировал контрреволюционную группу еврейских клерикалов, поддерживающих связь с Палестиной» (по делу было осуждено 8 чел. к ВМН), а также принимал участие в следствии по делу контрреволюционной военноповстанческой организации. Молодой чекист также «достаточно умело руководил агентурой», завел четыре агентурные разработки по «церковникам» и 11 дел-формуляров. С точки зрения начальства, Машковский заслуживал присвоения специального звания – младший лейтенант госбезопасности⁴⁹.

Дальнейшие успехи Машковского в течение 1938 г. также впечатляли. Летом 1938 г. Гапонов выдвинул его на должность начальника отделения, так как «инициативный и энергичный» Машковский вскрыл «областной совет» контрреволюционной сектантской организации, при этом лично провел следствие на 17 «сектантов». Всего за период с 1 января 1938 г. он провел самостоятельное следствие в отношении 138 человек, к октябрю эта цифра достигла 180, все они были осуждены. В октябре 1938 г. начальник Одесского УНКВД Киселев особо отмечал, что Машковский хорошо работал с агентурой, «получил ряд ценных донесений по церковно-монархическому и сектантскому подполью» от агентов «Светловидова», «Нового» и «Нагорного», завербовал двух агентов и пятерых осведомителей, имел на связи шесть агентов и семь осведомителей, в результате работы с которыми было заведено 16 дел-формуляров и три перспективные агентурные разработки. В результате в октябре 1938 г. Киселев подписал наградной лист, в котором ходатайствовал о награждении кандидата в члены ВКП(б) Машковского знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ»⁵⁰. Согласно еще одной характеристике от 27 октября 1938 г., Машковский служил примером «[...] всему составу 4-го отдела как по дисциплине, так и по производственным показателям. Тов. Машковский является одним из растущих и перспективных работников»⁵¹.

Николай Михайлович Тягин, в отличие от своего молодого коллеги, был матерым чекистом, работавшим в органах ГПУ-НКВД с 1923 г. «все время на оперативной работе». К началу его чекистской карьеры ему исполнилось 18 лет, он происходил из семьи зажиточного крестьянина-середняка, имел низшее образование. В 1922 г. был под следствием за неосторожное убийство, в 1923–1930 гг. – помощник уполномоченного ИНФО и КРО в Вологде, Полтаве, Ромнах и Луганске, в 1930–1932 гг. – уполномоченный КРО в Луганске, Горловке и Мелитополе. С 1932 г. Тягин служил в Одессе: в 1932–1934 гг. – инспектором отдела кадров УНКВД, в 1935–1936 гг. – оперуполномоченным СПО, в 1936–1937 гг. – помощником начальника отделения 4-го отдела (СПО), в 1937–1938 гг. – врид начальника отделения 4-го отдела. С 1937 г. являлся кандидатом в члены ВКП(б). Во время Большого террора Тягин также, как и Машковский, добился впечатляющих результатов. В 1937 г. он «вел работу по борьбе с немецкой контрреволюцией и руководил работой периферийных органов по этой линии». Лично «агентурно вскрыл и ликвидировал три контрре-

волюционные, широко разветвленные организации», действовавшие под руководством «агентов германского консульства». По этим делам Тягин самостоятельно закончил следствие, в итоге тройкой было осуждено 98 чел., из них 68 – по первой категории. Кроме этого, «в результате ликвидации ряда агентурных дел на протяжении 2-й половины 1937 г.» Тягиным было «вскрыто и ликвидировано 12 широко разветвленных, повстанческо-диверсионных и шпионских организаций, руководимых агентами германского консульства. В порядке руководства периферией ликвидировано 13 контрреволюционных немецких фашистских организаций и группировок». Всего по делам «немецких организаций» под непосредственным руководством Тягина было арестовано 545 человек, все они были осуждены тройкой, из них 374 человека – по 1-й категории. В 1937 г. Тягин также принимал участие в следствии по правотроцкистскому подполью, получил «сознание» от 12 участников, а также по украинско-социалистическому подполью – от четырех участников. Все 16 человек были осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Еще Тягин лично провел следствие по «контрреволюционной террористической группе, осуществлявшей террористический акт над активистом-колхозником, установив следствием инициаторов террористического акта». По этому делу было осуждено семь человек, из них четверо расстреляны⁵².

В 1938 г., будучи начальником 2-го отделения, Тягин «лично вскрыл подпольные контрреволюционные комитеты сионистско-шпионской, меньшевистско-террористическо-шпионской и дашнакской террористической шпионской организаций». По «сионистам» был осужден 71 чел., по меньшевикам – 21, по дашнакам – 34 чел. Кроме этого, им была «вскрыта и ликвидирована анархистская организация» в составе 13 чел., причем все они были осуждены. Особо отмечало руководство умение Тягина работать с агентурой: в 1937 г. он лично завербовал двух «ценных агентов по немецкой контрреволюции» «Миллера» и «Орлова», на основании материалов которых «были вскрыты серьезные организации (дело «Ожидающие» и «Подпольщики»)). В 1938 г. по «немецкой линии» Тягин завербовал агента «Лисюка». Умелое руководство агентурой позволило ему арестовать руководителя анархистской организации Рабиновича, проживавшего на нелегальном положении. В мае 1938 г. начальник УНКВД по Одесской области Гречухин ходатайствовал о награждении Тягина знаком «Почетного работника ВЧК-ГПУ»⁵³.

Если бы деятельность Машковского и Тягина ограничилась в 1937–1938 гг. только «церковниками» и «сектантами», а также «немецкими контрреволюционерами», дашнаками и анархистами, то они, скорее всего, счастливо бы избежали бериевской чистки и продолжили свою карьеру в органах государственной безопасности. К несчастью для обоих, в числе их подследственных оказались бывшие коммунисты, вышедшие в 1939 г. на свободу. Машковского, в соответствии с распространенной тогда практикой, привлекли к допросам по так называемому «делу КПК», по которому были арестованы и в большинстве расстреляны члены Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) по Одесской области⁵⁴. В частности, Машковский допрашивал члена КПК Ф.Ф. Васюренко, который 10 октября 1938 г. был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к 15 годам лишения свободы. Так как «политическое недоверие» по отношению к Васюренко было выражено лично секретарем Одесского обкома ВКП(б) Г.Г. Телешевым, бывшим высокопоставленным кадровым чекистом (Телешев на городской партийной конференции отобрал у Васюренко мандат делегата конференции, а затем последовало исключение из партии), Машковский не миндальничал на допросах. Поскольку «дело КПК» стало важнейшей составляющей обвинения в отношении одесских чекистов-«перегибщиков», участие в нем Машковского даже в качестве временного следователя оказалось для него роковым. Не дали об этом забыть также коммунисты – друзья и коллеги репрессированных контролеров и следователей КПК, – арестованные по другим делам и встречавшиеся с ними в камерах следственной тюрьмы.

Причины того, почему на скамье подсудимых оказался Тягин, причем в числе первых одесских чекистов, не столь однозначны, как у Машковского. Он был арестован 19 апреля 1939 г. по обвинению в разглашении методов работы НКВД, создании и фабрикации искусственных контрреволюционных организаций и следственных материалов. Без сомнения, свою роль сыграла его близость к В.Ф. Калюжному: Тягин, по версии следствия, был исполнителем его преступных приказов.

Кроме этого, Тягин лично провел и закончил следствие «на существовавшую в облуправлении НКВД контрреволюционную троцкистско-террористическую группу в составе семи человек». За этой формулировкой скрывались репрессии против чекистов-евреев, сверхпропорционально представленных в НКВД Украины, особенно среди руководящего состава⁵⁵. С 1938 г. еврейское про-

исхождение рассматривалось руководством союзного НКВД как компрометирующий фактор, что стало поводом для массового увольнения евреев из НКВД, арестов либо перевода на неоперативную работу в систему ГУЛАГ. Например, начальник (с июля 1937 г.) отдела кадров и помощник начальника УНКВД по Одесской области Е.Г. Сквирский в апреле 1938 г. был назначен начальником оперативно-чекистского отдела Сиблага НКВД. Тягин, в частности, допрашивал бывшего оперсекретаря УНКВД по Одесской области М.Ю. Радоева и бывших сотрудников УНКВД А.М. Серебрякова-Ступницкого, М.З. Закгейма и Б.Е. Борисова (Н.Х. Мерецкого). Все они были освобождены в апреле 1939 г. и дали пространные показания о применении к ним Тягиным многочасовых выстоек, намеренном содержании в камере в невыносимых условиях, запугиваниях и избиениях⁵⁶.

Тем не менее, в случае с Тягиным, пусть не так четко, также прослеживается и «партийный» след. В 1938 г. на Украине произошло смещение центра тяжести репрессий с карательных акций в отношении кулаков и уголовников на репрессии в отношении «других антисоветских элементов», в частности – членов антисоветских партий эсеров, меньшевиков, анархистов, бундовцев, сионистов. Во многом это произошло в результате директив НКВД СССР № 17089 от 18 января 1938 г. и № 17231 от 14 февраля 1938 г. Дополнительный импульс репрессиям в отношении членов антисоветских партий придало уже непосредственно руководство НКВД Украины. В.Ф. Калюжный так рассказал об этом на очной ставке с Тягиным 14 сентября 1939 г.: «В июне месяце [1938 г.] во время прохождения XIV съезда КП(б)У Успенский собрал работников НКВД, делегатов съезда, где начальники отделов НКВД сделали доклады о своей работе. На этом совещании Успенский сообщил о том, что за последнее время работа по антисоветским партиям была прекращена и что надо эту работу усилить. Также он указал примерно так: “До каких пор эти меньшевики, эсеры, сионисты и др. участники антисоветских политических партий будут ходить по советской земле”, причем он подчеркивал об активе этих партий. При этом Успенский указал, что они проводят антисоветскую работу и сейчас»⁵⁷. Вернувшись со съезда в Одессу, Калюжный отдал распоряжение подготовить справки на арест эсеров, меньшевиков, бундовцев, сионистов и дашнаков. В своих показаниях сотрудники СПО называли цифру 1 500–2 000 справок; Калюжный на следствии называл эту цифру абсурдной, заявляя, что речь шла не об арестах, а о «количестве

формулярного учета УСО, главным образом по антисоветским политическим партиям, которые необходимо было взять из УСО в отделение [СПО]»⁵⁸.

Тягин, в свою очередь, утверждал, что аресты по антисоветским политическим партиям проводились в два приема: если с декабря 1937 г. по апрель 1938 г. аресты «проводились на основе крепких агентурных материалов и в процессе следствия были вскрыты [...] эсеровская, сионистская, анархистская, дашнакская, меньшевистская [и] бундовская» организации, то с апреля 1938 г. аресты проводились уже на основе устаревшего формулярного учета 1920-х гг., «причем на некоторых лиц не было данных об участии в подпольных организациях, но в справках на арест об этом писалось»⁵⁹.

На самом деле даже с привлечением собственных архивных материалов у чекистов было явно недостаточно кандидатов для ареста, и сотрудники 2-го отделения задействовали в этой ситуации данные партийных организаций Одессы, которые вели учет коммунистов – «выходцев из других политических партий». Так, оперуполномоченный СПО УНКВД по Одесской области Бутович в своем рапорте особоуполномоченному НКВД УССР от 11 марта 1939 г. сообщал, что работал «около 10 дней во 2-м отделении 2-го отдела УГБ под руководством начальника отделения Тягина», где выполнял полученное от Тягина задание – «выписать до 100 справок на арест эсеров, причем установка была такая, что при наличии материалов, что то или иное лицо когда-либо состояло в партии эсеров, подлежало аресту как участник контрреволюционной организации». Собственных данных у Бутовича хватило только на 10 справок, и Тягин, согласно рапорту Бутовича, стал выявлять бывших эсеров по архивам районных партийных комитетов⁶⁰. Калужный на допросе 15 мая 1939 г. дал показания о том, что действительно посылал сотрудников «для пополнения учета [...] в парторганизацию Одессы, взять список выходцев из других политических партий, в том числе бундовцев»⁶¹.

В результате аресты в июне–июле 1938 г. эсеров, сионистов и бундовцев вылились в очередные репрессии против одесских коммунистов. Часть обвиняемых по сфабрикованным делам эсеровской, бундовской и сионистских организаций в Одессе была освобождена в 1939 г. и выступила с обвинениями в адрес сотрудников УНКВД по Одесской области, в частности, в адрес Тягина. Так, из 11 членов подпольной бундовской организации

в Одессе во главе с Борухом Меер-Срулевичем Кушниром, 5 марта 1939 г. были освобождены шестеро: Б.М. Кушнир, И.И. Лидовский, Х.С. Небескин, И.С. Цитрин, М.М. Бирман и Б.Я. Детинко⁶².

И Машковский, и Тягин были теми сотрудниками НКВД, благодаря которым сталинскому руководству удалось реализовать свои планы и осуществить массовые репрессивные кампании НКВД 1937–1938 гг. Они лично эффективно способствовали тому, чтобы были расстреляны или заключены в лагеря десятки и даже сотни людей. Но судьба жертв из числа верующих или советских немцев не интересовала государство. Машковскому и Тягину не повезло: они оказались на скамье подсудимых главным образом потому, что против них были выдвинуты обвинения в нарушении социалистической законности в отношении представителей советских партийно-государственных элит.

Чекисты «под огнем» партийных функционеров

19 декабря 1939 г. бывший секретарь партийной организации УНКВД по Одесской области М.М. Мазур в своем заявлении особоуполномоченному НКВД по Одесской области Баранюку рассказал о том, как было сфабриковано так называемое «дело КПК», сыгравшее роковую роль в судьбе одесских чекистов-«перегибчиков». События развивались следующим образом. В конце января 1938 г. областное управление НКВД посетил секретарь КПК по Одесской области Г.И. Самарин. Целью его визита была проверка дел партийной организации управления, он потребовал отчета от секретаря партийной организации УНКВД и начальника СПО Калюжного⁶³. Интерес Самарина был отнюдь не праздным: с конца 1937 г. в областную комиссию партийного контроля стали поступать «сигналы» о грубых нарушениях чекистами революционной законности, в том числе от начальника 5-го отделения Дорожно-транспортного отдела НКВД Одесской железной дороги лейтенанта ГБ И.А. Зеликова⁶⁴. Зеликов в частности заявил, что, как чекист, не может сказать всего, но как коммунист «считает своим долгом поставить в известность КПК о неблагополучии в Одесском УНКВД, с тем, чтобы Вы заглянули туда». Заявление Зеликова было отправлено в партколлегию компартии Украины, но чекисты, узнав о попытке контроля над ними, приняли свои меры. «Предатель» Зеликов не позднее мая 1938 г. был арестован, только к апрелю 1939 г. освобожден, уволен в запас

и переехал в Запорожье⁶⁵. Как позднее показал еще один фигурант по делу КПК, «бывший секретарь партколлегии Самарин неоднократно разговаривал по этому делу с Федоровым, облуправление НКВД знало, таким образом, о всех сигналах, поступавших в КПК, и о мероприятиях, намечавшихся и предпринимаемых в направлении проверки их». В том числе материалы на чекистов-«перегибщиков» были направлены уполномоченными КПК Н.И. Ежову и А.И. Успенскому⁶⁶.

Реакция чекистов на потенциальную угрозу была молниеносной и убийственной. Я.И. Берензоном 4 февраля 1938 г. было заведено на Г.И. Самарина агентурное дело «Нетронутые», вслед за чем Калужный получил от начальника УНКВД Федорова санкцию на арест Самарина, а также еще ряда уполномоченных КПК. По делу «Нетронутые», кроме Самарина, были также арестованы Д.М. Канфер-Беркович, Г.А. Александров, А.М. Агранский, В.Ф. Сороковик, А.А. Иванов, Ф.Ф. Васюренко. Аресты работников КПК были проведены в феврале 1938 г., после чего «никого из работников КПК даже не пускали в Обл[астное] УНКВД, мотивируя тем, что в КПК засилье врагов народа»⁶⁷. После продолжительного следствия все они были осуждены Военной Коллегией Верховного Суда СССР как члены троцкистской группы: Самарин был приговорен 23 сентября 1938 г. к расстрелу, такая же судьба постигла 10 октября 1938 г. Александрова, Агранского, Канфер-Берковича и Сороковика. Иванов и Васюренко были приговорены к 15 годам лагерей.

Если бы «дело КПК» ограничилось только арестом и осуждением этих людей, то чекистам очевидно не пришлось бы впоследствии отвечать перед судом на самые неприятные вопросы, поскольку обвиняемые были своевременно осуждены, расстреляны или находились в лагерях. Но 29 мая 1938 г. по требованию секретаря обкома партии Г.Г. Телешова был арестован еще один следователь КПК – С.Я. Шпак. Шпак оказался «твердым орешком», выдержал 14-месячное следствие, сумел выжить и был освобожден в сентябре 1939 г. Если, даже находясь под следствием, он смог написать десять заявлений Н.И. Ежову, в которых, по его словам, самым «подробным образом описывал ужасы и беззакония, творящиеся в Одесском облуправлении НКВД», то после своего освобождения Шпак развил активную деятельность, направленную на изобличение «шайки врагов, которая методами “гестапо” фабрикует “липовые” к-р организации и превращает честных большевиков во “врагов”»⁶⁸.

Шпак стал настоящим кошмаром для одесских чекистов и находкой для следствия, которое на тот момент уже велось в отношении бывшего начальника СПО УНКВД по Одесской области Калужного. Во-первых, Шпак в силу своей деятельности в качестве следователя КПК оказался весьма квалифицированным свидетелем, заслуживавшим доверия. Во-вторых, в процессе длительного нахождения под стражей он имел возможность общаться фактически со всеми высокопоставленными партийными функционерами, находившимися в тот момент под арестом, и мог свидетельствовать от их имени против следователей НКВД. В-третьих, Шпак после освобождения использовал все свои связи в партии, чтобы первоначально добиться если не осуждения, то хотя бы увольнения и исключения из партии наиболее одиозных сотрудников Одесского УНКВД, с которыми он «столкнулся» во время следствия и которые «делали все в стремлении во что бы то ни стало угробить меня»⁶⁹. Еще одним важным моментом для следствия была коммунистическая «правоверность» Шпака – его критика ограничивалась «гнилыми» фальсификаторами из НКВД, не затрагивала систему и не ставила под сомнение необходимость репрессий в целом в отношении врагов советской власти.

В этом С.Я. Шпак был далеко не одинок. В производстве 1-го отделения 4-го отдела УНКВД по Одесской области к ноябрю 1938 г. находилось несколько дел, сфабрикованных в отношении ряда высокопоставленных партийных функционеров Одессы, следствие по которым еще не было закончено. В итоге обвиняемые были освобождены в конце 1938–1939 гг. и выступили с обвинениями в адрес НКВД. Речь идет о деле работников областного финансового отдела во главе с его бывшим начальником И.Ф. Сенкевичем⁷⁰, деле работников газет «Черноморская коммуна» и «Большевицкое знамя» во главе с бывшим заведующим отдела культуры «Черноморской коммуны» М.С. Эйдельманом⁷¹, а также о делах бывшего заведующего оргколхозным сектором Одесского областного земельного отдела М.Б. Баргера⁷², бывшего председателя Одесского горсовета и депутата Верховного Совета СССР И.И. Черницы, бывшего уполномоченного комитета по делам мер и измерительных приборов Одесской области И.Ф. Якубица⁷³, бывшего инструктора руководящих органов Одесского обкома КП(б)У А.А. Киценко, бывшего заместителя заведующего Одесского областного собеса Я.Д. Бранта⁷⁴, директора пединститута А.О. Луненко⁷⁵ и еще целого ряда коммунистов среднего и высшего областного звена.

В первую очередь эти коммунисты в своих письмах, заявлениях и показаниях предоставили следствию массу подробных сведений о нарушении сотрудниками НКВД «социалистической законности», которые те, в свою очередь, не могли игнорировать и были вынуждены всячески оправдываться. К подследственным в Одессе применялся практически весь арсенал методов следствия массовых операций – многочасовые «выстойки» и «высидки», «конвейерные» допросы, избиения, матерная ругань, им постоянно плевали в лицо, кричали в уши, тушили о тело сигареты, стряхивали за шиворот горячий табачный пепел, лишали еды и воды, запугивали, применяли провокации, шантажировали, угрожали родным и близким, использовали показания штатных свидетелей, в том числе агентов и осведомителей, симулировали расстрелы и т. д.

Вот лишь один типичный пример описания арсенала методов «физического воздействия» одесских чекистов, который содержится в заявлении на имя секретаря Одесского обкома КП(б)У А.Г. Колыбанова от 27 ноября 1939 г. от члена ВКП(б), директора совхоза им. Луначарского Суслова. Последний был арестован 17 июля 1938 г. Вознесенским РО НКВД по делу областного финотдела и находился под следствием в УНКВД до 4 ноября 1939 г. В частности, Суслов писал: «Арест меня и проводившиеся методы следствия мне до 16/1–39 г. рассматривать иначе, как прямое действие людей, в лучшем случае случайно попавших в органы НКВД – нельзя. Допросы до вышеуказанного времени проводились мне следователем облуправления Берензоном, это наглая фашистская пытка, сопровождавшаяся физическими издевательствами, как-то: непрерывная классическая матерщина, постоянное бесчисленное плевание в лицо, бесчисленное кричание в уши через бумажную трубку, оттаптывание каблуками пальцев на ногах, содержание в камере тюрьмы 21–24 человек (площадь примерно 8 метров), бесчисленное количество отправок на допрос в кабинке автомашины по 2 человека, насильно туда всажённых, так как размер этой кабины является минимальным для одного человека. Обращение тюремной администрации и надзоров тюрьмы в 1938 г. возможно только в фашистских застенках. О питании говорить нечего. На следствии “нет” вообще не существовало, а существовало только “да”»⁷⁶.

Но гораздо важнее на этом обыденном «пыточном» фоне выглядят те места из заявлений освобожденных партийцев, которые описывают сотрудников НКВД как лиц, утративших всякие представления о своем реальном месте в иерархии коммунистической

власти, уверовавших в свою непогрешимость, фактически возмнивших себя стоящими не только выше формальной законности в лице конституции и прокуратуры, но и партийных органов, и старавшихся всячески дискредитировать «подмять» партию, фактически поставив себя – вне всяческого контроля – над системой. Бывший подследственный Н.А. Мосалев показал о следователе Берензоне: «При ссылках на сталинскую конституцию он заявил: “Мы ежовцы, нам все дозволено”. При моих ссылках на решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) Берензон ответил “подотришь”»⁷⁷. Машковский 26 апреля 1940 г. рассказал о своем первом опыте чекистской работы, когда начальник отделения 4-го отдела Майский предложил ему «подежурить» вместе со стоявшим на «выстойке» латышом. На вопрос Машковского о том, что такая форма допроса противоречит уголовному кодексу, Майский ответил: «Мы работаем не по УПК, а по приказам НКВД»⁷⁸. Эйдельман в своих показаниях помощнику Военного прокурора Одесского военного округа Компанцеву вспоминал, как по дороге из дома в НКВД на вопрос к Абрамовичу, скоро ли его отпустят, так как его арест – «злая ошибка», от Абрамовича последовал следующий ответ: «Мы не ошибаемся, у нас брака в работе не имеется, ты гитлеровская сволочь, лучше сразу же признавайся в своей к-р деятельности»⁷⁹. Арестованному «газетчику» Теплицкому на просьбу о свидании с прокурором Абрамович показал на свой половой орган и заявил: «вот тебе прокурор», а потом добавил: «имей ввиду, мы не прокуратура и в зубы не смотрим»⁸⁰. Баргеру следователи неоднократно говорили: «Что ты сидишь как поц, это тебе не обком», «Фашист, это тебе не обком», «НКВД не богадельня»⁸¹, а Сенкевич утверждал, что следователь Абрамович, когда говорил о партии, слово «секретарь» иначе как «сракатарь» не произносил⁸². Ему вторил Кордун: «Ты сволочь, фашистская морда, ты без всякой пощады пройдешь все методы пыток», «не удивляйся слову пытка, нам партия разрешила применять все методы пыток»⁸³.

Весь этот «словесный» арсенал использовался не только для бравады, с целью запугать и сломить арестованных, но и отражал фактическое восприятие чекистами новой ситуации, сложившейся в результате Большого террора, а также своего нового места в системе власти. В результате чекисты весьма болезненно отреагировали на шаги, предпринятые партией для восстановления традиционного положения. Один из «честных» сотрудников УНКВД по Одесской области, оперуполномоченный П.С. Конончук, сде-

лавший много для разоблачения и изгнания из чекистских рядов нарушителей «социалистической законности», в своем заявлении особоуполномоченному НКВД Баранюку от 17 октября 1939 г. красочно описывал реакцию ряда сотрудников 1-го отделения 2-го отдела УНКВД на действия Одесского обкома КП(б)У по усилению контроля за органами госбезопасности: «Эти люди, творившие безобразия, они немало усилий прилагали к тому, чтобы партийные органы не вникали в работу НКВД даже в том случае, когда обкому или КПК необходимо было выяснить какой-либо вопрос. Так, например, Берензон однажды в кабинете у [Н.И.] Буркина заявил по адресу обкома и КПК: “Приучили всякое говно суда ходить и требовать дела”. Я об этом факте говорил на открытом собрании УНКВД, выступал. Не нравилось им то, что обком начал кое о чем спрашивать, может и обявывал отвечать, так, например, Берензон, оставшись недовольным проведенными с ним беседами при назначении и утверждении [его] на должность нач. РО НКВД в отделе кадров [...] сказал: “Что они [...] мать, со мной так разговаривают, – Вы били арестованных, – кто им дал такое право, они же меня все знают, я два состава обкома пересажал, это неверно так со мной разговаривать”»⁸⁴.

Это нарушенное равновесие отразилось также в таком щепетильном вопросе, как сбор чекистами компрометирующих материалов на партийных функционеров с целью дальнейшей вербовки. Можно предположить, что в период массовых операций чекисты с удвоенной энергией собирали компромат на партийцев. Машковский во время допроса от 5 апреля 1940 г. проговорился: «С учетом первого отделения даже запрещалось знакомиться, там проходили ответственные партийные и советские работники»⁸⁵. Ставки в этой игре были высоки, а инерция Большого террора велика, поэтому, несмотря на приказ НКВД СССР № 00827 «О запрещении вербовки некоторых категорий работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций» от 27 декабря 1938 г., одесские чекисты продолжали заниматься оперативной разработкой партийно-советских элит. В архивно-следственных документах содержатся всего два, но весьма показательных свидетельства этого. Уже неоднократно упоминавшийся здесь П.С. Конончук писал в собственноручных показаниях 20 декабря 1939 г.: «Я же считал, что это все умышленное сопротивление партии в проводимой работе и, как факт, несмотря на приказы наркома т. Берия [предпринимались] попытки разрабатывать нашу партию. Эти выводы

для меня подтверждало и то, что Абрамович и Берензон высказывали недовольство тем, что приказом наркома запрещено насаждать агентуру в партийных органах. Берензон однажды в первом отделении так и высказался – «Я считаю это неверным»⁸⁶. Не только рядовые сотрудники не собирались отказываться от привычных методов работы, гарантировавших новые, весьма привлекательные для чекистов, отношения между органами госбезопасности и партийными организациями. Гапонов на следствии признался в феврале 1940 г., что у него имелись данные о морально-бытовом разложении нового начальника УНКВД А.И. Старовойта в бытность его инструктором обкома КП(б)У и секретарем Андре-Ивановского РК КП(б)У. Себе лично в заслугу Гапонов ставил то, что отказался проверять «сигнал» о том, что у нового секретаря Одесского обкома КП(б)У А.Г. Колыбанова отец был «попом», поскольку «лиц, утвержденных ЦК ВКП(б), местные органы проверять не могут»⁸⁷.

Объективно именно освобожденные представители партийно-советских элит повсеместно сыграли роль главных свидетелей на судебных процессах над чекистами – «козлами отпущения». Практически невозможно представить себе на их месте в качестве свидетелей обвинения репрессированных священников или осужденных тройкой «националов». Такая весомая роль вышедших на свободу «партийцев» в бериевской чистке органов НКВД была неслучайна – они, не ставя под сомнение главные цели массовых операций, сумели донести до центра серьезную тревогу с мест по поводу систематического нарушенного баланса иерархии власти и необходимости кампании по дисциплинированию органов государственной безопасности на всех уровнях. Фактически только партийно-советские функционеры, выжившие в жерновах репрессий, с успехом действовали в унисон дуальным, манихейским положениям постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., не испытывая серьезного внутреннего конфликта. Именно они и только они олицетворяли собой восстановленный «советский» порядок и восторжествовавшую справедливость.

Оборонительные тактики на свободе

В ходе кампании по восстановлению социалистической законности сотрудники НКВД, предполагавшие, что они могут быть изгнанными из органов или очутиться на скамье подсудимых, разрабо-

тали и применяли три главных тактики защиты. Первая заключалась в том, чтобы как можно больше подследственных, равно как и лиц, уже осужденных тройками и другими внесудебными инстанциями, дела которых были возвращены на доследование, признали свою вину. В рамках этой же тактики чекисты могли попытаться опорочить и скомпрометировать людей, уже вышедших на свободу, чтобы минимизировать ущерб от их потенциальных обвинений. Вторая заключалась в том, чтобы блокировать попытки сотрудников прокуратуры, проявлявших особое рвение и стремившихся уличить чекистов-«перегибщиков». Третья тактика сводилась к тому, чтобы самим выступить в роли «передовиков» акции по «наведению порядка», способствовать освобождению жертв репрессий, а также изобличать наиболее одиозных коллег. В той или иной степени одесские чекисты использовали все эти тактики.

После того, как подследственным в тюрьмах стало известно в ноябре 1938 г. о «новых ветрах», задувших на советском политическом олимпе, они стали в массовом порядке отказываться от своих показаний и заявлять работникам прокуратуры и судьям о том, что оговорили себя и «подельников» под моральным и физическим воздействием со стороны следователей НКВД. Это не могло не вызвать ответной реакции со стороны чекистов, которые стремились довести до суда как можно больше дел, тем самым доказав свою правоту и гарантировав себя от потенциальных судебных преследований. Телеграмма Сталина от 11 января 1939 г., официально разрешавшая пытаться упорствующим «врагов», развязывала им руки. В результате можно предположить, что давление на подследственных, в том числе и физическое, в течение ближайших недель и месяцев не только не уменьшилось, но и возросло.

Этому имеется масса свидетельств в материалах архивно-следственных дел осужденных чекистов. Так, директор совхоза им. Луначарского Сулов сообщил в своем заявлении секретарю Одесского обкома КП(б)У Колыбанову от 27 ноября 1939 г. о том, как 16 января 1939 г. заместитель начальника УНКВД С.И. Гапонов «категорически» потребовал от него подтверждения протоколов, подписанных в 1938 г. После отказа Сулова Гапонов собственноручно избил подследственного до потери сознания, через 30 минут после отливания холодной водой он был избит начальником отделения Абрамовичем, после этого еще раз – Абрамовичем и Берензоном⁸⁸. Тремя днями ранее, 13 января 1939 г., Гапонов до такой степени избил главного обвиняемого по

делу облфинотдела – бывшего начальника облфинотдела И.Ф. Сенкевича, что был вынужден впоследствии забрать у него окровавленный пиджак⁸⁹. Как показал сам Сенкевич 27 апреля 1940 г., «Гапонов возглавлял и поощрял обстановку исключительных условий. Приблизительно до мая месяца 1939 г. в стенах областного управления стоял сплошной вопль, беспросветная, грязная ругань. Во взаимоотношениях и разговорах самих этих “работников” между собой господствовал какой-то противный, грязный жаргон, сопровождающийся матом. Словом бл... была отравлена вся атмосфера. Душа болела от одного сознания, какие мерзкие люди порочат орган диктатуры пролетариата»⁹⁰.

Но поскольку волна освобождений ширилась, и часть подследственных тем или иным путем стала выходить на свободу, сотрудниками СПО была изобретена еще одна защитная тактика. Оперуполномоченный СПО УНКВД по Одесской области П.С. Конончук так описал ее в своем заявлении особоуполномоченному НКВД УССР Барануку от 17 октября 1939 г.: «Берензон и Абрамович при освобождении из-под ареста обвиняемого, для того лишь, только чтобы предостеречь его от писанины на них жалоб или заявлений [говорили]: “а то, что с Вами так поступали, на это были указания ЦК ВКП(б)”»⁹¹. При этом немногим ранее сослуживцы недвусмысленно выразили Конончуку свое отношение к освобождению подследственных: «На совещании 2 отдела [...] меня начал ругать Абрамович за то, что я в протоколах [допросов] наряду с отрицательными фактами записывал положительные, и сказал мне: учтите, если человек честный, но битый, то его освобождать нельзя, и мы его освобождать не будем, потому что он будет дискредитировать органы и партию [...] несмотря на мои возражения и старания доказать, ссылаясь на 109 ст. УПК [...] Об этом я рассказывал Гапонову, он как будто со мной частично согласился, но сказал, что нас все же положительное не интересует, а Абрамович и Берензон просто мне ответили “что до пи[...]ы то, что написано в УПК”»⁹².

Безнаказанность, маниакальная уверенность в своей непогрешимости, соображения корпоративности, а также страх перед возможным наказанием приводили к тому, что сотрудники НКВД, как правило, дружно блокировали любые попытки «опорочить» их со стороны жалобщиков и прокуратуры; при этом чекисты использовали привычные для себя методы. И жалобщики, и прокурорские работники серьезно рисковали, поскольку от запугивания сотрудники НКВД могли быстро перейти к делу.

Трудно определить, чего в действиях чекистов было больше – страха перед наказанием или уверенности в том, что они являются единственными в своем роде настоящими, образцовыми советскими людьми, которые своей борьбой с врагами народа всех мастей доказали, что находятся вне критики и подозрений.

Необходимо также отметить, что презрительное отношение к прокуратуре и прокурорским работникам как бессильным представителям «формальной» законности формировалось у сотрудников НКВД всем их личным опытом Большого террора. Это презрение они не считали нужным скрывать от своих подследственных⁹³. Так, подследственный Теплицкий, арестованный по делу сотрудников одесской газеты «Большевицское знамя», дал 31 января 1939 г. показания военному прокурору Я.Т. Новикову о том, что его постоянно запугивали словами о том, что НКВД – это-де «не прокуратура»⁹⁴.

О том, насколько опасным для сотрудников прокуратуры было противостояние с чекистами даже в рамках кампании по восстановлению социалистической законности и как далеко они были готовы пойти в этом противостоянии, свидетельствует история с помощником военного прокурора 434-й Военной прокуратуры, полковым комиссаром Я.Т. Новиковым, проводившим опросы подследственных в УНКВД по Одесской области в конце 1938-го – начале 1939 г. В конце декабря 1938 г. и 2 января 1939 г. Я.Т. Новиков присутствовал на допросах С.Я. Шпака, арестованного 28 мая 1938 г.⁹⁵ Допросы проводил сержант ГБ Абрамович. Как развивались дальнейшие события, Новиков изложил в своем рапорте начальству: Шпак, узнав что перед ним прокурор, заявил жалобу на незаконные методы следствия. Новиков пошел ему навстречу и выслушал жалобу, при этом «несколько раз обрывал и предупреждал обвиняемого Шпака о том, что он несет серьезную ответственность за свое заявление, если оно содержит клевету. НКВД обвиняемый не ругал и не дискредитировал, он говорил, что работники УНКВД по Одесской области [...] применяют вражеские методы ведения следствия, методы фашистской Германии и что он несет за правильность своих слов ответственность [...] Во время разговора с обвиняемым я допустил ошибку, я назвал [его] товарищ Шпак, а не обвиняемый. Все остальные мои действия я считаю правильными»⁹⁶.

Уже на следующий день, 4 января 1939 г., врио заместителя начальника УНКВД Гапонов заступился за своих подчиненных, заявив, что все следствие проходило в рамках закона, «жалоб-

щик» избличен показаниями других «врагов народа», а поведение прокурора было неверным. «Полагаю, – писал Гапонов, – что допущенную ошибку он должен исправить сам, т. к. прежде чем называть арестованного товарищем и давать ему распоясываться в клевете на следствие, он должен был ознакомиться с материалами следствия и поговорить со следователем»⁹⁷. В свою очередь Абрамович заявил 5 января 1939 г., что все показания Шпака об избиениях подследственных сотрудниками СПО и длительных «выстойках» являются «самой наглой ложью»⁹⁸.

По-видимому, Гапонов незамедлительно проинформировал о «происках» прокурора свое республиканское начальство, поскольку попытка дискредитировать действия Новикова была предпринята уже на уровне НКВД УССР. В частности, Новиков негативно характеризовался в информационной справке о следственной работе органов УНКВД Украины от 14 февраля 1939 г. за подписью заместителя начальника 1-го спецотдела НКВД УССР, младшего лейтенанта госбезопасности Смирнова. Весь пафос документа сводился к тому, что прокуроры на местах «не только не оказывают помощи местным органам НКВД в следственной работе, но зачастую [...] вносят дезорганизацию в следственную работу». Указав вначале на неправомерное освобождение прокуратурой Одессы перебежчика-шпиона Ржанишевского и сына осужденного кулака Нищенко, автор документа перешел к более серьезным обвинениям: «Пом. военного прокурора Новиков при допросе арестованного Шпака дал возможность последнему клеветать на работников НКВД. В ответ на соответствующее замечание следователя Новиков предложил [ему] из комнаты выйти и при дальнейшем допросе зафиксировал в протокол о якобы поголовном избиении всех арестованных. При окончании допроса Новиков обещал арестованного из-под стражи освободить. Аналогичный факт имел место и с арестованным Теплицким (участник право-троцкистской организации). Новиков специально занимается сбором компрометирующих материалов на сотрудников НКВД путем допроса арестованных»⁹⁹.

Однако одних только жалоб на действия прокурора чекистам было явно недостаточно. В результате сотрудники СПО решили в мае 1939 г., когда за нарушения законности было арестовано уже много чекистов, завести на строптивного прокурора дело-формуляр (досье), что означало взятие в агентурную разработку с перспективой ареста. В изложении уже упоминавшегося выше бывшего оперуполномоченного СПО Конончука, события развивались

следующим образом: «После того как т. Новиков по заявлениям допросил арестованных Теплицкого и Шпака и записал безусловно в протокол все ответы, полученные у них на вопросы, Абрамович, Берензон, Машковский и Гнесин подняли форменным образом вой, что он дискредитирует органы и оперативных работников своими допросами, а посему он сам враг, его, Новикова, нельзя пускать в УНКВД. Все указанные работники написали с преувеличением рапорта на имя Гапонова, исполнявшего в то время обязанности начальника УНКВД, с просьбой о принятии мер и недопуска его обслуживать 2-й отдел». После этого Берензон завел на Новикова «с целью мести» дело-формуляр и «настаивал, что это сделано верно, он [Новиков], мол, заслуживает этого»¹⁰⁰. Когда Конончук написал о «деле-формуляре», заведенном на Новикова, военному прокурору войск НКВД П.В. Лехову, прокуратура этот формуляр нашла и установила, что он «действительно был заведен без всяких оснований»¹⁰¹. Показательно, что даже на суде в 1943 г. Гапонов упорно отрицал, что его подчиненные завели досье на прокурора.

История с Новиковым, кроме всего прочего, хорошо показывает изменившееся в 1939 г. соотношение сил между НКВД и прокуратурой. Еще в октябре 1938 г. дело обстояло совершенно иначе. Как следует из заявления помощника военного прокурора, военюриста 2-го ранга В.И. Лукашевича, адресованного 27 марта 1941 г. Главному военному прокурору РККА, Лукашевич в сентябре 1938 г. прибыл в Одесскую армейскую группу и был назначен прокурором по надзору за следствием в органах НКВД. В октябре 1938 г. в Одессу прибыла Военная коллегия Верховного суда СССР. Начальник Лукашевича, военный прокурор А. Лапкин заявил ему, что в связи с предстоящими заседаниями Военной коллегии им придется «передопрашивать очень многих обвиняемых, дела на которых следствием закончены [...] 240 или 280 дел». Передпросы 5 октября 1938 г. вызвали у прокуроров вопросы, и на следующий день, 6 октября, Лапкин и Лукашевич стали допрашивать обвиняемых уже без участия сотрудников НКВД. В результате первые же допрошенные отказались от своих показаний и дали показания об избиениях. «Узнав о том, что обвиняемые отказываются, – писал Лукашевич, – нач. отдела Гапонов приказал сотрудникам больше к прокурорам людей на допрос не водить и вызвал тов. Лапкина и меня к себе в кабинет [...] Заявил следующее: “Что ж, работников моих начали подозревать, дела на них начали заводить, ну заводите, мы на вас тоже

завели, пусть вам это будет известно»». После этого, насколько было известно Лукашевичу, военный прокурор Лапкин обвиняемых в 4-м отделе (СПО) больше не допрашивал¹⁰².

Агрессивные «оборонительные» тактики, к которым прибегали сотрудники органов государственной безопасности в конце 1938–1939 гг., являлись следствием серьезного дисбаланса сил, возникшего в результате трансфера власти от партийно-советских органов к органам НКВД в ходе Большого террора, причем презрительное и враждебное отношение к прокуратуре было во многом прямым следствием утраты сотрудниками НКВД страха и уважения перед областными и районными партийными организациями, которые ранее, дирижируя карательной политики, исполняли в т. ч. роль арбитра, находившегося над схваткой.

Оборонительные тактики под следствием и судом

Только для двух из восьми героев нашей статьи кампания по восстановлению социалистической законности, стартовавшая в ноябре 1938 г., обернулась скорым арестом и осуждением. В.Ф. Калюжный был арестован 19 апреля 1939 г. К моменту ареста бывший начальник СПО УНКВД по Одесской области поднялся по служебной лестнице еще выше, став и. о. начальника 9-го отдела НКВД УССР. В вину ему вменялись необоснованные аресты, создание несуществующих контрреволюционных организаций, в особенности по бывшим антисоветским партиям, доведение до подчиненных контрольных цифр арестов. 23–26 декабря 1940 г. Военный трибунал войск НКВД Киевского военного округа в выездной сессии, состоявшейся в здании УНКВД по Одесской области, приговорил Калюжного к ВМН, но впоследствии расстрел был заменен 10 годами лагерей¹⁰³. Н.М. Тягин, как ближайшее доверенное лицо Калюжного, был арестован с ним в один день, 19 апреля 1939 г., по обвинению в разглашении методов работы НКВД, создании и фабрикации искусственных контрреволюционных организаций и фальсификации следственных материалов. 24–25 августа 1939 г. он был осужден Военным трибуналом войск НКВД Одесского военного округа в закрытом заседании, проходившем в клубе УГБ УНКВД по Одесской области, по ст. 206-17 «а» УК к 7 годам ИТЛ без поражения в правах¹⁰⁴.

Для остальных шестерых «перегибщиков» ситуация обстояла изначально не так плохо. Все они были вынуждены покинуть

стены Одесского УНКВД, но оставались на свободе, причем большая часть даже продолжила службу в НКВД. А.Е. Гнесин успешно прошел две специальные проверки в августе 1938 г. и феврале 1939 г., причем каждый раз комиссия принимала решение о том, что он «может быть оставлен на службе в УНКВД». Гнесин продолжил службу в 1939–1940 гг. в должности начальника 5-го отделения Особого отдела НКВД Одесской армейской группы и и. о. зам. начальника 5-го отделения ОО НКВД Одесского военного округа. Лишь 4 апреля 1940 г. постановлением бюро Одесского обкома КП(б)У он был уволен из органов НКВД «за применение извращенных методов ведения следствия к арестованным, впоследствии реабилитированным, а также фальсификацию следственных дел», после чего работал заведующим типографией штаба Одесского военного округа¹⁰⁵. 27 декабря 1940 г. решением бюро Одесского горкома КП(б)У Гнесин также был исключен из кандидатов в члены ВКП(б). Следует сразу отметить, что в увольнении Гнесина из НКВД главную роль сыграл инструктор Одесского обкома КП(б)У Лайок, который, по выражению Гнесина, целый год буквально «травил» чекиста после получения обкомом жалоб партийцев из числа бывших подследственных¹⁰⁶.

С.И. Гапонова уволили из органов НКВД согласно распоряжению заместителя наркома внутренних дел УССР А.З. Кобулова от 19 апреля 1939 г. Показательно, что в заключении оперативного уполномоченного аппарата Особоуполномоченного НКВД УССР мл. лейтенанта госбезопасности Помазова от 27 апреля 1939 г., которое содержало формальное решение – «уволить из органов», – главное обвинение в адрес Гапонова сводилось к необоснованному освобождению члена «троцкистской организации» Бугаенко, бывшего инструктора Одесского обкома партии, которого Гапонов завербовал как агента¹⁰⁷. Возможно, такая формулировка причин увольнения была призвана облегчить Гапонову возвращение на службу в органы госбезопасности. После увольнения Гапонов работал начальником телефонной станции г. Одессы. То, что Гапонов остался в Одессе, стало его стратегическим просчетом – 24 июля 1940 г. решением бюро Сталинского РК КП(б)У он был исключен из партии, причем главную скрипку со стороны обвинения сыграл все тот же Шпак, гневно клеймивший «гапоновщину» и «берензонщину» и характеризовавший секретно-политический отдел не иначе как «филиал гестапо»¹⁰⁸.

Если Гапонова в Одессе исключили из ВКП(б), то Абрамовича, переведенного на службу в систему ГУЛАГа НКВД СССР и оказавшегося, таким образом, вдалеке от репрессированных одесских коммунистов, в 1940 г., наоборот, приняли в партию. Причем его карьера стала выправляться: сначала он работал во второй половине 1939 – начале 1940 г. начальником отделения 3-го отдела Амурского ИТЛ НКВД, потом, с мая 1940 г. – начальником 2-го отделения УГБ УНКВД по Еврейской автономной области. Кордун являлся сотрудником УНКВД по Одесской области до ноября 1939 г., после чего в декабре 1938 г. был переведен на должность начальника лагучастка Ягринлага, с 1 января 1940 г. – зам. начальника отдела режима лагеря, с 1 марта 1940 г. – начальника кирпичного завода строительства НКВД № 203, располагавшегося в г. Молотовске (Северодвинске) Архангельской области, где и проработал вплоть до января 1941 г. Берензона уволили из органов НКВД также в июле 1939 г., после чего в 1940 г. он стал политруком 15-го автотранспортного батальона, дислоцировавшегося тогда в г. Станиславе (Ивано-Франковске)¹⁰⁹. В.А. Машковский был также уволен со службы 2 июля 1939 г. «за невозможностью дальнейшего использования в органах НКВД». Возможно, на тот момент свою роль сыграли также польское происхождение и католическое вероисповедание его родителей.

Между тем летом 1940 г. в судьбе бывших сотрудников СПО Одесского УНКВД произошел крутой поворот, о котором они еще не знали. 7 июня 1940 г., согласно постановлению помощника военного прокурора войск НКВД Украинского округа военного юриста 3-го ранга Баринаова, прокуратура, опираясь на показания освобожденных из тюрьмы коммунистов, выделила из дела Калужного материалы на Гапонова и группу его подчиненных в составе начальников отделений Е.И. Абрамовича, В.А. Машковского, М.М. Цирульницкого, Д.Б. Кордуна и Я.И. Берензона, бывших оперуполномоченных 4-го отдела А.Е. Гнесина, Х.К. Зарайского и М.М. Мазура, а также бывшего и. о. заместителя начальника УНКВД по Одесской области С.И. Гапонова¹¹⁰.

Однако новое следствие развивалось медленно. Лишь в августе 1940 г. нарком внутренних дел УССР И.А. Серов распорядился выделить для расследования материалов в отношении Гапонова и компании «одного из работников Следчасти НКВД УССР и одного из аппарата Особоуполномоченного НКВД УССР»¹¹¹. При этом перед следователями стала дополнительная задача – найти

места нахождения ряда потенциальных обвиняемых, в частности, Берензона и Кордуна. Что касается Гапонова, то в декабре 1940 г. заместитель НКВД СССР И.А. Серов согласился с мнением следователей НКВД в том, что Гапонов не имеет отношения к делу КПК и поэтому достаточно считать его уволенным из органов¹¹². Однако непримиримая позиция прокуратуры в тот момент перевесила мнение бериевского зама. В результате Гапонов был арестован 16 января 1941 г. в Таганроге, Гнесин – 25 января 1941 г. в Одессе, Кордун – 28 января 1941 г. в Молотовске, Абрамович – 5 февраля 1941 г. в Биробиджане, Берензон – 3 марта 1941 г. в Станиславе и Машковский – в начале 1941 г. В дальнейшее развитие событий внесла свои существенные коррективы война – все подследственные были этапированы в Сибирь, в тюрьму № 3 Томска, где и находились, за исключением Гапонова, до марта 1943 г., а потом были этапированы в Новосибирск, в тюрьму № 1, где дожидались суда, состоявшегося только 21–26 апреля 1943 г.

Материалы судебных разбирательств в отношении Калюжного и Тягина в меньшей степени характеризуют кампанию по восстановлению «социалистической законности», чем материалы суда над Гапоновым и «гапоновцами». Этому есть два объяснения. Во-первых, В.Ф. Калюжный расценивался следствием как креатура «врагов народа» Д.Д. Гречухина и А.И. Успенского, которые, в свою очередь, дали о нем показания как об участнике заговора в НКВД, что несколько «смазывало» в данном случае главную специфику бериевской чистки. Кроме того, Калюжный сделал в годы Большого террора серьезную карьеру, став не только одним из ведущих функционеров НКВД УССР, но и потенциальным кандидатом во вторые секретари Одесского обкома КП(б)У, а также делегатом XI съезда КП(б)У, что фактически детерминировало его арест и осуждение. Во-вторых, это были процессы над «одиночками», где в качестве обвинительных материалов главным образом фигурировали внутренние чекистские документы, а не показания свидетелей.

Оказавшись под следствием, а потом и под судом, одесские чекисты-«перегибщики» применяли три универсальных для этой чистки органов госбезопасности защитных стратегии. Первая сводилась к отрицанию личной ответственности за какие-либо нарушения «социалистической законности». Вся ответственность перекладывалась чекистами на вышестоящее начальство: от начальника отделения вплоть до наркома внутренних дел СССР, друг на друга, а также (крайне редко) – на местные партийные

органы. Эта стратегия была особенно очевидной: ознакомившись с выдвинутыми против них обвинениями, чекисты ощутили себя в некоем Зазеркалье, где им теперь предстояло персонально ответить за выполнение официальных приказов, в том числе напрямую исходивших из Москвы и Киева. Так, Калюжный обвинялся в том, что «устанавливал контрольные цифры на аресты граждан». Абрамович, пытаясь дискредитировать свое бывшее начальство, в своем заявлении военному прокурору войск НКВД П.В. Лехову от 17 марта 1941 г. также писал о лимитах как о местной преступной инициативе: «Спустя еще некоторое время я увидел в практике работы Одесского УНКВД новый маневр. Он заключался в том, что руководство начало устанавливать для райотделений НКВД “лимиты” на аресты. Делалось это таким образом, что садили на оперработника “на прямой провод”, давали ему цифры для каждого района и вот работник, разговаривая с нач. райотделением, передавал ему приказание о подготовке к такому то числу такую то цифру людей. Эти лимиты доходили до неслыханных размеров. Были случаи, что предлагалось арестовывать за ночь 50–70 и более человек»¹¹³. Таким образом, лимиты репрессий, бывшие становой жилой операции по приказу № 00447, организованной и руководившейся Москвой, неожиданно стали преступной инициативой отдельных чекистских начальников. Это также свидетельствует о той обстановке секретности, в которой осуществлялись массовые операции.

Перекладывая вину на вышестоящее начальство, все обвиняемые рисовали в целом правдивую картину того жесткого давления, которое оказывалось практически на всех уровнях аппарата госбезопасности в период осуществления массовых операций. Здесь своеобразный «бонус» перед судом был у самых молодых и неопытных сотрудников. Гнесин, который в марте 1938 г. в возрасте 21 года решением Одесского обкома комсомола был мобилизован в органы, описывал в своем обращении Хрущеву, как проходила его «социализация» в УНКВД: он не видел ничего, кроме ругани и избиений, а «старшие товарищи», начальник отдела Калюжный и начальник отделения Майский, «окруженные ореолом славы», «[...] личным примером учили нас, молодых работников, как нужно работать с арестованными, заставляя ругать их, кричать и бить. Они зачастую по несколько раз в сутки звонили, вызывали следователей в кабинет, в том числе и меня, ругая за плохую якобы работу с арестованными. Критерием чему было то, что голос следователя не был слышен по коридору»¹¹⁴.

Гнесину внушали, что он «делает большое партийное дело»; налицо был также пример сотрудников, изгнанных из «органов» за мягкотелость и либеральное отношение к «врагу». Согласно показаниям сотрудника 2-го отделения 2-го отдела УНКВД по Одесской области П.А. Пышного от 10 марта 1939 г., от применения чрезвычайных методов следствия отказывались сотрудники управления, члены ВКП(б) В.Ф. Сальников и Хмельницкий, а также комсомолец Корниенко. Хмельницкого и Корниенко исключили из партии и комсомола и уволили¹¹⁵.

Абрамович, которого перевели в конце 1937 г. на работу в областное управление НКВД из районного аппарата, вспоминал первый урок, полученный им от бывшего начальника СПО УНКВД М.М. Герзона: «Когда он увидел, что арестованный не стоит, а сидит, то, уйдя из кабинета, спустя несколько минут он вызвал меня к себе. Требуя от меня объяснений о причинах “либерального отношения” к врагу, т. е. к арестованному [...] буквально криком мне заявил: “Вы еще молодой работник и не знаете, как партия велит громить врагов народа. В лице каждого арестованного вы должны видеть врага и не церемониться с ним. Ему нужно создать самые какие только могут быть худшие условия, после чего увидишь, с кем имеешь дело. А если вы будете представляться наивным человеком и будете ко мне приходить с зачатками либерализма по отношению врагов, то можете очень быстро очутиться на скамье подсудимых. Идите и делайте то, что вам приказывают»»¹¹⁶. Эстафету от Герзона перенял Калюжный, который подбирался в носках к дверям кабинетов следователей, и горе было тому следователю, из кабинета которого не доносились крики¹¹⁷.

Урок обхождения с арестованными Абрамович получил также из первых рук от самого наркома Успенского, который в ходе своего посещения УНКВД вошел в кабинет Абрамовича вместе с Гречухиным и Калюжным и якобы сказал следующее: «Вы не следователь. Работать не умеете. Раз арестованный не хочет сознаваться, и писать показания чернилами, то нужно его заставить, чтобы он писал их кровью». Машковский в своих показаниях от 26 апреля 1940 г. рассказал вероятно об этом же посещении Одессы Успенским: «Были случаи, когда в Одессу приезжал Успенский и ходил по кабинетам следователей и спрашивал: “Вы знаете, зачем вы призваны в органы? Для того, чтобы громить врагов”, затем спрашивал: “Хочешь вести борьбу с врагами?”, отвечаю “хочу”, “вот перед тобой враг (показывает на подсудимого), веди с ним борьбу»»¹¹⁸.

О роли партии в репрессиях чекисты предпочитали не говорить, чтобы не ставить себя под удар, однако время от времени они «проговаривались», демонстрируя, что прекрасно знают, кто санкционировал и контролировал массовые репрессии. Н.И. Буркин, еще один высокопоставленный сотрудник УНКВД по Одесской области¹¹⁹, уволенный из органов в 1939 г., на допросе от 10 июня 1939 г. признал, что «учет по политпартиям арестовывался без наличия соответствующих материалов, а на основе сфабрикованных справок на арест». Вину за это он традиционно возлагал на «успенца» Калюжного и самого Успенского, который летом 1938 г. отдал приказ арестовать весь «учет» по антисоветским политическим партиям, заявив: «До каких пор будут ходить по советской земле эти эсеры, меньшевики и т.д.». При этом деятельность Успенского получила поддержку на самом верху, о чем неоднократно говорил своим подчиненным Калюжный: «Успенский отчитывался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) о своей работе, которая полностью одобрена и сам тов. Сталин благодарил Успенского»¹²⁰.

Гапонов, оказавшийся, судя по тону письма, в начале 1940 г. на грани эмоционального срыва¹²¹, выразился на эту тему гораздо более резко и недвусмысленно: «Разве не обком в лице его секретаря Телешова держал город в страхе и ужасе, разве не он оклеветал Черницу, Шпака и Бергера, а кто давал санкцию на арест коммунистов, в частности и по КПК, и по “Черноморской коммуне”, [кто] как не он»¹²². Однако упоминание партии ограничилось только этими редкими случаями – она, как и жена Цезаря, была вне подозрений и вне критики.

Вторая стратегия заключалась в отрицании или минимизации совершенных преступлений, оспаривании подавляющего большинства выдвинутых против них обвинений, в первую очередь – в применении физического насилия и фальсификации документов следствия. Частью этой стратегии являлись попытки дискредитировать свидетелей из числа освобожденных подследственных, а также стремление выставить себя в качестве борцов с «липачами» и «фальсификаторами» в собственных чекистских рядах.

Так, Гнесин признавал, что применял «длительные допросы арестованных [по] 15–20 часов», но сам все это время «сидел [с ними] лично», а также сознавался «в оскорблениях, ругани арестованных», но не больше. Избивал арестованного он якобы только один раз, и то в группе, получив санкцию заместителя начальника 2-го отдела УГБ Н.И. Булкина. С.И. Гапонов в своем за-

явлении от 14 декабря 1940 г. военному прокурору войск НКВД П.В. Лехову также признавался в двух избиениях, произведенных исключительно с санкции вышестоящего начальства: «В январе 1939 г., получив соответствующую санкцию [начальства], я действительно нанес две пощечины Сенкевичу, но вовсе не для принуждения к подписанию показаний, а в связи с тем, что [Сенкевич] по издевательски то подтверждал, то опровергал свои собственные показания, жонглируя признаниями и отрицаниями»¹²³. Кроме этого, с санкции и «по настоянию» нового начальника УНКВД Старовойта им был избит подследственный Чумак, причем Старовойт также принимал участие в его избиении.

Абрамович якобы написал письмо Сталину о безобразиях, творящихся в управлении, ничего не говоря начальству, боялся, «чтобы письмо не перехватили через Политконтроль». Дело доходило до того, – заявлял Абрамович – что мы с женой решали, как и у кого останутся наши дети». После 17 ноября 1938 г. он гордился тем, что «наверное единственный» не побоялся отправить письмо Сталину, «и когда было созвано по письму ЦК оперсовещание 2-го отдела, то я первый, уже не боясь никого и ничего, выступил и рассказал о проделках Калюжного, об извращениях, о лимитах, и т. п.». Кроме того, Абрамович якобы «первый освободил более 50-ти человек, не мною арестованных, и ни в чем не повинных людей [...] Я начал разбираться по настоящему со своими делами, наметил большинство к освобождению, но это пришлось сделать уже другим товарищам, ибо меня, не знаю почему, вдруг перевели на работу на ДВ»¹²⁴.

Но пальма первенства в восстановлении соцзаконности безусловно принадлежала Гапонову. В феврале 1940 г. он уверял следствие, что сразу же после постановления от 17 ноября 1938 г. проинформировав секретаря Одесского обкома КП(б)У и Политбюро ЦК КП(б)У о положении дел и «творившихся безобразиях», на второй день после ареста Киселева «отменил решение двух-трех троек, возвратив дела на доследование»¹²⁵. Кроме этого, Гапонов «лично и немедленно занялся разбором группового следственного дела по 3-му отделу на красных партизан в [количестве] 100 человек и доказал необоснованность их содержания под стражей. Организовал работу с агентурой и тщательный разбор всех следственных дел. Ведал розысками Успенского, занимался хозяйственными делами [...] и ежедневно представлял во всех областных и городских партийных организациях. Заместителя у меня не было [...] Несмотря на это, я все же сумел разо-

блачить вредную практику работы Тягина, Макиевского, Айзмана, Рыбакова и Раева и успел некоторых из них отдать под суд»¹²⁶.

Но, несмотря на такую якобы активную деятельность по освобождению невинно арестованных людей, которую чекисты развили в 1939 г., они не сомневались в правомочности и необходимости массовых операций в целом. В этом смысле характерно следующее заявление Тягина от 10 мая 1939 г.: «Создание фиктивных организаций имело место по церковникам и 3-му отделению под названием “Молодая генерация”, о чем мне говорил Буркин и Мельниченко, а также и другие сотрудники об этом поговаривали [...] Я уже отвечал выше, что выписка справок, не соответствующих действительности, является преступлением, но лица, которые были по ним арестованы, антисоветски себя проявляли»¹²⁷. Тот же Тягин во время одного из допросов сформулировал расхожее заявление, которое повсеместно в разных вариациях повторялось осужденными чекистами от Дальнего Востока до Украины – о разнице в проведении массовых операций в 1937 г. и в 1938 г.¹²⁸ В устах Тягина это утверждение применительно к одесским условиям выглядело следующим образом: «Аресты по всем антисоветским политпартиям нужно разграничить на два периода: первый с декабря 1937 г. по апрель 1938 г., и второй с апреля 1938 г. Первые аресты проводились на основе крепких агентурных материалов, и в процессе следствия были вскрыты следующие контрреволюционные организации: эсеровская, сионистская, анархистская, дашнакская, меньшевистская, бундовская. Аресты во время второй операции проводились на основе формулярного учета, причем на некоторых лиц не было данных об участии в подпольных организациях, но в справках на арест об этом писалось»¹²⁹. Таким образом, цель оправдывала средства, и чекисты-«перегибщики» охотно признавали незначительные нарушения закона, которые служили благой цели борьбы с врагами народа. Все остальные выдвинутые в отношении них обвинения чекисты, особенно непосредственно на суде, отвергали.

Третья стратегия защиты представляла собой стремление продемонстрировать следствию и суду, что они были, есть и продолжают, несмотря ни на что, оставаться верными сталинцами и «социально-близкими» советской власти людьми. Здесь главное место занимало апеллирование к своим чекистским заслугам перед партией и советской властью и указания на верную службу, несмотря на тяжесть специфической чекистской работы и грозившую им лично опасность в деле борьбы с врагами революции.

Эти заявления делались, как правило, на высокой эмоциональной ноте. Так, Гапонов писал: «Моего любимого сына, которого я воспитывал в духе преданности и любви к нашей Родине и великой партии Ленина-Сталина, не оставляйте, думаю, что советская власть сумеет его довоспитать не хуже меня. Только никогда не говорите ему, что его отец начал и закончил свою жизнь в тюрьме»¹³⁰. Абрамович в трагизме описания гибели от руки своей собственной власти превзошел Гапонова. «Я прошу сталинской правды, – писал он 22 апреля 1941 г. – Прощай, моя любимая Родина! Прощай, мой воспитатель комсомол. Прощай, моя дорогая партия, принявшая меня в свои ряды два года тому назад. На смерть с открытыми глазами идет невинный коммунист – 32-летний рабочий литейщик. Да здравствует коммунизм! Да здравствует Великий Сталин! Я прошу помнить, что я заслуживаю наказания, но не расстрела»¹³¹.

Калюжный в последнем слове давал понять судьям, что он всегда был сторонником убеждения, а не принуждения и грубой силы, даже в отношении явных врагов советской власти. Будучи участником подавления «кулацких» восстаний в период коллективизации, которые «[...] набирали такую силу и остроту, что нужно было применять оружие, что и было сделано во многих районах. Я же, несмотря на то, что имел в своем распоряжении отряд всадников, сумел организовать работу так, что восстание было ликвидировано без применения этой силы, т.е. без кровопролития. Аналогичное восстание также было мной ликвидировано в 1931 г. в другом районе»¹³². Тягин в своем последнем слове на суде сделал все, чтобы подчеркнуть свою беззаветную преданность системе: «В период борьбы с бандитизмом у меня был пробит череп, отчего я страдал эпилепсией. Я большой туберкулезом во 2-й стадии. 15 лет я работал безупречно и вот на 16 год работы в органах НКВД я стал преступником. Преступником я не был. Я проявил только политическую близорукость, такую же близорукость проявляли все работники отдела. По распоряжению нач. 2-го отдела Калюжного я выписывал справки, корыстной цели в этом не преследовал, выдвижения по службе не добивался, а наоборот, в силу своего здоровья просил, чтобы меня не выдвигали. Прошу дать мне возможность возвратиться к своей семье и честно продолжать работу»¹³³.

Массовые операции НКВД 1937–1938 гг. осуществлялись в стиле сталинских массовых кампаний, которым были свойственны следующие характерные черты: формирование определенного

дискурса, интенсификация событий в рамках какого-либо общественно-политического или экономического сегмента, соревновательный характер происходящего, где планы устанавливались только для того, чтобы их перевыполнить (как и было в случае с «лимитами»), кампании имели всегда своих героев и антигероев, а также конечные сроки. Феномен всех без исключения кампаний заключался в эффекте «перегиба»: сталинская власть сознательно поощряла «перегибщиков», добиваясь с одной стороны, выполнения с их помощью поставленных задач, будь то «выбивание» хлеба, проведение раскулачивания, ликвидация церквей или уничтожение «бывших», во-вторых, с помощью «перегиба» тестировала рамки и границы возможного. Вслед за этим следовало наказание «перегибщиков» (как правило, относительно мягкое) при разыгрывании карты «эксцессов на местах» и «восстановления законности» центральной властью.

Защитные стратегии сотрудников НКВД под судом и следствием свидетельствуют, что чекисты, оказавшиеся в числе «перегибщиков», в любом случае рассчитывали на то, что «своя» власть никогда не накажет их строго за чрезмерную жестокость к «врагам народа». Так в результате в целом и произошло. Однако жесткие меры по дисциплинированию сотрудников органов госбезопасности были необходимыми, так как среди них оказалось слишком много сторонников «чрезвычайщины», не желавших отказываться от того нового места, которое чекисты заняли в системе советской иерархии власти в результате Большого террора.

Палач и жертва Большого террора

Сергей Иванович Гапонов – это некий «химически чистый» тип чекиста 1930-х гг. Его биография призвана помочь создать коллективный портрет чекистов, которые успешно осуществили Большой террор. Этот портрет, в свою очередь, также должен внести свой вклад в дискуссию о том, как в условиях современных диктатур формируются «совершенно обычные люди» – ordinary men¹³⁴ – которые являются не только послушным, но и добровольным активным инструментом в руках государства для осуществления массовых карательных акций. Биография Гапонова также призвана помочь выяснить, какую роль играла советская специфика в этом генезисе современных карателей.

Гапонов происходил из семьи сотрудников ВЧК, подростком был вовлечен в агентурную сеть ОГПУ, а затем, переведенный на

«гласную работу», прошел путь от рядовых должностей эпохи «великого перелома» к руководящим постам периода Большого террора. Дальнейшие перипетии его судьбы также могут найти соответствие в биографиях целого ряда видных работников НКВД, которым не удалось избежать тюрьмы, но посчастливилось выжить.

Сергей Гапонов родился 9 августа 1908 г. в г. Енакиево Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Детство Гапонова трудно назвать благополучным. Он рос в семье профессиональных революционеров, для которых ответственное воспитание потомства не являлось приоритетом. Его родители были подпольщиками с огромным партийным стажем: отец Иван Григорьевич являлся большевиком с 1903 г. (в 1930-е – работник мельничного треста), мать Лидия Вениаминовна – с 1905 г. (позднее заведовала гостиничным трестом). Характерно, что в 1930-х гг. давно расставшиеся родители Гапонова занимали примерно одинаковое служебное положение хозяйственных руководителей среднего звена¹³⁵.

В 1930-е годы о революционной деятельности Гапонова-старшего выяснились совершенно неожиданные подробности. В мае–июле 1904 г. он находился под стражей в Новониколаевской тюрьме по обвинению в принадлежности к Донской организации РСДРП. В разгар революции, 5 ноября 1906 г., он вновь был привлечен к дознанию за принадлежность к таганрогским эсдекам, но отделался лишь коротким заключением. Затем Гапонов-старший приобщился к криминальной деятельности: 7 марта 1911 г. Временный военный суд в Новочеркасске признал его виновным «в разбойном нападении на жилой дом в местности, объявленной на военном положении» и приговорил «в каторжные работы без срока». Архивная справка гласила, что 12 декабря 1908 г. мещане М. Василенко и Д.К. Яковенко, крестьяне К. Зайцев, М. Дейнека и И. Гапонов в районе с. Зуевки Таганрогского округа «совершили вооруженное нападение на квартиру служащих на руднике Титова, Пивоваровой и Семенченко, но не найдя у них денег, ворвались в квартиру кассира рудника мещанина Марко, у которого под угрозой лишить его жизни, ограбили 649 руб.». Пойманные сразу после ограбления, спустя два года они были преданы военному суду и 7 марта 1911 г. осуждены к повешению, за исключением Яковенко и Гапонова, получивших бессрочную каторгу. По конфирмации Войскового наказного атамана Зайцев и Дейнека также оказались помилованы и отправлены на бессрочную ка-

торгу. Показательно, что в 1930-е гг. Яковенко и Руденко утверждали, что дело о разбое было фальсифицировано полицией, причем эти заявления партийными контрольными инстанциями были приняты на веру¹³⁶.

Лидия Гапонова также была активной революционеркой. В марте 1909 г. агентура Юго-Восточного районного охранного отделения донесла о готовящемся нападении на Таганрогскую тюрьму с целью освобождения арестантов. Секретный сотрудник «Смирнов» сообщал, что динамитные фитильные бомбы для разрушения тюремной стены готовят в виде кирпичей, а привоз их в Таганрог взяла на себя Лидия Гапонова, жена «грабителя», содержавшегося в тюрьме. Лидия получила 25 апреля четыре снаряда и на следующий день была задержана у тюрьмы. В ее кошелке под продуктами нашли четыре кирпича, которые затем в присутствии судебного следователя «были взорваны экспертом и оказались страшной силы». Вместе с Гапоновой было арестовано еще 9 человек¹³⁷. В октябре 1909 г. Гапонова была осуждена на четыре года тюрьмы, где находилась с младенцем Сергеем¹³⁸. Амнистированная в 1913 г., Лидия была направлена с сыном в ссылку в Верхнеудинск, где жила до 1916 г., после чего смогла выехать в Ростов. В 1917 г. И.Г. Гапонов нашел семью, но Лидия еще в Сибири повторно вышла замуж, родила сына Вениамина, поэтому соединения семьи не произошло. Далее Гапонов-старший был комиссаром полка и в 1919 г. воевал против атамана А. Григорьева, а в 1920–1923 гг. заведовал отделом губЧК-ГПУ по борьбе с бандитизмом. Лидия в 1920–1924 гг. служила в Красной армии, в начале 1920 г. вышла замуж за Г.Р. Слиозберга, капитанармуса военного госпиталя, затем подвизавшегося в Екатеринославской губЧК уполномоченным экономического отдела, и развелась с ним в 1930 г.¹³⁹.

В годы, когда молодой чекист продвигался вверх по служебной лестнице и участвовал во все более крупных делах, его родители оказались под пристальным вниманием «органов». Иван Гапонов, работавший заведующим мельницей, в 1932 г. был отдан под суд за служебные преступления и исключен из партии, причем дело его поступило на рассмотрение в полпредство ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. Но 5 сентября 1933 г. дело на И.Г. Гапонова по ст. 117 УК полпредством было прекращено за недоказанностью, а по ст. 109 он был 16 февраля 1933 г. осужден к пяти годам лагерей условно. Тем не менее, Гапонов-старший остался на учете чекистов Северного Кавказа, и в феврале 1934 г. Таган-

рогский горотдел НКВД сообщил, что он «проходит [...] по серьезному агентурному делу к.р. антипартийного характера». Только в марте 1937 г. ему удалось добиться восстановления в партии, но с перерывом стажа, и на 1940 г. Гапонов работал парторгом в системе промышленной кооперации Таганрога¹⁴⁰.

Сходные неприятности были и у матери нашего героя, Л.В. Гапоновой-Питул, которой в чистку 1929 г. сняли 12 лет партстажа и утвердили его только с 1917 г. Лишь в 1932 г. ЦКК ВКП(б) восстановила ей стаж в партии с 1905 г. Чекисты, в свою очередь, завели на Гапонову досье в связи с ее троцкистскими знакомствами, и даже в 1939 г. она все еще продолжала состоять на формулярном учете в Днепропетровске за близкую связь с бывшей меньшевичкой Ф. Рогинской, которая вращалась в кругу «активных троцкистов». На деле Рогинская, привезшая 300 руб. для арестованного родственника – троцкиста Литовского, просто останавливалась у Гапоновой. Включенной в систему чекистских досье она оказалась из-за мстительности днепропетровских чекистов. Гапонов в 1937 г., объясняясь, писал начальству в Киев, что его мать, руководя гостиничным трестом, «категорически отказалась давать бесплатные номера сотрудникам НКВД и работникам партийных аппаратов и по отношению тех людей, которые своевременно не платили деньги [...] выселяла их из номеров. Также ею было отказано в даче номера [начальнику СПО окротдела] Соколову и Начальнику Днепропетровского Оперода – Цалеву, которые выставили ряд мотивов [...] о том, что она не справилась со своей работой и ее необходимо снять». В 1941 г. Гапонова руководила школой медсестер в Одессе¹⁴¹.

Начиная с 1920 г., Сергей Гапонов жил в Таганроге с отцом, где тот работал в ЧК начальником отделения (мать же являлась военкомом госпиталя в Нахичевани и Ростове-на-Дону, а затем начальником личного стола и отделения военной цензуры Екатеринославской губЧК). Не объясняя причин случившегося, лишь упоминая «голодовку» начала 1920-х гг., Гапонов позднее отмечал, что в этот период он «оторвался от родителей, некоторое время был беспризорным», и только в 1923 г. поселился у матери в Днепропетровске. В это время чекистскую карьеру продолжал его старший брат (почему-то носивший фамилию Никитин), работавший начальником ИНФО Проскуровского окротдела ГПУ УССР, а затем работавший директором Харьковского химзавода¹⁴². Жизненную дорогу Сергей выбрал обычную и первое время желал получить хорошую рабочую специальность, а затем – высшее

образование. После окончания неполной средней школы в 1924 г. Гапонов учился на токаря в фабрично-заводском училище Днепропетровска, а с 1926 г. как токарь по металлу поступил на завод «Спартак» и одновременно стал учиться на рабфаке металлургического института. Тогда же он окончил вечернюю партийную школу 2-й ступени, что означало проснувшийся интерес не только к пролетарской карьере, а также внимание власти к активному молодому рабочему. В следующем году Гапонов перешел в слесари вагонного цеха Сталинской железной дороги, а в 1928–1929 гг. был токарем по металлу Днепропетровского завода «Сатурн»¹⁴³.

Примерно в 16 лет, то есть в 1924 г., учащийся ФЗУ Гапонов был завербован чекистами, но о характере первых поручений сведений нет, поскольку личное и рабочее дела на сексота Гапонова недоступны; скорее всего они были давно уничтожены в связи с истечением срока хранения. Сам Гапонов отсчитывал свой чекистский стаж с 1927 г. Но чекисты отмечали, что начало секретной работы Гапонова относится к периоду его обучения в ФЗУ «Юный металлист», где существовала молодежная троцкистская группировка. Один из ее членов, Я.И. Цейтлин, предложил Сергею примкнуть к этой группе, чтобы на очередном собрании комсомола голосовать против резолюции ЦК ВКП(б). Окончательного согласия Гапонов ему не дал, тут же сообщив о разговоре секретарю комсомольского комитета ФЗУ Азархину. Комсорг вместе с Гапоновым немедленно отправился в окружную партколлегию, где юноше, с ведома секретаря окружкома Б.А. Семёнова, предложили «в порядке комсомольской дисциплины» согласиться с предложением Цейтлина и влиться в его группу, чтобы «доносить партколлегии о деятельности таковой». Однако впоследствии переданные Сергеем сведения стали известны некоторым руководителям окружкома комсомола, а через них узнали и троцкисты. Поэтому комсомольца стали подозревать в том, что он рассказал о деятельности троцкистской группы своей матери, которая затем донесла об этих фактах в партколлегию¹⁴⁴.

После этого эпизода Гапонов «категорически отказался сообщать что-либо Партколлегии, заявив, чтобы его связали с ГПУ и лишь только в этом случае он будет продолжать работать». В тот же день уполномоченный секретного отделения Днепропетровского окротдела ГПУ Друян прибыл в контрольную комиссию и связался с Гапоновым, получил у него подробные материалы о троцкистах, оформил его как агента и дал «задание продолжать сближение с троцкистами с тем, чтобы за короткий период вре-

мени стать близким человеком к троцкистскому комсомольскому центру в Днепропетровске». В итоге Гапонов «стал близким человеком к центру, присутствовал на совещаниях центра и ему давался ряд ответственных поручений». Юный агент вскрыл «несколько десятков троцкистов, которые проводили конкретную троцкистскую работу в г. Днепропетровске, Харькове и Москве»¹⁴⁵. Согласно справке начальника секретного отдела Днепропетровского окротдела ОГПУ В.С. Гражуля, Гапонов в начале 1928 г. начал обрабатываться троцкистами для работы и с первых дней стал освещать их деятельность для окружкома партии, а с апреля 1928 г. работал непосредственно на связи у работников окружного отдела и являлся ценным сексотом.

Чекисты отмечали, что по их заданию Сергей Гапонов был исключен из комсомола и кандидатов партии, а также впоследствии арестован, совместно с другими комсомольцами, при окончательном разгроме троцкистов в Днепропетровске. Вероятно, молодежная оппозиционная группа была так наспигована агентурой, что чекисты посчитали ненужным репрессировать ее участников, ограничившись кратковременным арестом основной части. Поначалу 5 января 1929 г. было заведено групповое дело на Г.О. Берлянда, С.И. Гапонова, Е.С. Кесса, Г.И. Козьянского, Г.Д. Кренцеля, Л.М. Меламеда, М.И. Спивака, А.Е. Трауша, Я.И. Цейтлина, Г.М. Шайковского, И.Н. Шендеровича, Т.С. Ясинского «за активную а/с работу к подрыву и ослаблению мощи соввласти» по ст. 54-10 УК УССР, каравшей за антисоветскую агитацию. Но Секретный отдел ГПУ УССР примерно через месяц его прекратил¹⁴⁶.

Арест Гапонова и исключение «были связаны с его зашифровкой как нашего сотрудника [...], чего мы и добились». За период негласного сотрудничества с ОГПУ Гапонов был связан с оперативниками Друяном, Экгаузом, Д.Н. Медведевым (будущим деятелем партизанского движения в Белоруссии и писателем), М.Г. Чердаком (в Харькове) «и поддерживал, некоторый период времени, непосредственную связь с работниками ОГПУ». После разгрома троцкистского подполья юного сексота, являвшегося уже не рядовым информатором, а внедренным в организацию спецосведомителем, с которым работали не только резиденты, но и гласные работники ОГПУ, почти сразу же взяли на официальную работу в Днепропетровский окротдел ГПУ УССР и помогли восстановиться в партии.

Подобное начало чекистской карьеры и мнимые аресты для конспирации собственной агентурной деятельности были типичны

для целого ряда видных работников ОГПУ-НКВД. Будущий полковник госбезопасности В.М. Казакевич, работавший в 1935–1937 гг. в Одесском УНКВД, а в 1938 г. – в Особом отделе ГУГБ НКВД СССР и принимавший участие в допросах многих крупных военачальников (в т. ч. и маршала А.И. Егорова), начал свою чекистскую деятельность в 1927 г. 19-летним сексотом. Будучи студентом Харьковского института народного хозяйства, он получил задание «освещать» троцкистов в своем вузе. Чтобы обезопасить ценного осведомителя, ГПУ Украины в 1928 г. наряду с другими троцкистами арестовало и Казакевича, чтобы уже через две недели освободить его. В заявлении в МГБ СССР от 5 ноября 1948 г. Казакевич писал, что «достаточно поднять агентурные дела на моих сокурсников-троцкистов и будет ясно, что они сели в тюрьму именно по моим материалам, как агента»¹⁴⁷.

Первая официальная оценка работы агента Гапонова – короткая и недатированная справка начальника секретного отдела Днепропетровского окротдела ОГПУ В.С. Гражуля, которая гласила, что Гапонов очень ценный сексот: «Не глуп. Не болтает, может сохранять секреты. Исполнителен. Главным недостатком является отсутствие общей грамотности. При хорошем руководстве и систематическом повышении своих общеполитических знаний – будет хорошим чекистом»¹⁴⁸. Дальнейшая жизнь Гапонова полностью подтвердила это предвидение опытного оперативника, вскоре отправленного с Украины на нелегальную работу в Голландии, Франции и Германии.

С мая 1929 г. началась гласная чекистская работа 20-летнего Гапонова в качестве сверхштатного архивариуса Днепропетровского окротдела ОГПУ, с августа его стали привлекать к оперативным мероприятиям, а с 1 января 1930 г. он был назначен практикантом и сверхштатным помощником уполномоченного ИНФО окротдела, получив на связь первых агентов. Руководил ИНФО М.И. Говлич, который осенью 1930 г. составил следующую положительную аттестацию на регистратора ИНФО Днепропетровского оперсектора (с 14 сентября 1930 г.), отметив даже «излишнее увлечение работой» молодого сотрудника: «Тов. Гапонов [...] привлечен был на техническую работу по разработке архивов. Однако как проявивший оперативные способности был вскоре использован как практикант по С[екретному] о[тделу], а затем в средних месяцах 29 г. был взят в ИНФО, где работает и по сие время. Если в начале т. Гапонову трудно было освоиться с информработой, разработками, составлением сводок и инструктажем сети, то в резуль-

тате работы над ним за указанный промежуток времени, он работу начал усваивать и на сегодняшний день вполне справляется с работой Пом. Уполномочен. ИНФО, обслуживая воинские объекты, военизированную охрану и пожарные команды, ОСОАВИАХИМ, переменный состав, Окрвоенкомат и комсостав запаса. Обслуживание этих объектов проводит удовлетворительно. Имеет хорошее осведомление, правильно им руководит в основном, выпускает хорошие сводки по содержанию и своим объектам. Достоин вполне должности и сверхштатного п[омощника] уполномоченного ИНФО. Член КСМ, общее развитие удовлетворительное, не склонен, дисциплинирован, выдержан. Ошибки свои признает, но болезненно их переживает. Из недостатков следует отметить порой излишнее увлечение работой и нечеткое изложение своих мыслей на бумаге»¹⁴⁹.

Подобное «практическое» выращивание чекистов-оперативников из проявивших себя агентов и технических работников было типичным для среды ВЧК-НКВД. Гапонов не проходил каких-либо курсов, а учился чекистской работе на примере старших товарищей, которые брали его на явки с агентами, объясняли азы агентурной и следственной работы. Однако знание законов для чекистов было необязательным, и большинство из них отличалось правовой безграмотностью.

На рубеже 1931–1932 гг. Говлич уже смог привести целый перечень реальных чекистских дел своего подопечного: «Опыта еще мало, но работоспособен, не считаясь со временем. В оперсекторе обслуживал воинские объекты – ВОХР, комсостав запаса и переменников». Из достижений Гапонова отмечалось выявление среди комсостава запаса группы белогвардейских офицеров «с повстанческими тенденциями», а также сбор первичного материала на сына бывшего помещика Вышинского, «который в разговоре с нашей агентурой высказывал необходимость убийства т. Сталина [...] писал целый ряд к.р. стихотворений, которые распространял среди своих знакомых». Гапонов активно разрабатывал бывшего городского голову Осипова и бывшего офицера Журавлева, оказавшихся «активными фигурантами» огромного провокационного дела «Весна» на бывших офицеров царской и белых армий, которое стало главным достижением чекистов Укraiны в 1931 г. Свои материалы Гапонов передал в Особый отдел, «где дальнейшая оперативная проработка их и следствие целиком и полностью подтвердили добытые материалы». Говлич отмечал, что Гапонов соответствует должности помощника упол-

номоченного СПО, «подает надежды на хорошего оперативного работника в будущем», но «нуждается в систематическом повседневном руководстве»¹⁵⁰. Отметим, что с 1932 г. Гапонов состоял в членах КП(б)У. Цена голода, беспризорничества и напряженной работы была высокой – уже в конце 1931 г. медкомиссия обнаружила у чекиста, помимо общего нервного расстройства (классической болезни чекистов), еще и серьезное сердечное заболевание – эндокардит¹⁵¹. В то же время документы не упоминают о каких-либо следах привязанности Гапонова к другой распространенной чекистской «болезни» – систематическому пьянству.

Согласно характеристике от середины января 1933 г., Гапонов «обслуживал» бывших деятелей Украинской Коммунистической партии (УКП) и городское учительство, усвоил основы агентурно-оперативной работы и проявлял добросовестное отношение к своим обязанностям. Это означало, что оперативник имел ряд «первичных агентурных зацепок по бывшим укапистам и частично по городскому учительству, возникших в результате работы с агентурой и представляющих определенную ценность». В актив Гапонову также записали успех серьезного политического дела. Командированный в Ореховский район, после жесточайших указаний Сталина и руководства УССР, сломить сопротивление непосильным хлебозаготовкам со стороны низовой партийно-советской номенклатуры, Гапонов вскрыл «организованный саботаж» со стороны секретаря райкома Головина, председателя райисполкома Паламарчука и членов бюро райкома КП(б)У, итогом чего стало проведенное Гапоновым следствие, закончившееся лагерными сроками для обвиняемых и расстрелом одного из них. Чекист в свою очередь был награжден именованным оружием¹⁵².

Аттестация в октябре 1933 г. зафиксировала Гапонова в должности уполномоченного 2-го отделения СПО Днепропетровского облотдела ОГПУ. Инициативу он проявлял слабо, а политически все еще был «развит средне», хотя, помимо агентурно-следственной работы по «националистам», «обслуживал» также органы печати и зрелищные учреждения. Борясь с «националистами», Гапонов участвовал в деле «Осколки» в Новомосковском районе Днепропетровской области. В 1933 г. Гапонов принимал участие в агентурной разработке и следствии по делу «Украинцы», а также вел следствие по делу «Украинской военной организации». Начальство одобрительно отмечало проявленную чекистом настойчивости в приобретении агентуры: например, Гапонов завербовал

«ценного агента» по УКП «Берданка». К отрицательным качествам Гапонова относили «некоторую вялость и недостаточную серьезность в оценке материалов, подлежащих разработке». Также отмечалось, что, в согласии с повсеместными и традиционными указаниями, круг знакомых Гапонова «в основном чекистский», что позволяло начальству контролировать работника. В августе 1934 г. Гапонов благополучно пережил жесткую партийную чистку. Говлич отметил его склонность к оперативной работе, охарактеризовав как «неплохого чекиста и коммуниста»¹⁵³.

Однако в конце 1934 г., в соответствии с приказами Ягоды и Балицкого о перестройке агентурной работы, в управлениях НКВД были проведены проверки, которые показали совершенно неудовлетворительный формализм в работе с осведомлением в большинстве чекистских подразделений. Всего в УНКВД по Днепропетровской области на конец ноября 1934 г. имелось: 231 агент, 153 резидента, 407 спецосведомителей и 1787 осведомителей. Во 2-м отделении СПО имелось шесть сотрудников, половину которых составляли опытные оперативники: начальник отделения Д.Г. Лифарь, имевший на личной связи 11 агентов, оперуполномоченный Стрельцов (руководил работой в 22 районах области по всем объектам отделения, был связан с четырьмя агентами) и оперуполномоченный Чаплин, обслуживавший научные круги и имевший на личной связи 26 агентов. Остальные сотрудники были в ранге уполномоченных: Гапонов работал по политическим партиям в Днепропетровске, имея на связи резидента и 12 агентов; Коган обслуживал студенчество, курируя резидентов по вузам, двух агентов и 12 спецосведомителей; Талисман обслуживал 23 района по объектам отделения, имея в областном центре 5 агентов.

В конце 1934 г. отделение не имело следственных дел и вело всего лишь четыре агентурные разработки, из которых одна («Коричневые»), на учителя немецкого языка Ульриха, была закреплена за Чаплиным, который за полгода не обеспечил никакого «агентурного освещения». Остальные три курировал один Гапонов. Самым важным считалось дело «Хищники» на Бортника, Каргальского, Архангельского и Лозинского, но Бортник совершенно не прорабатывался, а к остальным фигурантам не было «надежного агентурного подхода»¹⁵⁴. Разработка «Неисправимые» затрагивала украинского националиста Кусака и еще двух человек, но, будучи заведенной в мае 1934 г., тут же оказалась законсервированной, ибо с агентом «Грищенко», который, как и

Кусак, жил в Кривом Роге, связь не поддерживалась. Слабо работала агентура по разработке «Разведчики», затрагивавшей «укапистов» с. Диевка Днепропетровского района, поэтому к фигурантам не было «прямого подхода» и их «глубокой разработки». По основным объектам деятельности 2-го отделения: националистам из научной среды, профессуре, аспирантам, вузам и учителям агентурных дел не было, за исключением сомнительных связей учителя Ульриха с немецким консульством. Отделение также не приняло мер для вскрытия укапистского подполья¹⁵⁵.

Из проверенных в отделении личных и рабочих дел 21 агента следовало, что семеро из них в последние месяцы принимались редко и материалов не давали вообще, а в целом «сеть засорена полурасшифрованными агентами». Старый агент и бывший активный петлюровец «Ильин», давший «в прошлом ряд крупных дел», не раз использовался в качестве внутрикамерного агента, оказался частично расшифрован, за последние месяцы ничего не давал. Бывший помощник командира полка петлюровской армии «Руденко», студент литературного факультета университета, также никакой информации не давал. Из имевшихся в вузах 89 осведомителей не использовалась почти половина. Были и объективные трудности: у отделения имелась единственная конспиративная квартира, на которой принималось 17 агентов, а остальных сексотов оперативники принимали у себя на дому.

3-е отделение СПО работало гораздо активнее и на 13 оперативников имело 51 разработку по эсерам и прочей «сельской контрреволюции», из которых только 10 расценивались как заслуживающие внимания. В 1-м отделении работало 11 сотрудников, вяло занимавшихся антипартийными группами и совсем не следивших за бывшими коммунистами, а единственное следственное дело было прекращено как созданное агентом-провокатором. Четвертое отделение имело троих оперативников, работая по религиозным организациям и объектам связи. На 1 декабря 1934 г. в СПО УГБ УНКВД по Днепропетровской области основная часть (102 чел.) из квалифицированной агентуры – агентов и спецосведомителей – имела стаж негласной работы до года. Стаж до четырех лет имелся у 25 агентов, до шести – у 17, а восемь и более лет стажа имели 38 сексотов. Таким образом, в конце 1934 г. инспекция НКВД УССР зафиксировала слабые результаты агентурной работы всего СПО УНКВД, включая и 2-е отделение. Такая ситуация была типична для аппаратов УНКВД¹⁵⁶, а также прочих чекистских структур в большинстве регионов. На

привычные замечания верхов о слабости агентурно-осведомительной работы следовали дежурные заверения о ее пересмотре и подъеме, подкреплявшиеся ведомственными поощрениями. И «перестроившийся» Гапонов уже в начале 1935 г. был поощрен за успехи в агентурной работе по дальнейшим разработкам.

С середины 1930-х годов из характеристик Гапонова исчезли указания на недостатки. Материалы аттестации за апрель 1935 г. свидетельствуют, что Гапонов (кстати, плохо знавший украинский язык) по-прежнему работал по «линии» украинской контрреволюции – политпартиям, галичанам (военнослужащим Червонной Украинской Галицкой армии, ранее воевавшей на стороне Украинской народной республики и Деникина) и эту «работу знал хорошо», а остальные отрасли оперработы «в основном [...] неплохо». Также Гапонов удовлетворительно усвоил основные приказы и инструкции НКВД и в соответствии с ними перестраивал свою работу по вербовке агентуры: «Обращивать объекты на вербовку, а также и вербовать агентуру – умеет. Любит работу с агентурой, умеет ею руководить и воспитывать. По материалам его агентуры возникло ряд разработок». Гапонов лично провел агентурные и следственные разработки: «Притон», «Хищники» (по террору) и др. В разработке у Гапонова имелись два дела: «Разведчики» (боротьбистско-укапистское подполье) и «Топографы» – по украинской контрреволюции. Как инициативный и волевой сотрудник, Гапонов подлежал выдвижению на должность оперуполномоченного¹⁵⁷.

Таким образом, первые шесть лет своей гласной чекистской карьеры Гапонов провел в Днепропетровском окружном отделе и оперсекторе, а затем в областном отделе ОГПУ-НКВД, где прошел путь от архивариуса и практиканта до уполномоченного секретно-политического отдела – головного отдела в системе политического сыска. Гапонов специализировался на агентурной разработке лиц, которых власть относила к «украинским националистам». До поры до времени его карьера развивалась обычным темпом. Гапонов, как все старательные чекисты, постоянно получал поощрения. В 1933 г. его премировали двухмесячным окладом «за предотвращение теракта и вскрытие саботажа в хлебозаготовках». В 1934 и 1935 гг. за «хорошую постановку работы и вскрытие контрреволюционного подполья» (хотя на деле результаты 2-го отделения были провальными) он дважды награждался деньгами от имени НКВД УССР. Кроме этого, Гапонов также имел благодарность за вскрытие боротьбистской организации «с обнару-

жением динамита и баллонов с ядовитыми газами», а за активную работу с агентурой, обеспечившую «подъем агентурно-оперативной работы», 9 января 1935 г. Гапонов получил благодарность и двухмесячную зарплату¹⁵⁸.

В его аттестации на присвоение звания лейтенанта госбезопасности, подписанной наркомом В.А. Балицким, его замом З.Б. Кацнельсоном и начальниками отделов НКВД УССР (скрепленной подписью Ягоды от 30 декабря 1935 г.), как оперуполномоченного 3-го отделения СПО Днепропетровского УНКВД, кратко указаны основные достижения: в 1924–1928 гг. работал как агент «Огонек» по троцкистам и помог вскрыть ряд групп в Днепропетровске, Харькове и Москве, с 1929 г. работал по ликвидации разработки «Осколки» – повстанческой организации бывших УКПистов. В 1933 г. участвовал в агентурной разработке и следствии по делу «Украинцы», вел следствие по делам «УВО», «Весна» и «ОУН». Как хороший работник и грамотный чекист, знающий агентурно-оперативную работу, он был признан достойным присвоения спецзвания лейтенанта ГБ и намечен для выдвижения в Киев, в аппарат СПО. И в апреле 1935 г. Гапонова перевели в столицу на должность уполномоченного 2-го отделения СПО УГБ НКВД УССР, а 1 декабря 1935 г. назначили оперуполномоченным 3-го отделения СПО.

Эта должность в республиканском аппарате подразумевала участие в политических делах более солидного масштаба. Характеризовался Гапонов в этот период положительно, но довольно сдержанно. Так, в справке об оперативной деятельности чекиста за первое полугодие 1936 г. руководство СПО в лице начальника 3-го отделения С.А. Пустовойтова и начальника СПО П.М. Рахлиса (расстрелянного в январе 1938 г.) отмечало, что «объектом обслуживания» Гапонова была «украинская контрреволюция», которую он «освещал» с помощью четырех осведомителей. Руководил он этой самой массовой разновидностью негласных помощников «удовлетворительно», в связи с чем некоторые осведомители «после известной работы над ними» могли быть переведены «в ближайшем будущем в агенты». Помимо рядовых осведомителей, Гапонов был связан с взятыми на централизованный учет (т. е. зарегистрированными как реальные, а не «мертвые души», спешно набранные для отчетности) агентами «Жаботинским» (по Донбассу), «Кооператором» и «Лотосом» (по Черниговской области). Чекист вел агентурное дело «Подготовка» по разработке «украинского эсеровского подполья», по которой

проходил член ЦК УПСР Недилько, вернувшийся из ссылки и, как уверяли чекисты, якобы ведший работу по воссозданию эсеровской организации. Новых вербовок у Гапонова не было, что означало не очень активную агентурную работу. Зато в этот период Гапонов успешно провел следственное дело арестованного по «немецкой фашистской организации» Митрофанова, добившись от него признаний в контрреволюционной работе. Также Гапонов периодически участвовал в обысках и арестах¹⁵⁹.

Характеризуя работу Гапонова за второе полугодие 1936 г., его начальники отмечали, что оперуполномоченный Гапонов новых вербовок не имеет, «хотя неоднократно вызывал намеченных объектов к вербовке». Трудности с вербовками не мешали карьере тех чекистов, которые активно занимались следственной работой, а Гапонов, судя по всему, был эффективным следователем. На связи он имел трех агентов, двое из которых работали удовлетворительно: «Толев» дал «серьезную группу», связанную с польским консульством, и Гапонов вел ее разработку, второй агент освещал «троцкистско-националистическую группу» в областном земельном управлении. Третий же агент не давал никаких реальных зацепок. Связанный с периферийной агентурой по трем областям (Чернигов, Днепропетровск, Донбасс), Гапонов часто выезжал в командировки, однако результативность «его работы с периферией невелика и сводится к регистрации недочетов работы в областях». В справке отмечалось, что следственную работу по делу Бенеско чекист закончил вполне удовлетворительно, «несмотря на то, что подбор [обвинительного] материала представлял затруднения». Сносными были сочтены и результаты работы по делу «контрреволюционной группы», ликвидированной в Чернигове. Зато по двум другим делам Гапонов отработал с прохладцей: «По делу группы Томко-Галаревич, Волошин работал без необходимой настойчивости и неудовлетворительно провел это дело. Также не проявлено настойчивости в деле Мандзюка и Лещенко». Справка констатировала и типичное для оперативных работников занятие «черновой» чекистской работой: «В операциях и обысках участие принимает»¹⁶⁰.

После ареста Балицкого и начала чистки среди чекистов УССР Гапонов подал новому наркому И.М. Леплевскому в июле 1937 г. 12-страничный рапорт¹⁶¹, содержащий интересные подробности работы чекиста и конфликтных взаимоотношений в аппарате отдела. Начальник СПО УГБ НКВД УССР Б.В. Козельский направил Гапонова к своему помощнику С.М. Долинскому, кото-

рый прикрепил его к 3-му отделению СПО, возглавлявшемуся Н.Д. Грушевским, и поручил наблюдать за «центральными работками» по украинской контрреволюции: «Я делал через Оперод установки проходящих лиц, делал запросы, подшивал бумаги и напоминал Долинскому, что необходимо осветить тот или иной вопрос, т. к. агентура была у него на связи или у других начальников [отделений]». Только две недели спустя Гапонов добился перехода к агентурно-следственной работе и получил группу арестованных заодно с заданием «перебрать находящиеся в архиве отделения и лежащие свыше двух лет без движения около 200 личных дел осведомления и агентуры, с которыми была потеряна связь». В аппарате СПО, по мнению чекиста, царило вредительство, «полнейшее незнание своих учетов, хаоса в делах, потери связи с агентурой» и, как результат, отсутствие репрессий в отношении многих врагов: «Вся работа строилась на шумихе и заявлениях, что мы [...] хорошо боремся с врагом». Гапонов жаловался, что ему поручали самых безнадежных арестантов, которые по два-три месяца не давали показаний, и которых, как говорил начальник отделения, нужно было во что бы то ни стало «пропихнуть хотя бы через Особое Собрание» на предмет бессудного осуждения на небольшой лагерный срок¹⁶².

В рапорте Гапонов усилено разоблачал свое начальство, приводя вполне правдоподобные факты его подлаживания к точке зрения Балицкого, не заинтересованного в том, чтобы его подчиненные вскрывали контрреволюционные организации, якобы уже действовавшие долгое время: «В следственной работе Грушевский в завуалированной форме давал мне установки, говорящие за то, что показания надо фиксировать так, как это требует руководство вне зависимости от того, знает ли об этом обвиняемый или нет. Открыто давалась установка о том, чтобы не фиксировать в показаниях, что контрреволюционная организация или группа, по которой арестован тот или иной обвиняемый, возникла несколько лет тому назад, а записывать ее возникновение в 1935–36 гг., так как Москва, и в частности тов. Ежов ругается за то, что несвоевременно вскрыли к-р подполье. К тому же, как заявляли Долинский и Грушевский, “фиксировать возникновение к-р организации в 25–26 г. нам на данном этапе это политически невыгодно”»¹⁶³.

Гапонов утверждал, что Грушевский занимается «липогонством» и «малопартиен», а его отец проходил по агентурной разработке в одном из районов. В ответ Гапонова обвинили в «провинциализме

и духе противоречия», быстро отстранили от следствия и загрузили служебной перепиской. Оказавшись без агентуры и арестованных, Гапонов сам начал прорабатывать кандидатуры на вербовку. Но когда он нашел украинского националиста Кисляня, чекисту «сказали, что его завербует другой, но через полгода его [еще] не завербовали». Только Гапонов добился разрешения на вербовку Кисляня, как его арестовало Киевское УНКВД и через два дня он дал развернутые показания о принадлежности к «правобережной боротьбистской организации». В начале 1936 г. Гапонов «ставил вопрос об аресте б[ывшего] боротьбиста Павла Хоменко, Косьяненко и др., но отвечали, что рано и их надо разрабатывать». Когда чекист стал просить перевода куда-нибудь в область, Долинский сказал, что это невыгодно самому Гапонову, т. к. его мать проходит по разработке троцкистов «и надо этот вопрос сначала урегулировать». Таким образом, Гапонов столкнулся с политическим недоверием – самым опасным, что могло встать на пути чекистской карьеры. Зам. начальника СПО П.М. Рахлис тем временем наводил справки по обвинениям Гапонова в троцкизме в конце 1920-х годов, но не говорил об этом с Гапоновым, зато весь аппарат СПО об этих подозрениях знал. В ответ Гапонов в 1936 г. «дал ряд рапортов на сотрудников НКВД [...], кои имели отношение к троцкистам», но жаловался, что ничего по этим сигналам сделано не было¹⁶⁴.

Интересным в рапорте Гапонова является эпизод с реакцией чекистов на доносы известного провокатора Николаенко, которая с 1935 г. засыпала аппарат СПО доносами «о контрреволюционных действиях националистов и троцкистов, засевших в партийных и советских аппаратах гор. Киева»¹⁶⁵. Когда Николаенко сообщила о том, что в аппарате Киевского обкома КП(б)У засели троцкисты, то Рахлис на ее сообщениях наложил резолюцию: «Николаенко сумасшедшая, больше ее не принимайте». Когда в Киев приехал Л.М. Каганович и узнал про активность Николаенко, то заместитель Балицкого З.Б. Кацнельсон и П.М. Рахлис тут же заговорили о том, что сексотка «многим помогла НКВД», хотя ее материалы куда-то исчезли¹⁶⁶.

Донося на своих сослуживцев, Гапонов заявлял Леплевскому: «Возможно значительная часть людей, которых я сейчас перечисляю являются честными проверенными и преданными коммунистической партии людьми, но по моему концентрации людей, скомпрометировавших себя в прошлом является неслучайным. Брук – бывший троцкист, Рахлис – бывший троцкист, Аглицкий –

бывший эсер, Грозный – бывший сионист, большой приятель Брука, работая в политотделе, сбежал из такового и был принят на работу Козельским, Пустовойтов – бывший украинский эсер. Отец Грушевского проходит [...] как связанный с украинскими националистами. У Гречихина брат осужден, Предатко растратил гос. средства в комсомоле и т. п.»¹⁶⁷. Вероятно, рапорт Гапонова был учтен новым наркомом Леплевским при той чистке, которую он учинил своим подчиненным. Бывший начальник СПО УГБ НКВД УССР Рахлис был арестован уже в начале августа 1937 г. и расстрелян. Помощник начальника СПО С.С. Брук был арестован и расстрелян буквально на несколько дней позже Рахлиса. Расстреляли и Грушевского с Пустовойтовым. Начальник отделения Я.Л. Грозный-Левчинский был изгнан из НКВД УССР при Успенском, потом уволен, но в июле 1941 г. восстановился в НКВД и с ноября 1942 г. прибыл в Новосибирскую область на должность начальника УРО Сиблага¹⁶⁸.

В условиях, когда каждый сомнительный знакомый мог потянуть на дно, наш герой легко шел на предательство, причем не дожидаясь грозного 1937 г. Например, в ответ на просьбу своего старого знакомого Кесса заверить отзыв о партработе последнего в 1927 г., Гапонов осенью 1936 г. донес, что Кесс, работник Бамлага НКВД, в 1929 г. состоял на службе в Днепропетровском окротделе ОГПУ, причем до поступления на гласную работу был агентом по троцкистам и известен как «активный троцкист». Гапонов написал начальству, что «всегда был уверен в том, что он раньше стал троцкистом», а отчим-юрист Кесса, по некоторым данным, был арестован по делу «Весна». Гапонов просил помощника начальника СПО НКВД УССР С.М. Долинского проверить «троцкистскую работу» Кесса и сообщить об этом в Бамлаг¹⁶⁹.

Но подлинное ускорение карьере молодого, однако уже опытного чекиста придал 1937 г., когда оперативные работники в условиях чистки кадров и опоры на тех, кто будет активно раскручивать маховик репрессий, стали массово выдвигаться на руководящую работу. Гапонов 25 мая 1937 г. был назначен врид помощника начальника 3-го отделения СПО УНКВД в Виннице. Уже за двухмесячное пребывание в Виннице он показал себя эффективным и растущим работником, у которого лично сознались более 10 арестованных. По мнению начальства, Гапонов подлежал выдвижению на должность начальника отделения СПО, что и было выполнено¹⁷⁰. С 1 октября 1937 г. он был с повышением переведен в выделенную из Винницкой Каменец-Подольскую область.

В подписанной начальником СПО УНКВД по Каменец-Подольской области С.А. Гинесиным и начальником УНКВД Н.Т. Приходько справке об оперативной деятельности заместителя начальника СПО УНКВД младшего лейтенанта ГБ Гапонова указано, что за июль–декабрь 1937 г. он, благодаря агентуре, вскрыл две организации и пять повстанческих групп. Работая с агентом «Месяц» (по украинской контрреволюции), «получил от него мат-лы о наличии контрреволюционной организации в системе органов Наробраз (дело “Просвещенцы”)), которая была ликвидирована, а в 14 районах чекисты вскрыли ее повстанческие ячейки и одну террористическую группу. Гапонов завербовал четырех агентов: «Прометей» (по украинской контрреволюции), от которого получены «важные материалы»; «Мединова» (по украинской контрреволюции), «который при вербовке сознался, что в Каменец-Подольске был связан с националистическим элементом»; «Ивановского» (по правым), от коего получил материалы о принадлежности ряда ответственных партийных и советских работников к организации правых; «Михайлова» – по троцкистам, который «при вербовке сознался в своей двурушнической работе в партии и связях с троцкистами». Таким образом, двое из агентов стали сотрудничать с чекистами под угрозой ареста за принадлежность к «заговорам». Успехи Гапонова исчислялись уже десятками арестованных и осужденных людей.

За вторую половину 1937 г. и начало 1938 г. Гапонов отработал начальником отделения и заместителем начальника СПО УНКВД по Каменец-Подольской области, курируя работу двух отделений СПО. Он успел вскрыть и ликвидировать организацию У КП – 75 человек, которые все без исключения были осуждены к расстрелу. По этому же делу им была выявлена связь с польской разведкой, ее агентура и диверсионно-террористические группы. По агентурному делу «Прятели» оказалось осуждено 14 «повстанцев» во главе с прибывшим из Польши «разведчиком» Орловским; по агентурному делу «Подрывники» была разоблачена диверсионная организация в Ярмолинском районе во главе с «агентом польской разведки Чернецким» (10 человек); по делу «Диверсанты» – «шпионско-диверсионно-террористическая организация в Теофипольском районе» (10 человек) плюс ряд других дел. При ведении дела по У КП Гапонов добился признаний от 39 человек о наличии центра организации, связи с польской и германской разведками, а также связи с центром украинской эмиграции многочисленной «низовки» повстанческого диверсионно-террористи-

ческого подполья в Винницкой, Каменец-Подольской, Киевской, Днепропетровской и других областях. Также чекист принимал участие в ликвидации украинского эсеровского подполья в Каменец-Подольской области – репрессировано 56 человек и выявлено два эмиссара-эмигранта Украинской ПСР. Далее начальство отмечало: «Руководя следствием по ряду дел о к-р организациях и группах также имел сознание значительного количества арестованных». Гапонов завел две агентурные разработки («Просвещенцы» и «Обнаглевшие») по украинской контрреволюции, а также 12 дел-формуляров (досье) «по этой же линии». По делу «Просвещенцы» – «повстанческой националистической организации», действовавшей в блоке с правыми и троцкистами и создавшей «диверсионно-террористические группы» – все 17 арестованных были осуждены. Оценка работы Гапонова была такова: «Чекистки квалифицирован всесторонне, обладает административными способностями, энергичен, взаимоотношения с аппаратом нормальные, дисциплинирован. Занимаемой должности соответствует»¹⁷¹.

Еще Гапонов участвовал в «кулацкой операции», ликвидации ячейки «ПОВ» (39 человек) и ряда повстанческих и шпионских группировок. Чекист лично допросил 58 человек, от большинства получил показания о «повстанческой низовке», руководстве «организацией» и связи с иностранными разведками. Гапонов руководил 10 агентами, от которых получил ряд ценных материалов, послуживших основанием к ликвидации нескольких организаций и групп. Лично же завербовал пять агентов: «Иванова» – по правым, «Мединова» – по украинским националистам, «Залужного» – по националистам; «Хованского» – по боротьбистам и «Федосеева» – по троцкистам¹⁷². «Черновой» работы он тоже не избегал и в качестве ответственного дежурного по УНКВД ночью 23 декабря 1937 г. присутствовал при расстреле комендантом Левкиным на городском кладбище 11 осужденных, в т. ч. четырех женщин¹⁷³.

В конце марта 1938 г. чекиста вернули в Киев, и он стал заместителем начальника 1-го (ведущего) отделения СПО НКВД УССР, а с 4 апреля являлся врид начальника 6-го отделения СПО, т. е. фигурой, заметной в масштабах наркомата, благодаря чему 13 июля 1938 г. получил должность начальника СПО УНКВД в одной из важнейших областей Украины – Одесской. Здесь его ждал пик карьеры: назначение 15 ноября 1938 г. – в обстановке повальной смены начальников областных управлений после

скандального бегства наркома Успенского – исполняющим обязанности начальника Одесского УНКВД. В августе 1938 г. Гапонов заработал высшее ведомственное отличие, получив знак почетного работника НКВД¹⁷⁴. Методы работы Гапонова вполне устраивали Успенского. Как показывал бывший начальник УНКВД по Киевской области А.Р. Долгушев, примерно в октябре 1938 г. Одесское УНКВД представило Успенскому отчет об агентурной работе, составленный Гапоновым как начальником СПО, и охарактеризованный Долгушевым абсолютно липовым, призванным «отвести глаза»¹⁷⁵.

От прежних начальников УНКВД Федорова и Киселева Гапонов получил мрачное наследство – не только массу незаконченных следственных дел, но и жуткий пыточный застенок, именованный ЦАД («Центральный арестный дом»). Практически в каждом управлении НКВД по стране имелись особые изолированные комнаты или группы помещений, где специально подобранные следователи с изощренной жестокостью более или менее тайно избивали и пытали упорных заключенных, вынуждая сознаваться в «заговорах». В Одессе ЦАД организовали в 1937 г. по инициативе контрразведывательного отдела в здании уголовного розыска, где, по словам сотрудника КРО М.И. Максимова-Гольдмана, каждый милиционер контролировал «две-три камеры, в каждую из них ставился один арестованный, который стоял до тех пор (даже 10–15 дней) пока не изъявлял согласия давать показания»¹⁷⁶. Более откровенно о методах ЦАДа, работавшего под началом начальника 5-го отделения КРО Ф.С. Орловского-Гороховского, говорилось в обвинительных материалах по делу В.Ф. Каложного: постоянный штат милиционеров этого учреждения занимался «только нанесением физических воздействий арестованным»¹⁷⁷. Пока точно неизвестно, когда прекратилась работа ЦАДа, но ясно, что при Гапонове массовые аресты и пыточное следствие процветали, в т. ч. в первые месяцы 1939 г., когда Гапонов и его окружение не только продолжали широкие репрессии, но и мстили тем, кто пытался хоть как-то их ограничить.

Пребывание Гапонова на пике карьеры оказалось непродолжительным, несмотря на хорошую партийную характеристику от 2 декабря 1938 г.: «Является примерным, идеологически выдержанным партийцем, чутко реагирует на запросы сотрудников, воспитывая молодые чекистские кадры в партийно-чекистском духе [...] Хороший производственник. Агентурную и следственную работу знает хорошо»¹⁷⁸.

С 15 января 1939 г. должность начальника УНКВД стал занимать бывший секретарь райкома партии, 32-летний А.И. Старовойт¹⁷⁹. Гапонов остался при нем заместителем, а 7 марта 1939 г. был возвращен на должность начальника СПО. Таким образом, ему пришлось активно заниматься процессами прекращения наиболее уязвимых с точки зрения доказательной базы следственных дел на коммунистов. При этом Гапонов всемерно старался не допустить реабилитации арестованных, применяя к ним привычные меры психологического шантажа и пытки. Серьезным вызовом для Гапонова оказалось дело КПК, поскольку он не смог парализовать попытки уцелевших арестованных по этому делу добиться реабилитации.

Несмотря на значительный оперативный опыт, этот чекист, имевший крупные «шероховатости» в биографии по части связей с репрессивными лицами, выдвигенец «изменника органов» Успенского и активный фабрикатор дел на номенклатуру, был быстро признан ненужным элементом в НКВД и уволен. В 1930-е гг. ближайшие родственники Гапонова, включая жену, оказались неблагонадежными. Именно это обстоятельство подчеркивалось кадровиками при решении вопроса об увольнении заслуженного чекиста, а не его роль в терроре. Женатый на своей ровеснице Лидии Владимировне Дубновой, комсомолке с 1926 г., Гапонов оказался сильно скомпрометирован фактом ареста ее брата Ильи Вульфовича Дубнова, заместителя секретаря Днепропетровского горкома комсомола, который в 1937 г., по словам Гапонова, говорил, как он «выявил и передал НКВД врагов партии»¹⁸⁰.

Семейный груз тяжелейшего по тем временам компромата оказался неподъемным для карьеры чекиста, хотя в «процессе следствия организационных связей» между Гапоновым и Дубновым установлено не было»¹⁸¹. Поводом к увольнению Гапонова послужила история с освобождением работника Одесского обкома КП(б)У Бугаенко, которого Гапонов представил своим агентом, а также необоснованные аресты партийных контролеров¹⁸².

Можно считать, что Гапонову крупно повезло – его не признали участником «ежовского заговора», он не был сильно скомпрометирован показаниями арестованных видных коллег и все годы пребывания под прицелом прокурорских и чекистских расследований оставался в ранге «перегибщика», дополнительно скомпрометированным родственниками и служебными ошибками. Приказом замнаркома НКВД УССР А.З. Кобулова от 19 апреля 1939 г. Гапонов был уволен и переведен в систему областной связи.

Но постепенно следствие по делу его предшественника в областном СПО В.Ф. Калюжного накопило много претензий к Гапонову, что, вероятно, повлияло на жесткость партийных властей при разборе его дела. Как человек, отказавшийся признать вину в истреблении «честных коммунистов», на заседании бюро Сталинского райкома КП(б)У в Одессе от 24 июля 1940 г. он был исключен из партии за нарушения законности и неискренность при обсуждении его «ошибок». От Гапонова ждали подробного рассказа о своих провалах и соблюдения заведенного ритуала покаяния (резкая оценка ошибок, указание на прочих виновных, благодарность старшим товарищам за указания на недостатки), но эсчечкист по сути отказался «разоружиться» перед партией. В ответ работник обкома партии Лайок заявил, что абсолютно не следует лишать политического доверия всех чекистов¹⁸³, но конкретно Гапонов должен понести кару: «Неверно будет, если поступит заявление на того или иного чекиста, [его] сразу бить. В органы НКВД на работу попало много кадров, которые не могли разобрататься в обстановке, а потом они начали выправлять недостатки, и мы [их] на работе в органах НКВД оставляем. Гапонов мог на партийном собрании выступить и честно обо всем рассказать, но он не хотел этого сделать. Вместо этого хотел обмануть [членов] Обкома партии»¹⁸⁴.

В своем заключительном слове Гапонов пытался представить себя жертвой обстоятельств и честно ошибавшимся коммунистом и чекистом, который почти не нарушал законность, а напротив, массово прекращал необоснованные дела. Он не рискнул сослаться на санкции ЦК ВКП(б) бить арестованных, но твердо защищал интруктивных агентов-«наседок» и принципы агентурной работы: «Все о чем товарищи говорили точно. Обстановка была такова, но нужно разобрататься в чем виноват я. В наследство я получил 900 дел и врагов и честных людей. Я виноват в том, что не так быстро разобрался в этих делах [...] После указания партии о неправильности применения физических мер воздействия, они все таки применялись, но нужно учесть обстановку, нужно учесть, что я принял от Калюжного [...] О “Цаде” я ничего не знал, там делались кошмарные вещи, но я не могу за это отвечать потому, что его при мне уже не было. [...] Меня обвиняют в фальсификации дел, антипартийных методах работы. Я слепо верил своему аппарату и опомнился слишком поздно. Я прошу учесть, что я освободил много честных людей, осудил Тягина. [...] Я не чуждый для партии человек, карайте меня за плохую

работу [...]. На хозяйственной работе себя оправдываю. Я не из социально чуждых людей. [...] Я имею личную благодарность от Политбюро ЦК ВКП(б). Я заслуженный чекист, участник гражданской войны, но не преступник»¹⁸⁵.

Попытки Гапонова вернуть партбилет не увенчались успехом, и Одесский горком в декабре 1940 г. утвердил его исключение из КП(б)У. Не сумевший вернуться в партию Гапонов, наверняка знавший об осуждении Калюжного, сразу уехал к отцу в Таганрог, но был там 16 января 1941 г. арестован по ст. 193-17 УК и более года провел под стражей. В начале июля 1941 г. ВТ войск НКВД Киевского округа провел подготовительное заседание по делу, но после начала войны процесс отложили, а Гапонова в итоге эвакуировали в Томскую тюрьму¹⁸⁶. Там он допрашивался эвакуированным из НКВД УССР начальником следственной группы А.М. Лесным и, вероятно, смог использовать в свою пользу прибытие на должность начальника УНКВД по Новосибирской области Л.А. Малинина, бывшего руководителя Одесского УНКВД, который привез с собой целый ряд одесских чекистов, включая знакомого Гапонову замначальника СПО С.И. Дрибинского. По просьбе Гапонова бывшие украинские чекисты, оказавшиеся в Новосибирске, дали ему положительные характеристики. Обращает на себя внимание, что Гапонов, сидя в Томской тюрьме, знал, где находятся его бывшие коллеги, например, отбывавший наказание в 1-м Новосибирском отделении УИТЛК В.Ф. Калюжный¹⁸⁷.

По инициативе УНКВД по Новосибирской области Гапонова освободили 14 марта 1942 г. Сразу по освобождении он стал хлопотать о восстановлении на агентурно-оперативной работе в НКВД. В своем письме Л.А. Малинину от 17 марта 1942 г. Гапонов уверял, что обвинение в освобождении бывшего сотрудника Одесского обкома ВКП(б) Богаенко в обмен на работу сексотом было выдвинуто бывшим наркомом и врагом Успенским. Также Гапонов писал, что в своей работе он допустил «искривления», и просил направить его на фронт. Уже 19 марта 1942 г. на заявление появилась резолюция Малинина: «Необходимо собрать все материалы и решить вопрос о реабилитации». В тот же день Гапонов был зачислен в систему УИТЛК УНКВД по Новосибирской области, где занимался организацией розыска беглых заключенных. В апреле 1942 г. Гапонов, пользуясь прибытием в Новосибирск многочисленных чекистов, эвакуированных из УССР, отправил в Отдел кадров НКВД СССР копии показаний

и характеристик о себе. Семеро его коллег-земляков заверяли московское начальство, что Гапонов – авторитетный чекист и был арестован по клевете о «якобы искривлении методов следственной работы»¹⁸⁸.

Здесь стоит сказать, что к остальным поделщикам Гапонов после освобождения оставался равнодушен, о чем с обидой 4 января 1943 г. писал ему Я.И. Берензон из томской ИТК: «Здорово Сергей Иванович! Вижу, что ты молчишь то решил написать сам. [...] Ты вышел и плювать на то, что Корзун, Абрамович и др. сидят в тюрьме зная, что низачто и ты палец о палец не ударил чтобы помочь, вто время, что у тебя есть эта возможность [...] под рукой прокурор погран войск, кроме того можеш войти к Малинину, да вообще чего тебя учить сам знаеш, недаром же был начальником обл. упр. НКВД. Ну не будем ругаться и думаю, что ты что либо предпримеш. Слышал, что тебя восстановили в партию, с чем и поздравляю. Ну пока всего, привет жене и матери, помни, что все хлопцы сидят 2 года в тюрьме. Крепко жму руку Яша»¹⁸⁹.

Гапонов мечтал вернуться к оперативной работе, надеясь попасть во фронтвой особый отдел и быстро продвинуться по службе. Сохранился рапорт Гапонова от 18 сентября 1942 г. на имя И.А. Серова с просьбой восстановления на оперработе и направления в особый отдел на фронт. Чекист писал, что пострадал в результате личных трений с бывшим начальником УНКВД по Одесской области Старовойтом и ссылался на знавших его работников центрального аппарата НКВД М. Завгороднего, Киреева и др. Но призывы к Москве оказались тщетны. Заместитель начальника отдела кадров НКВД СССР М.Г. Свинелупов 27 октября 1942 г. написал начальнику отдела кадров Особого отдела НКВД СибВО Л.Н. Данилову, сообщив о направлении ему на рассмотрение рапорта Гапонова с просьбой о восстановлении на оперативной работе. Свинелупов, не имея понятия о бывшем начальнике областного УНКВД, просил переговорить с Гапоновым и выяснить причины его перевода на неоперативную работу, а также возможность использования в органах военной контрразведки. Однако в Отделе кадров союзного НКВД Гапонова оценили как неподходящий элемент, и в рукописной записке анонимная сотрудница предложила отказать ему в переводе на оперработу: брат жены осужден как активист троцкистской террористической организации; сам Гапонов незаконно освободил арестованного Бугаенко и допустил искривления в 1938 г. в следствии; работает в ГУЛАГе и беспартийный¹⁹⁰.

Материалы последней спецпроверки, проведенной украинскими кадровиками и ставшие основой для нелицеприятных заключений в Москве, содержали серьезные обвинения в адрес Гапонова: освободил из тюрьмы «троцкиста» Бугаенко, устроив его в облпотребсоюз, и тот «под видом секретного сотрудника систематически посещал квартиру» Гапонова, получив в эти посещения 700 руб. из секретных сумм. При этом вербовка Бугаенко как агента не была оформлена, личного агентурного дела на него нет, «и вообще последний по своему физическому состоянию как секретный сотрудник не пригоден», поскольку «обладал весьма слабым слухом». К тому же Бугаенко оказался родственником бывшего сотрудника Днепропетровского УНКВД Лифаря и знакомым Гапонова. Отметим, что фальшивая агентура, вознаграждение которой присваивали себе оперативники и их начальство, была распространенной практикой: в 1938 г. таких липовых агентов заводил себе начальник 6-го отдела УГБ НКВД УССР В.С. Грабарь¹⁹¹. Обвинялся Гапонов и в провокационной работе с агентурой: в бытность помначальника 2-го отдела НКВД УССР и будучи на явке агента «Сумина», он получил от него материалы о подозрительном поведении ряда инспекторов Киевского автотоклуба, после чего Гапонов в присутствии агента набросал схему расстановки лиц, названных «Суминым», в несуществующую антисоветскую организацию и дал понять агенту необходимость написать доклад соответственно схеме, что тот и сделал. На основании этого единственного вдохновленного Гапоновым документа было арестовано пять человек, из которых одного расстреляли¹⁹².

Между тем военная прокуратура в Новосибирске не собиралась мириться с прекращением дела на Гапонова и 17 декабря 1942 г. отменила оправдательный приговор, постановив взять чекиста под стражу. Правда, военный трибунал войск НКВД Западно-Сибирского округа в Томске 25 января 1943 г. не смог начать рассмотрение дела Гапонова, Кордуна, Абрамовича, Берензона, Машковского и Гнесина, поскольку с осени 1942 г. Гапонов был убран с гласной работы, использовался управлением НКВД как специальный конспиративный агент и находился «в продолжительной и серьезной оперативной командировке». Берензон был переведен из Томска в ИТК № 6 и тоже не был доставлен на заседание. Дело было приостановлено, однако прокуроры быстро добились присутствия Гапонова на суде. Обвинение подчеркивало применение чекистами «средневековых» и «инквизиторских»

пыток¹⁹³. Но Гапонов и его поделщики использовали прежнюю тактику отрицания основных свидетельских показаний о нарушении ими законности, упирая на свою преданность НКВД и советской власти, и она оказалась достаточно действенной. Обычно судьи отправляли осужденных чекистов на фронт – так произошло и на этот раз. Получив 26 апреля 1943 г. длительные сроки заключения, подсудимые были тут же амнистированы и направлены в действующую армию. Причем Гапонов отправился туда последним, поскольку считался ценным агентом, и руководство УНКГБ по НСО в конце 1943 г. просило наркомат разрешить оставить его в своем распоряжении.

Оказавшись в Красной армии в должности интенданта 2-го ранга (подполковника), Гапонов благополучно дождался победы. В следующем он спокойно вернулся в Киев, где многим запомнился как беспощадный инквизитор периода 1935–1938 гг., и встретил старость на хозяйственной работе. В 1950-х гг. Гапонов работал в тресте «Киевгорсвет», будучи заслуженным коммунистом и участником войны. Сын Гапонова пошел по стопам отца и много лет проработал в системе МВД: известно, что Киевская высшая школа МВД в марте 1974 г. запросила в УКГБ по Одесской области личное дело С.И. Гапонова в связи с тем, что его 42-летний сын Юрий, как сотрудник школы, подлежал дополнительной спецпроверке¹⁹⁴. Последний раз дело Гапонова государственные структуры затребовали в момент краха СССР – в январе 1992 г. военная прокуратура СибВО (Новосибирск) в порядке надзора проверила дело Гапонова и его подчиненных от 1943 г., и сделала вывод о том, что все эти чекисты были осуждены правильно¹⁹⁵.

В течение всей своей чекистской карьеры – негласной, гласной, затем снова негласной – С.И. Гапонов демонстрировал поведение, свойственное сотрудникам советских органов государственной безопасности. Основной служебной обязанностью Гапонова было изучение людей с целью их сортировки на «своих» и «чужих» (с последующей вербовкой лиц из обоих лагерей в агентурную сеть), а также физическое уничтожение или изоляция «бывших», «антисоветских» и «контрреволюционных элементов». Понимание своей роли как бойца «передового вооруженного отряда партии», находящегося на фронте борьбы с классовым врагом, и в то же время как уязвимого винтика огромной карательной машины, обусловило характерные профессиональные деформации характера Гапонова. К ним в первую очередь относились

отсутствие сомнений в непогрешимости «органов»; жестокость и уверенность в том, что арестованный не может иметь никаких прав, даже после освобождения и реабилитации; крайний карьеризм и изворотливость, готовность идти по трупам.

Фигура Гапонова типична для поколения сотрудников государственной безопасности, руками которых сталинская власть осуществила Большой террор. Его социализация пришлась на годы Гражданской войны, взросление и возмужание прошли уже в системе советской тайной полиции, которая сформировала его по своему образу и подобию. В результате он стал не только послушным исполнителем преступных приказов сверху, но и активно вносил свой собственный вклад в массовые репрессии. В его судьбе профессионального специалиста в области провокации и сыска как в зеркале отразились судьбы значительной части чекистских руководителей образца Большого террора – быстрый служебный рост, невзирая на компрометирующие анкетные данные, резкое падение с карьерной высоты в качестве «отработанного материала», примерное осуждение за «перегибы» в отношении нескольких десятков коммунистов, а не тысяч «настоящих врагов», сравнительно быстрое освобождение и благополучное существование во «второй» жизни, где уже не было смертельных качелей беспощадного чекистского мира.

Реабилитированные чекисты

Снисходительный подход к уголовным преступлениям, совершенным «своими» в борьбе с «врагами народа», был характерен для советской власти. Так, в начале 1920-х гг. в отношении так называемых красных бандитов – сотрудников милиции, ЧК-ГПУ, красных партизан, членов сельских коммунистических ячеек – практиковавших бессудные расправы и массовые убийства своих политических противников, применялись формально строжайшие наказания вплоть до вынесения смертного приговора, но в итоге уголовные дела почти всегда заканчивалось помилованием и скорым досрочным освобождением¹⁹⁶.

Чекисты традиционно считались образцами политической лояльности, поэтому наказания в отношении членов этой кастовой группы советского государственного аппарата всегда были наименее жестокими. Фигура чекиста, осужденного за тяжкие преступления и затем не только досрочно освобожденного, но и воз-

вращенного в органы госбезопасности, стала привычной уже с начала 1930-х гг., когда на службу в систему ГУЛАГ в массовом порядке стали направлять проштрафившихся сотрудников¹⁹⁷.

Великая Отечественная война предоставила осужденным чекистам, избежавшим расстрела в 1939–1941 гг., значительно более широкие возможности для реабилитации, чем лагерная система. Интенсивное формирование особых отделов НКВД при воинских частях требовало тысяч новых сотрудников. С точки зрения И.В. Сталина и Л.П. Берии, опытные чекисты, «перестаравшиеся» в годы террора, должны были быть возвращены в систему госбезопасности для ее пополнения и укрепления. Массовая амнистия, осуществленная в отношении бывших работников госбезопасности преимущественно в 1941–1942 гг., стала своеобразным ответом на беспрецедентную чистку «органов» конца 1930-х гг. В этом случае, как никогда ранее, ярко проявилось превалирование политической целесообразности над юридическими нормами, предусматривавшими суровое наказание за совершение особо тяжких преступлений.

Уже в первые дни после начала войны Военная коллегия Верховного Суда СССР во главе с В.В. Ульрихом стала заменять реальное наказание чекистам, даже из «сталинских списков» и подлежавшим осуждению по первой категории, отправкой на фронт. Очевидно, что работники Военной коллегии получили соответствующее распоряжение с самого верха. Осужденных работников НКВД освобождали специальными решениями высшего руководства – указами Президиума Верховного совета СССР, принятыми по инициативе Л.П. Берии¹⁹⁸. Освобождения происходили, судя по всему, в два основных потока: в конце 1941 г. и в конце 1942 г. Известно, что в декабре 1941 г. Берия обратился к Сталину с просьбой в связи с нехваткой кадров на фронтах освободить из заключения 1610 сотрудников, отбывавших наказание главным образом за нарушения законности¹⁹⁹. Осенью 1942 г. из лагерей и тюрем выпустили еще одну большую группу бывших работников НКВД, отдельные освобождения предпринимались до 1945 г. включительно. Таким образом, можно предположить, что всего в годы войны было амнистировано не менее двух тысяч чекистов. После освобождения их, как правило, направляли как в разведывательно-диверсионные группы и особые отделы, так и в штрафные роты.

Тяжесть совершенных преступлений фактически не играла серьезной роли в принятии решения об освобождении. Так, в ок-

тябре 1941 г. указом Президиума Верховного Совета СССР был амнистирован один из самых безжалостных чекистов Большого террора, бывший начальник УНКВД по Житомирской области и начальник НКВД по Крымской АССР Л.Т. Якушев (Бабкин). Он был в 1939 г. осужден на 20 лет лагерей, в том числе за то, что непосредственно руководил расстрелом 553 человек, осужденных тройкой и казенных – с целью замести следы – уже после запрета приводить в исполнение приговоры троек²⁰⁰. После освобождения и отправки на фронт Якушев участвовал в 1942–1944 гг. в действиях разведгрупп партизанских отрядов в Смоленской и Витебской областях, дослужился до полковника, был восстановлен в ВКП(б) и награжден орденом Ленина, а с 1945 г. подвизался на ответственной хозяйственной работе²⁰¹.

Судьбы амнистированных чекистов складывались по-разному. Значительная часть из них попала в строевые части и не занималась чекистской работой. Как правило, эти чекисты направлялись в штрафные роты, и, если им посчастливилось выжить, получив ранения, то они добились снятия судимости, но не права вернуться в «органы»²⁰². Но сотни амнистированных сотрудников НКВД смогли попасть во фронтовые особые отделы и возобновить чекистскую карьеру. Эта коллизия существенно повлияла на деятельность особых отделов, поскольку на службу в них в большом количестве пришли люди, стремившиеся окончательно реабилитироваться в глазах власти, применяя привычный опыт фальсификации крупномасштабных дел и получения от обвиняемых требуемых показаний. В результате во фронтовой обстановке они с размахом проявляли именно те качества, которые сделали их «героями» Большого террора, а приобретенный ими опыт участия в массовых операциях НКВД позволял им успешно продвигаться в органах военной контрразведки. В свою очередь, руководство НКВД-НКГБ по-прежнему требовало от чекистов раскрытия «контрреволюционных заговорщицких организаций» и беспощадности к «врагам народа». В ответ на эти установки на фронте широко применялись классические методы сталинских спецслужб: провокации, использование внутрикамерной агентуры, в т. ч. из лиц, приговоренных к расстрелу, обман, шантаж, запугивание, а также избиения и пытки²⁰³.

Участие чекистов в Великой Отечественной войне – до сих пор мало изученная и спорная тема в истории советской политической полиции. Роль НКВД-НКГБ и «Смерша» в годы войны усиленно поднимается на щит и мифологизируется как самими

работниками госбезопасности, так и ведомственными историками. Действительная картина событий была далека от ведомственной героизации. Составители сборника документов «Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР “Смерш”» отмечали, что деятельность некоторых амнистированных чекистов сопровождалась «использованием тех же методов [что и ранее], грубейшими нарушениями законности, гибелью невинных людей»²⁰⁴. Для солдат и офицеров Красной армии не было секретом, что у работников особых отделов и «смершевцев» имелись свои планы для отчета перед начальством по количеству разоблаченных врагов. Известно, что за годы войны только органы НКГБ раскрыли около пяти тысяч «антисоветских контрреволюционных организаций»²⁰⁵.

Но нельзя также отрицать того, что часть амнистированных чекистов внесла свою лепту как в советские успехи на фронтах, так и в диверсионно-разведывательную деятельность НКВД–НКГБ. До сих пор также нет точных сведений о том, какая часть амнистированных сотрудников НКВД погибла на фронте или была ранена, искупив кровью хотя бы часть своих тяжких преступлений.

Судьбы Гапонова и «гапоновцев» во многом типичны для амнистированных сотрудников НКВД. Как уже писалось выше, после начала войны Гапонова этапировали в Сибирь, в Томскую тюрьму, его следственное дело было «временно утеряно». За Гапонова вступился заместитель начальника УНКВД по Новосибирской области, капитан госбезопасности С.И. Плещов (один из видных активистов Большого террора), в результате чего 20 февраля 1942 г. следователь Следчасти НКВД УССР Салацкий принял решение Гапонова из-под стражи освободить²⁰⁶ и 15 марта 1942 г. Гапонов отбыл в распоряжение отдела кадров УНКВД НСО. Все остальные его «подельники» до марта 1943 г. находились в тюрьме № 3 Томска, а потом были этапированы на суд в Новосибирск, в тюрьму № 1.

С 19 марта 1942 г. Гапонов был принят на работу инструктором Управления ИТЛК УНКВД по Новосибирской области, а 13 июля 1942 г. получил повышение и по 18 сентября 1942 г. работал старшим инструктором отделения службы и режима штаба ВОХР УИТЛК с окладом 800 руб., невысоким по чекистским меркам, но втрое большим, чем средняя зарплата советских служащих. В аттестации, датируемой июлем 1942 г., заместитель начальника УИТЛК УНКВД по Новосибирской области по охране Ф.П. Фалеев отметил, что служащий с апреля 1942 г. старшим инструктором отдела службы и режима Гапонов (переведенный

из Одесского облотдела наркомсвязи), беспартийный и несудимый, отличается большим кругозором, пользуется уважением сослуживцев, скромен, с работой справляется и должности соответствует²⁰⁷. Уже 6 октября 1942 г. Гапонов сделал очередной важный шаг в своей реабилитации, став кандидатом в члены ВКП(б). К февралю 1943 г. он официально числился начальником части розыска Штаба ВОХР УИТЛК УНКВД НСО.

Таким образом, уже весной 1942 г. Гапонов вернулся к чекистской работе и затем, на повторном суде, хвалился, что в период работы начальником отделения розыска «под моим руководством поймано до 500 бежавших заключенных, врагов народа»²⁰⁸. В январе 1943 г. должно было состояться судебное разбирательство Военного трибунала войск НКВД Западно-Сибирского округа, но суд сорвался, поскольку Гапонов, согласно справке, предоставленной в военный трибунал начальником УНКВД по Новосибирской области, находился «в продолжительной и серьезной оперативной командировке и доставлен в суд быть не может»²⁰⁹. Работа Гапонова была высоко оценена руководством УНКВД по Новосибирской области, и в преддверии суда, 28 февраля 1943 г., начальник ЭКО УНКВД подполковник И.Б. Почкай обратился с письмом на имя председателя Военного трибунала войск НКВД Западно-Сибирского военного округа Кулика, в котором писал: «Последние два месяца Гапонов С.И. выполнял особое задание по линии НКВД, в выполнении которого показал себя преданным и самоотверженным работником, достойного самого высокого положительного отзыва»²¹⁰.

Своим приговором от 21–26 апреля 1943 г. ВТ войск НКВД Западно-Сибирского округа приговорил Гапонова, Кордуна, Абрамовича и Берензона к 10 годам, Гнесина и Машковского – к семи годам лишения свободы, при этом было принято решение удовлетворить ходатайство Гапонова, Берензона, Гнесина и Машковского, освободить их из-под стражи и направить всех четверых в действующую армию. Аналогичное решение 1 июня 1943 г. было также принято в отношении Кордуна и Абрамовича.

Освобожденные одесские чекисты были направлены в действующую армию²¹¹ но не Гапонов. Руководство УНКГБ по Новосибирской области по-прежнему было заинтересовано в его услугах и продолжало использовать уже не в розыске беглецов из ГУЛАГа, а «в качестве агента для разработки антисоветски настроенных лиц», включая некоего Тимченко. На какое-то время новосибирские чекисты смогли даже саботировать решение вы-

шестоящего московского начальства, куда менее высоко оценившего работу Гапонова и приказавшего 21 января 1944 г., «учитывая совершенные Гапоновым преступления», направить его «в распоряжение новосибирского облвоенкомата для отправки на фронт»²¹². На пересыльный пункт облвоенкомата Гапонова откомандировали лишь спустя два месяца, 25 марта 1944 г.: «задержка в направлении была вызвана – согласно справке за подписью начальника УНКГБ Малинина – ввиду оперативной необходимости»²¹³. Судя по последней информации о Гапонове из его архивно-следственного дела, освобожденный чекист так и не удосужился принять участия в военных действиях: 23 мая 1944 г. интендант 2-го ранга Гапонов выбыл в распоряжение коменданта города Рославль²¹⁴.

Вернулся на чекистскую стезю, хотя и не так успешно, В.А. Машковский. После освобождения он принимал участие в военных действиях на Западном и 3-м Белорусском фронтах, был дважды контужен. Но уже с весны 1944 г. стал работать секретарем фронтового приемно-пересылочного лагеря военнопленных № 24 НКВД, где, по свидетельству начальника лагеря майора Ангермана, не только исполнял свои прямые обязанности, но и являлся дознавателем. Согласно представлению к медали «За боевые заслуги» от 26 апреля 1945 г., Машковским были «вскрыты преступления, совершенные военнослужащими лагеря, и преступники предстали перед судом Военного трибунала. Своей добросовестной работой тов. Машковский содействовал укреплению воинской дисциплины среди личного состава лагеря»²¹⁵.

Такой же награды в августе 1946 г. удостоился А.Е. Гнесин. С августа 1943 г. до сентября 1945 г. он служил снайпером 1-й стрелковой роты 386-го стрелкового полка 60-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД. Согласно данным наградного листа, на фронт он прибыл в мае 1943 г. в составе 219-го гвардейского стрелкового полка 71-й гвардейской стрелковой дивизии, принимал участие в боях на 3-м Украинском фронте, был легко ранен в плечо 5 мая 1943 г., в июне, после излечения, участвовал в бою при наступлении на железнодорожный узел Харьков – Полтава, 9 августа 1943 г. контужен, после излечения 25 августа 1943 г. был направлен на службу в 386-й стрелковый полк внутренних войск НКВД, где зарекомендовал себя «дисциплинированным, аккуратным бойцом, исполнительным и требовательным к себе». В наградном листе также присутствует короткая пометка «с 12.45 г. – на службе в НКВД»²¹⁶.

Менее счастливой была военная судьба Е.И. Абрамовича. На фронте он находился с 13 июня 1943 г. по 22 сентября 1945 г., служил рядовым 6-й роты 3-го батальона 940-го стрелкового полка 262-й стрелковой дивизии 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта. В ночном бою 18 сентября 1943 г. за деревню Фомино на Витебском направлении Абрамович получил тяжелое ранение. Согласно наградного листа, в этом бою он, несмотря на ранение в голову, установил связь между командным пунктом батальона и командирами рот, обеспечив тем самым успех батальона в наступлении на село. До ранения вынес с поля боя двух раненых – младшего лейтенанта и сержанта. После демобилизации Абрамович был признан инвалидом Отечественной войны 2-й группы. Показательно, что наградное представление на Абрамовича подписал 15 августа 1946 г. военком Кагановического района г. Одессы капитан Храмов. В итоге бывший чекист 6 ноября 1947 г. был награжден орденом «Красной Звезды»²¹⁷.

О дальнейшей судьбе Кордуна и Берензона авторам ничего не известно. Однако из десятков амнистированных и отправленных на фронт украинских чекистов погибла сравнительно небольшая часть. Это начальник 9-го отдела УНКВД по Днепропетровской области Д.Я. Клибанов (в 1940 г. осужден на 7 лет, амнистирован в сентябре 1942 г., погиб в 1943 г.); начальник 3-го отделения СПО УНКВД по Харьковской области В.Р. Липко (арестован в 1939 г., осужден на 10 лет, амнистирован в сентябре 1942 г., погиб в 1943 г.); врид особоуполномоченного УНКВД по Житомирской области лейтенант ГБ В.Я. Вольский (осужден на 8 лет в 1939 г., амнистирован в декабре 1942 г., пропал без вести в 1944 г.)²¹⁸. Те же чекисты, которые воевали не в рядовых званиях, а также смогли устроиться «по специальности», имели очень хорошие шансы уцелеть.

Восстановление нарушенного равновесия

В историографии существует несколько расхожих интерпретаций бериевской чистки 1939–1941 гг., которые, с нашей точки зрения, все имеют право на существование, поскольку каждая из них адекватно объясняет тот или иной фрагмент происходившего. Первое, наиболее распространенное объяснение, сводится к феномену «клановой чистки»: также, как в конце 1936 г. Ежов инициировал чистку «ставленников» Ягоды, в результате которой по обвине-

нию в контрреволюционных преступлениях за 1937–1938 гг. были арестованы 1862 оперативных сотрудника госбезопасности²¹⁹, так и в 1939–1941 гг. Берия вычищал из органов НКВД бывших «ежовцев». Под «ежовцами» в первую очередь подразумевается разветвленный клан чекистов Северного Кавказа, сформировавшийся сначала вокруг видного руководителя ВЧК-ОГПУ Е.Г. Евдокимова и являвшийся опорой Н.И. Ежова в период его нахождения на посту наркома внутренних дел СССР.

Согласно еще одному популярному объяснению, в ходе бериевской чистки произошло наказание действительных «перегибщиков», заправил террора, в некоторых из которых обстановка массовых операций выявила или подстегнула садистские наклонности. Речь идет о «передовиках» репрессий, людях, «творчески» подошедших к следствию, истязавших арестованных и фабриковавших дела, фальсифицировавших документы и доказательства, садистах, извращенцах и мародерах, чьи преступления очевидным образом компрометировали власть. По указанию Сталина в начале 1939 г. в Новосибирске был даже проведен открытый процесс над второстепенными чекистами Кузбасса, сфабриковавшими на несовершеннолетних скандальное дело о заговоре²²⁰. Н.В. Петров так писал о чекистах «бериевского призыва», осужденных уже после смерти Сталина: «Суд для многих из них стал неприятным сюрпризом. Они верили в свою безнаказанность и, например, как Рюмин, самонадеянно полагали, что история органов начинается с них и опыт предыдущих поколений чекистов – ничто. Им совсем не хотелось думать, что они могут разделить опыт своих предшественников, расстрелянных за излишнее рвение и бездумное выполнение преступных приказов»²²¹. Петров дает здесь довольно шаблонное объяснение кампании по осуждению чекистов, в т. ч. применимое к чекистам, осуществившим Большой террор. Фактически речь идет все о тех же пресловутых «перегибах», к которым приводило «рвение» и «бездумное выполнение приказов». Несмотря на свою лапидарность, эта интерпретация также имеет право на существование. Особенно адекватно она объясняет мотивацию трибунальских судей и обоснование вынесенных приговоров. Со стороны же руководства НКВД было важно убрать сотрудников, замешанных в мародерстве, неподходящем социальном и национальном происхождении, скомпрометированных связями с нелояльными лицами, запустившими оперативную работу и т. д.

Еще одним объяснением, достаточно близким к интерпретации кампании бериевской чистки как акции по наказанию «перегибщиков», является утверждение о внезапной, совершенно неожиданной для самих чекистов «криминализации» их действий. Арестованные сотрудники госбезопасности чувствовали себя преданными: они лишь выполняли приказы руководства, приказы, которые, как им неоднократно заявляли, исходили с самого верха советской политической пирамиды, и вдруг власть поменяла правила игры. «Плавающая» криминализация как принцип была отличительной чертой советского режима, особенно резко проявившись в период Большого террора. Сначала тройки и двойки стали осуждать людей к смертной казни или длительным срокам заключения за проступки, действия или поведение, которые раньше не подлежали уголовному наказанию или карались сравнительно мягко. А в кампанию чистки 1939–1941 гг. криминализация распространилась на самих чекистов, причем их наказывали не только за эксцессы, но и за вполне «нормальные», с их точки зрения, рутинные следственные действия.

Наша гипотеза опирается на один из главных результатов исследований Марка Юнге, который гласит, что в годы Большого террора центр отказался от значительной части своих полномочий в пользу периферии, как того требовала специфика проведения массовых операций. Но это положение нуждается в развитии: «трансфер» карательной компетенции затронул не только внесудебные инстанции – тройки и двойки, не только руководство управлений и отделов, но и весь чекистский аппарат, до самого низа, вплоть до рядовых сотрудников госбезопасности, а также приравненных к оперативникам милиционеров и фельдъегерей, активно помогавших в следствии. У исполнителей в ходе Большого террора явно произошло «головокружение от успехов». Если же перефразировать известное высказывание еще одного вождя, то в 1937–1938 гг. многие сотрудники НКВД на собственном опыте убедились, что только «хороший чекист» может быть «хорошим коммунистом», вне критики и подозрений.

Н.И. Ежов уже в середине 1937 г. похвалялся своим влиянием, а также значимостью начальников управлений НКВД: «Я нарком внутренних дел, я секретарь ЦК, я председатель партконтроля, вот попробуй кто-либо на меня пожаловаться, куда пойдешь, в НКВД – у меня тут свои люди, пойдешь в ЦК, там мне сразу же доложат, а в партконтроле я же председателем, как же без меня какое-либо дело решать, вот видишь, как получается, куда ни

кин, все Ежов. [...] Вот создам ЧК, все будут дрожать перед ней [...] Пусть знают, что такое ежовская разведка. [...] Внутренние дела и иностранные у меня сейчас в руках [...] начальники [НКВД] на местах сейчас имеют огромную власть, во многих местах они сейчас первые люди»²²². НКВД на местах стал организацией, которая фактически терроризировала местные комитеты партии на персональном уровне и являлась главной кадровой инстанцией с точки зрения чистки и пополнения партийно-советской, профсоюзно-комсомольской, военной и хозяйственной номенклатур. В ноябре 1938 г. центр вернул себе свои карательные и кадровые полномочия, но исполнителям на местах необходимо было наглядно продемонстрировать, насколько вновь сузились рамки их свободы действий, в первую очередь – в отношении членов ВКП(б) и партийных организаций.

Вопрос о взаимоотношениях партийных комитетов и органов НКВД – один из самых спорных в исследованиях массовых операций. Очевидно, не стоит говорить о том, что чекисты вышли из-под контроля высшего руководства партии – все операции жестко контролировались центром, это можно считать сегодня доказанным фактом. Тем не менее, несомненно, что с учетом упоминавшегося выше «трансфера» карательных полномочий, свобода рук у чекистов была большой (вплоть до произвольного увеличения расстрельных лимитов, как в НКВД Туркменской ССР²²³), и террор на местах все-таки развил свою собственную динамику, особенно учитывая требования НКВД СССР и лично Ежова, направленные на фабрикации дел крупных антисоветских организаций. В этом случае из подследственных выбивались показания о «сообщниках», в результате чего следовала цепная реакция арестов. Особенно это было распространено в отношении дел партийно-советских элит²²⁴. Никита Петров писал, рассуждая о карьере Берии: «Большинство региональных партийных секретарей таким рвением не отличались. Они скорее старались держаться от НКВД на расстоянии. Конечно, и они были проводниками репрессий, были членами троек НКВД, подписывали протоколы, согласно которым тысячи и тысячи отправлялись на смерть»²²⁵. Добавим – партийные комитеты также занимались идеологическим и пропагандистским обеспечением Большого террора, так что вывод Петрова о дистанцировании партийной элиты от него не выглядит имеющим общее значение. И Украина, и Белоруссия, и Грузия с Азербайджаном, и Сибирь (Новосибирская область, Алтайский край, Иркутская область) имели партийных лидеров

в лице Н.С. Хрущева, П.К. Пономаренко, Л.П. Берии, М.Д. Багирова, И.И. Алексеева, Л.Н. Гусева, А.С. Щербакова, которые активно организовывали репрессии, а потом занимались наказанием чекистов-«перегибщиков». И активные партийные проводники террора, и дистанцировавшиеся от его крайностей деятельно после ноября 1938 г. подключались к судебным разбирательствам и требовали осуждения назначенных козлами отпущения «перегибщиков».

Истоки судов над козлами отпущения следует искать не только в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., но и в другом, не менее известном документе, который появился на свет в начале 1938 г. Речь идет о постановлении январского (1938) Пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из рядов ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Правда, НКВД упоминался в этом документе только лишь четырежды, причем косвенно и сугубо положительно²²⁶, так что сигнал к более аккуратному проведению кампании по избиению партийно-советской элиты прозвучал достаточно двусмысленно. Как отмечает М. Юнге, сомнения, зародившиеся у сотрудников НКВД «после [...] январского пленума ЦК ВКП(б), по поводу того, как вести себя в ходе продолжающихся массовых репрессий [...] были задушены в зародыше на партийных собраниях с помощью вынесенных порицаний, выговоров и дисциплинарных взысканий»²²⁷. Хотя на этих собраниях, как пишет М. Юнге, чекистов «также ориентировали отказаться от огульных арестов, целью которых являлось исключительно выполнение лимитов, и призывали соблюдать революционную законность»²²⁸, продолжение террора фактически исключало возможность запуганных им местных партийных инстанций серьезно влиять на избиение своих кадров. Январское постановление вызвало ряд репрессий в отношении перестаравшихся крупных чекистов, но настоящий террор против выдвиженцев Ежова начался осенью 1938 г. и был призван сменить всю чекистскую элиту, обвиненную прежде всего в «ежовском заговоре» против Сталина.

Нарушенное равновесие между партией и органами госбезопасности отнюдь не новая тема для историографии, об этом неоднократно, в разной тональности, писали историки спецслужб. Одесские материалы убедительно свидетельствуют, что нарушение баланса происходило не только вверх, в результате инсти-

туционального «сращивания» партии и органов в результате назначения руководящих сотрудников НКВД на высокие посты в партии и государственном аппарате²²⁹. Одним из главных результатов Большого террора стал дисбаланс «внизу», когда сотрудники низшего и среднего звена государственной безопасности, в массовом порядке фабрикуя дела на членов коммунистической партии, в первую очередь на партийных работников низшего и среднего звена, стали воспринимать себя «святое папы римского», еще большими коммунистами, чем ответственные партийные функционеры.

О том, что высшее партийное руководство усмотрело серьезную опасность в возникшем дисбалансе, также свидетельствует постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов» от 1 декабря 1938 г., а также приказ НКВД СССР «О запрещении вербовки некоторых категорий работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций», утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б) 26 декабря 1938 г.²³⁰ Оба документа были призваны надежно оградить членов ВКП(б) от возможных поползновений со стороны органов госбезопасности. Однако массовые вербовки номенклатуры были продолжены. Проверка наркомата внутренних дел Казахской ССР в начале 1940-х гг. показала следующее: «По делу “Националисты” и др. в Казахстане проводилась вредная практика, когда вопреки закону и указаниям НКВД СССР проводилась вербовка партийных и советских работников и [их] агентурная разработка. Так, были завербованы бывший секретарь Кустанайского обкома партии Берниязов, зам. наркомфина Казахстана Бадин и разрабатывался зам. зав. отделом агитации и пропаганды Западно-Казахстанского обкома партии Байгалиев»²³¹. Что касается фабрикации политических дел в отношении видных лидеров партии и государства, то они, хотя и не приобретали масштабов чистки 1937–1938 гг., в немалом количестве известны и для последних предвоенных лет, и для военного, и послевоенного периодов, и чекистские интриги сыграли в их возникновении выдающуюся роль²³². До самого конца сталинской эпохи партийные комитеты и государственные структуры являлись объектом оперативной работы органов НКГБ-МГБ, подвергаясь слежке, вербовкам, провокациям и выборочным репрессиям.

История бериевской чистки является наглядным подтверждением того, что главной жертвой Большого террора было рядовое население СССР. В условиях нормализации ситуации и дисцип-

линирования НКВД власть не ставила своей задачей восстановить справедливость в отношении обыкновенных граждан. Даже осуждение сотрудников НКВД, не говоря уже об изгнании из органов госбезопасности, осталось внутриведомственным процессом и не приводило к пересмотру и отмене приговоров в отношении подавляющего большинства тех дел, которые провели чекисты. Кампания по «восстановлению» социалистической законности» коснулась основной массы жертв лишь самым краем. Советский народ стал в лучшем случае только косвенным благоприобретателем сталинско-бериевской кампании по наведению порядка в НКВД.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биографии сотрудников УНКВД по Одесской области, осужденных за нарушения «социалистической законности» в 1939–1943 гг.

Абрамович Ефим Иоаннович (1908–?). Уроженец г. Первомайска Одесской обл., из рабочих. Член РКП(б) с 1940 г. До 1932 г. литейщик-формовщик Одесского завода с.-х. машин им. Октябрьской революции, комсорг завода. В органах ОГПУ-НКВД с 1932 г. по комсомольской мобилизации. В 1932–1937 гг. работал в районных органах ОГПУ-НКВД Одесской обл. (с. Грушки, Гайворон, Знаменка, Саврань, Зельцы). Неоднократно награждался оружием и ценными подарками за активную борьбу с контрреволюционными элементами на селе, в частности, за участие в ликвидации бандгруппировок, «кулацких волынок», высылках «кулаков». С конца 1937 г. на службе в СПО УНКВД по Одесской обл. На 1939 г. – врио нач. 1-го отделения 4-го отдела УНКВД по Одесской обл., сержант ГБ, с 13 марта 1939 г. откомандирован в г. Свободный ДВК. До начала 1940 г. работал начальником отделения 3-го отдела Амурского ИТЛ УНКВД по ДВК. С мая 1940 г. – нач. 2-го отделения УГБ УНКВД по Еврейской автономной обл., уволен из НКВД 5 декабря 1940 г. Арестован 5 февраля 1941 г. Приговором от 21–26 апреля 1943 г. ВТ войск НКВД Западно-Сибирского округа осужден к 10 годам заключения, но 1 июня

1943 г. амнистирован с отправкой на фронт. Участник и инвалид Великой Отечественной войны.

Берензон Яков Израилевич (1910–?). Уроженец Одессы, образование восемь классов, из рабочих. Член ВЛКСМ с 1927 г., член ВКП(б) с 1934 г. В 1931 г. окончил учительские курсы, несколько месяцев работал учителем начальной школы. На службе в органах НКВД с 1934 г. С 1934 по 1936 г. – фельдшер, на оперативной работе – с ноября 1936 г., с сентября 1937 г. – пом. оперуполномоченного, оперуполномоченный 4-го отдела УНКВД по Одесской обл. В 1938 г. – врид. помощника нач. 1-го отделения 4-го отдела, затем – нач. воднотранспортного отдела УНКВД по Одесской обл. Уволен из НКВД 2 июля 1939 г. «за невозможностью использования». В 1939–1941 гг. на службе в РККА, политрук 15-го автотранспортного батальона, дислоцировавшегося в г. Станиславе (Ивано-Франковск). Принимал участие в «освободительном походе» 1939 г. и в Финской войне. Арестован 3 марта 1941 г. Приговором от 21–26 апреля 1943 г. ВТ войск НКВД Западно-Сибирского округа осужден к 10 годам заключения с заменой отправкой на фронт.

Гапонов Сергей Иванович (1908 – после 1956). Уроженец г. Енакиево Донецкой обл. Чл. ВКП(б) в 1932–1940 гг. и с 1942 г. Русский, из рабочих, образование среднее. В начале 1920-х гг. беспризорник, затем учащийся ФЗУ и рабочий в Днепропетровске. С 1924 г. – сексот ОГПУ. С 1929 г. на гласной работе в Днепропетровском окротделе-оперсекторе ГПУ УССР. С 1932 г. – оперуполномоченный Днепропетровского облотдела ГПУ–НКВД. С 1935 г. в аппарате СПО УГБ НКВД УССР, лейтенант ГБ. С 1937 г. – нач. отделения СПО, пом. нач. СПО в УНКВД по Винницкой и Каменец-Подольской обл. С 1938 г. в 1-м отделении СПО УГБ НКВД УССР. С 14 июня 1938 г. – нач. 4-го отдела УНКВД по Одесской обл. С начала сентября (официально с 15 ноября) 1938 г. работал и. о. нач. УНКВД по Одесской обл. С января 1939 г. – зам. нач. УНКВД по Одесской области, начальник 2-го (бывшего 4-го отдела) отдела УГБ УНКВД по Одесской области. Уволен из НКВД 19 апреля 1939 г. Начальник телефонной станции в Одессе, арестован 16 января 1941 г. за нарушения законности. Эвакуирован в Западную Сибирь. Освобожден 14 марта 1942 г. решением УНКВД по Новосибирской обл. Арестован в феврале 1943 г. и 26 апреля 1943 г. осужден ВТ ВНКВД ЗСО на 10 лет ИТЛ с заменой на отправку в действующую армию. Вместо этого был освобожден и использовался в качестве спецагента УНКГБ

по Новосибирской обл. В августе 1944 г. направлен на фронт, но, по всей видимости, непосредственного участия в боевых действиях не принимал. В 1950-х гг. на хозяйственной работе в Киеве. За годы службы в органах госбезопасности дважды награждался боевым оружием, а также знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

Гнесин Абрам Ефимович (1917–?). Уроженец Одессы. Из служащих, еврей, образование неполное среднее. Член ВЛКСМ с 1931 г., кандидат в члены ВКП(б) с 1939 г. С 1937 г. – зав. приемной Одесского обкома РКСМУ, в январе–феврале 1938 г. учился в МКШ НКВД. В НКВД служил в 1938–1940 гг. С апреля 1938 по октябрь 1939 г. – оперуполномоченный 1-го отделения 4-го отдела УНКВД по Одесской обл., сержант ГБ. В 1939–1940 гг. – нач. 5-го отделения Особого отдела Одесской армейской группы / Одесского военного округа. После увольнения из НКВД 1 сентября 1940 г. работал зав. типографией Одесского военного округа. Арестован 25 января 1941 г. Приговором от 21–26 апреля 1943 г. ВТ войск НКВД Западно-Сибирского округа осужден к 7 годам заключения с заменой отправкой на фронт. Участник Великой Отечественной войны.

Калюжный Владимир Филиппович (1905–?). Уроженец Одессы, украинец, из рабочих, образование среднее. Член ВКП(б) с марта 1926 г. С 1929 г. служил в ОГПУ, сверхштатный участковый уполномоченный ИНФО Первомайского окротдела-райотдела ГПУ УССР, в 1930 г. – пом. уполномоченного и уполномоченный Особого отдела дивизии. В 1931–1935 гг. – уполномоченный и нач. Троицкого и Домановского РО ОГПУ–НКВД, в декабре 1935 – апреле 1937 г. – оперуполномоченный, помощник нач. отделения СПО УНКВД по Одесской обл., с апреля по август 1937 г. – нач. 4-го отделения СПО УНКВД по Одесской обл., лейтенант ГБ (1936). С августа 1937 г. – зам. и врид начальника СПО УНКВД по Одесской обл., с мая 1938 г. – начальник СПО УНКВД по Одесской обл. Секретарь парткома УНКВД по Одесской области с сентября 1937 г. по 9 июля 1938 г., делегат XI съезда КП(б)У. С июля 1938 г. – и. о. зам. нач. СПО УГБ НКВД УССР и и. о. нач. 9-го отдела 1-го управления УГБ НКВД УССР. В феврале 1939 г. уволен из НКВД. Арестован 19 апреля 1939 г., осужден 26 декабря 1940 г. к ВМН. Амнистирован с заменой расстрела 10-летним заключением. Был награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

Кордун Давид Борисович (1908–?). Уроженец Одессы. Из семьи кустарей, еврей, образование начальное. Член ВКП(б) с 1930 г. В 1930–1932 гг. служил в РККА, рядовой 33-го кавале-

рийского полка. На службе в Одесском облотделе ГПУ с 1932 г., в сентябре–мае 1932 г. – сотрудник Вознесенского РО НКВД (награжден серебряным портсигаром от президиума Вознесенского РИК). С мая по октябрь 1933 г. – пом. оперуполномоченного Одесского облотдела ГПУ, в октябре 1933 – марте 1934 гг. – слушатель курсов заместителей начальников политотделов МТС по работе ОГПУ при ГПУ УССР. В марте 1934 г. – июле 1935 г. – уполномоченный Каховского РО НКВД, после этого до октября 1938 г. служил на разных должностях в УНКВД по Одесской обл. В 1937 г. – сотрудник 4-го отделения 4-го отдела УНКВД по Одесской обл. На 1938 г. работал врио нач. 1-го отделения 4-го отдела УНКВД по Одесской обл., сержант ГБ. Летом 1939 г. откомандирован в распоряжение ГУЛАГа НКВД СССР в г. Молотовск Архангельской обл. Арестован 28 января 1941 г. Приговором от 21–26 апреля 1943 г. ВТ войск НКВД Западно-Сибирского округа осужден к 10 годам заключения; 1 июня 1943 г. амнистирован с отправкой на фронт.

Машковский Владимир Антонович (1911–?). Уроженец с. Елизаветовка Житомирской обл. Член ВЛКСМ с 1930 г., член ВКП(б) с 1939 г. Из крестьян, украинец, образование неполное среднее. В 1933–1936 гг. служил в РККА. С 1936 г. курсант Одесской юридической школы, в 1937 г. мобилизован в НКВД, с 27 ноября 1937 г. работал практикантом 4-го отдела, пом. оперуполномоченного и врид нач. 3-го и 6-го отделений 4-го отдела УНКВД по Одесской обл. С конца 1938 г. – нач. 6-го отделения 2-го отдела УНКВД по Одесской обл. Летом 1939 г. уволен из НКВД за невозможностью использования. На апрель 1940 г. – народный следователь Гроссуловской райпрокуратуры Одесской обл. Приговором от 21–26 апреля 1943 г. ВТ войск НКВД Западно-Сибирского округа осужден к 7 годам заключения с заменой наказания отправкой на фронт. Участник Великой Отечественной войны.

Тягин Николай Михайлович (1905–?). Из крестьян-середняков Вологодской губернии, русский, образование семь классов. Кандидат в члены ВКП(б) с 1937 г. В 1922 г. находился под следствием за неосторожное убийство. В органах ГПУ-НКВД с 1923 г. В 1923–1930 гг. – помощник уполномоченного ИНФО и КРО в Вологде, Полтаве, Ромнах и Луганске, в 1930–1932 гг. – уполномоченный КРО-ОО в Луганске, Горловке и Мелитополе. С 1932 г. служил в Одессе: в 1932–1934 гг. – инспектором отдела кадров УНКВД, в 1935–1936 гг. – оперуполномоченным СПО, в 1936–

1937 г. – помощником начальника отделения 4-го отдела, в 1937–1938 г. – врид начальника, начальником 2-го отделения 4-го отдела. Арестован 19 апреля 1939 г. Осужден Военным трибуналом войск НКВД Одесского военного округа 24–25 августа 1939 г. по ст. 206-17 «а» УК к 7 годам ИТЛ без поражения в правах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Если не считать таковой службу П.С. Сафонова в качестве рядового пограничного отряда ОГПУ в 1929–1932 гг. См. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. – М., 1999. С. 375.

² *Petrow Nikita.* Die Kaderpolitik des NKWD 1936–1939 // *Stalinscher Terror 1934–1941. Eine Forschungsbilanz.* Hrsg. von W. Hedeler. – Berlin, 2002. S. 31.

³ Там же. Эта цифра может выступать адекватным ориентиром для исследователей, но она нуждается в дальнейшем уточнении. Во-первых, аресты чекистов продолжались в 1940–1941 гг., во-вторых, ряд чекистов, арестованных в 1938–1941 гг., на момент ареста уже не являлся сотрудником органов госбезопасности, как это было в случае с большинством из одесских «перегибщиков». Приведенную здесь статистику о бериевской чистке впервые ввел в научный оборот со ссылкой на материалы ГАРФ (Ф. 9401) Н.В. Петров в 2002 г. Потом эти данные были также приведены О.В. Хлевнюком (2004) и В.Н. Хаустовым в соавторстве с Л. Самуэльсоном (2009).

⁴ Для осознания масштабов бериевской чистки следует сравнить ее с чисткой «ягодинцев», осуществленной Н.И. Ежовым: с октября 1936 г. по середину августа 1938 г. было арестовано 2273 сотрудника ГУГБ НКВД СССР, в т. ч. 1862 – за «контрреволюционные преступления и 411 – за уголовные. См. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. – М., 1999. С. 501; *Petrow N.* Die Kaderpolitik des NKWD 1936–1939. S. 29.

⁵ Подробнее см.: *Савин А.И.* Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // *Россия. XXI век*, 2012. № 3. С. 40–61.

⁶ Данные переписей 1926 г. и 1939 г. приведены на сайте <http://demo.score.ru/>.

⁷ *Гончаренко Ю., Эзау Л.* Одесские промышленные предприятия в период обороны города (22 июня – 16 октября 1941 г.) // <http://www.history.odessa.ua/publication4/stat07.htm>

⁸ См. например: *Козырева М.Э.* Немецкие районы Юга Украины 20–30-х гг. XX в. как национальные административно-территориальные единицы // *Немцы России и СССР 1901–1941: Материалы международной научной конференции.* – М.: Готика, 2000. С. 298–305. Необходимо также учитывать наличие в Одессе консульств Германии, Японии, Турции и Италии, что традиционно детерминировало интенсивные репрессии в отношении советских граждан – посетителей и «контактеров» консульств.

⁹ «Через трупы врага на благо народа». Кулацкая операция в Украинской ССР 1937–1941 гг. В 2-х томах. / Сост. М. Юнге, С.А. Кокин, Б. Бонвеч и др. Т. 1. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 418.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 419.

¹² Одесса // Малая советская энциклопедия. Т. 6. – М., 1930. С. 27.

¹³ См. «Через трупы врага на благо народа». Том 1. С. 74.

¹⁴ Там же. С. 86.

¹⁵ См. «Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 томах. Т. 5. Кн. 1. – М., 2004. С. 330–336.

¹⁶ «Через трупы врага на благо народа». Т. 1. С. 213–214.

¹⁷ Там же. С. 221.

¹⁸ Там же. С. 234.

¹⁹ Там же. С. 245.

²⁰ В целом по УССР соотношение жертв из городской и сельской местности было равно 1:2 (27714:55408). См.: Там же. С. 319.

²¹ «Через трупы врага на благо народа». Т. 1. С. 326.

²² Там же. Т. 2. С. 75. Всего Украине был выделен лимит по первой категории в размере 6000 чел. См.: Лубянка. Сталин и ГУГБ НКВД. 1937–1938. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М.: МФД, 2004. С. 467–468.

²³ «Через трупы врага на благо народа». Т. 2. С. 79.

²⁴ Там же. С. 84.

²⁵ Лубянка. Сталин и ГУГБ НКВД. 1937–1938. С. 489; «Через трупы врага на благо народа». Т. 2. С. 87. По состоянию на 5 августа 1938 г., шесть человек из четырехтысячного лимита были осуждены по второй категории. См.: Там же. С. 135.

²⁶ «Через трупы врага на благо народа». Т. 2. С. 134.

²⁷ Там же. С. 143.

²⁸ Там же. С. 385.

²⁹ Черушев Н. Удар по своим: Красная Армия: 1938–1941 гг. – М.: Вече, 2003. С. 403–404.

³⁰ «Через трупы врага на благо народа». Т. 2. С. 148.

³¹ *Сидак В.С., Козенюк В.А.* Революцию назначить... Экспорт революции в операциях советских спецслужб. – Киев, 2004. С. 97.

³² *Ковтун Г.К., Войналович В.А., Данилюк Ю.З.* «Масові незаконні репресії 20-х – початку 50-х років на Полтавщині // Реабілітовані історією. – Киев, Полтава: Рідний край, 1992. С. 27.

³³ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 535. Л. 34.

³⁴ *Золотарьов В.А.* Олександр Успенський: особа, час, оточення. – Харків, 2004. С. 165–166.

³⁵ *Золотарьов В., Бажан О.* Комбриг Микола Федоров: одеський трамплін в кар'єрі // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий науч. альманах. Вып. 4. – Одесса: Оптимум, 2007. С. 202–219.

³⁶ Золотарьев В.А. Александр Успенский. С. 67; Тумишис М.А., Золотарев В.А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического справочника. – Самара, 2012. С. 297.

³⁷ Тумишис М.А., Золотарев В.А. Евреи в НКВД СССР. С. 356–357, 352, 138, 456, 400; Золотарьев В.А. Александр Успенский. С. 66, 176, 292.

³⁸ Золотарьев В.А. ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині: люди та долі (1919–1941). – Харків, 2003. С. 299.

³⁹ Показания А.Н. Троицкого от 31 января – 1 февраля 1939 г. // ОГА СБУ. Д. 43626. Т. 1. Л. 227.

⁴⁰ ОГА СБУ. АСД № 38237 на А.Р. Долгушева. Т. 1. Л. 84–87.

⁴¹ См. ниже раздел статьи, посвященный непосредственно С.И. Гапонову.

⁴² «Через трупы врага на благо народа». Т. 2. С. 41–42.

⁴³ В первую очередь речь идет о таких функциональных пытках, как «выстойки» и «высидки», являвшихся разновидностью «конвейера» и призванных вынудить подследственных дать требуемые чекистами сведения и признания.

⁴⁴ Во 2-м томе сборника документов «Через трупы врага на благо народа», со ссылкой на ГА РФ, записка А.З. Кобулова датируется концом декабря 1938 г. (С. 462). В ксерокопии из ОГА СБУ (Ф. 16. Оп. 31. Д. 49. Л. 299) дата попала в корешок дела, но явно читается цифра 8. Судя по тексту записки, речь идет о 18 декабря 1938 г.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Лубянка. Сталин и ГУГБ НКВД. 1937–1938. С. 612–615.

⁴⁷ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 31. Д. 49. Л. 93–96. С.И. Гапонов в своем заявлении от 14 декабря 1940 г. военному прокурору войск НКВД П.В. Лехову писал, что «по приезде в Одессу пришлось столкнуться с огромным количеством дел»: за Секретно-политическим отделом УНКВД числилось 970 подследственных, за областным управлением в целом – 3500 подследственных. По утверждению Гапонова, за время моей восьмимесячной работы было освобождено «свыше двухсот лиц неправильно и без основания содержащихся под стражей. Арестовано же было не более 25 человек». Очевидно, что когда Гапонов писал о «восьми месяцах», он имел в виду сентябрь 1938 – начало апреля 1939 г., поскольку в это время он занимал должности врио зам. начальника и врио начальника УНКВД по Одесской области. До этого, с 14 июля 1938 г., он являлся начальником СПО УНКВД. См.: Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 2. Л. 244–247; Т. 3. Л. 12.

⁴⁸ Так, например, были осуждены сотрудники 3-го (Контрразведывательного отдела) И.Е. Рыбаков, Б.И. Раев, Я.В. Зислин во главе с начальником отдела А.Г. Шнайдером, с 1939 г. был под следствием начальник отделения КРО Ф.С. Орловский-Гороховский. К сожалению, их архивно-следственные дела оказались для авторов недоступными.

⁴⁹ Личное дело № 2041 УСБУ по Одесской области на В.А. Машковского. Ч. 3. Л. 1, 11–12.

⁵⁰ Там же. Л. 19–21.

⁵¹ Там же. Л. 22.

⁵² Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38299 на Н.М. Тягина. Л. 356–358. Представление Д.Д. Гречухина к награждению Н.М. Тягина знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ». Май 1938 г.

⁵³ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38299 на Н.М. Тягина. Л. 356–358.

⁵⁴ О «деле КПК» см. ниже.

⁵⁵ Шановал Ю., Золотарев В. Евреи в руководстве органов ГПУ-НКВД УССР в 1920–1930-х гг. // Из архивов ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2010. № 1. С. 53–93 (на укр. яз.).

⁵⁶ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3-х тт. Т. 1. Л. 287–288.

⁵⁷ Там же. Л. 314–331.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Л. 230–232.

⁶¹ Там же. Л. 43–48.

⁶² Там же. Т. 2. Л. 38–45.

⁶³ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 2. Л. 138.

⁶⁴ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3-х тт. Т. 3. Л. 1–2.

⁶⁵ Сведения А.Н. Жукова (Москва). Зеликов Израиль Абрамович, 1906 г.р., член ВКП(б) с 1926 г., по состоянию на июнь 1942 г. – сотрудник Челябинского металлургического НКВД.

⁶⁶ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3-х тт. Т. 3. Л. 149–157. Показания С.Я. Шпака от 9 апреля 1940 г.

⁶⁷ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3-х тт. Т. 3. Л. 244 об.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 03424 на С.И. Гапонова и др. в 5 тт. Т. 1. Л. 47–51. Заявление С.Я. Шпака в военную прокуратуру от 17 ноября 1939 г.

⁷⁰ Был исключен из партии 21 июня 1938 г., арестован 2 июля 1938 г., освобожден спустя год, 4 июля 1939 г.

⁷¹ Арестован 8 августа 1938 г., освобожден в июле 1939 г.

⁷² Содержался под стражей 6 июля 1938 г. по 4 ноября 1939 г.

⁷³ Был арестован в здании Одесского обкома КП(б)У 15 июня 1938 г.

⁷⁴ Был арестован 16 июля 1938 г., освобожден из-под стражи 14 января 1939 г.

⁷⁵ Был арестован 10 июня 1938 г.

⁷⁶ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 1. Л. 15–16.

⁷⁷ Там же. Т. 2. Л. 30.

⁷⁸ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3-х тт. Т. 3. Л. 18–22.

⁷⁹ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 1. Л. 20, без даты.

⁸⁰ Там же. Л. 39–42. Показания Теплицкого помощнику Военного прокурора 434-й Военной прокуратуры, полковому комиссару Новикову от 31 января 1939 г.

⁸¹ Там же. Л. 86. Заявление от 22 декабря 1939 г.

⁸² Там же. Л. 96–106. Показания И.Ф. Сенкевича от 22 ноября 1939 г.

⁸³ Там же. Л. 113. Показания от 27 апреля 1940 г.

⁸⁴ Там же. Т. 1. Л. 123–123 об.

⁸⁵ Там же. Л. 232.

⁸⁶ Там же. Л. 148. Показания начальника Ворошиловского РО НКВД г. Одессы П.С. Конончука от 20 декабря 1939 г.

⁸⁷ Там же. Т. 4. Л. 1–10.

⁸⁸ Там же. Т. 1. Л. 15–16.

⁸⁹ Там же. Т. 1. Л. 47–51. Заявление С.Я. Шпака в военную прокуратуру от 17 ноября 1939 г.

⁹⁰ Там же. Л. 115.

⁹¹ Там же. Л. 123–123 об.

⁹² Там же. Л. 137–138. Показания начальника Ворошиловского РО НКВД г. Одессы П.С. Конончука от 20 декабря 1939 г.

⁹³ Западносибирские чекисты заявляли арестованным, в т. ч. прокурорам: «Органам НКВД доверяют, и они не нуждаются в контроле прокуратуры. Нам дана партийно-чекистская диктатура, что хотим, то и делаем с врагами [...] Прокуроры и суд в наших руках, что мы им скажем, то и будет. А те прокуроры, которые за вас, они все сидят, их у нас в тюрьме целый колхоз». *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М., 2008. С. 467; *Гришаев В.Ф.* Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). – Барнаул, 1999. С. 261.

⁹⁴ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 1. Л. 39–42.

⁹⁵ С.Я. Шпак был освобожден согласно постановлению врид военного прокурора 434-й Военной прокуратуры военного юриста 1-го ранга Лапкина от 14 сентября 1939 г. При этом в постановлении ничего не упоминалось о «незаконных методах» следствия. См. Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 1. Л. 62.

⁹⁶ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 1. Л. 52–53. Рапорт помощника прокурора Я.Т. Новикова военному прокурору 434-й Военной прокуратуры от 3 января 1939 г.

⁹⁷ Там же. Л. 54.

⁹⁸ Там же. Л. 55.

⁹⁹ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 31. Д. 49. Л. 101–102.

¹⁰⁰ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 1. Л. 148. Показания начальника Ворошиловского РО НКВД г. Одессы П.С. Конончука от 20 декабря 1939 г.

¹⁰¹ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3-х тт. Т. 3. Л. 31.

¹⁰² Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 3. Л. 250. Однако Лапкин оказался принципиальным прокурором, и уже в январе 1939 г. Гапонов вынужден был давать ему краткое письменное объяснение по одному из дел.

¹⁰³ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3-х тт. Т. 3. Л. 276–277, 285.

¹⁰⁴ 27 сентября 1939 г. Военный трибунал войск НКВД Киевского военного округа рассмотрел кассационную жалобу Тягина и указал суду «на мягкость меры наказания по данному делу». Однако приговор не был отменен из-за «нецелесообразности» вторичного рассмотрения дела. Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38299 на Н.М. Тягина. Л. 373.

¹⁰⁵ В письме на имя Н.С. Хрущева Гнесин называет другую дату увольнения из органов – 3 сентября 1940 г. См. Архив УСБУ по Одесской обл. Личное дело № 34 на А.Е. Гнесина. Л. 35–38 об.

¹⁰⁶ Архив УСБУ по Одесской обл. Личное дело № 34 на А.Е. Гнесина. Л. 35–38 об.

¹⁰⁷ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 3. Л. 22–23.

¹⁰⁸ Там же. Л. 24–28.

¹⁰⁹ Если верить письму жены Берензона от 23 февраля 1943 г., после своего увольнения из НКВД Берензон успел поучаствовать не только в «освободительном походе» 1939 г., но и в советско-финской войне, якобы заслужив ордена Красной Звезды. См.: Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 5. Л. 56–56 об.

¹¹⁰ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 1. Л. 1. Авторам не известно, были ли осуждены М.М. Цирульнички, Х.К. Зарайский и М.М. Мазур.

¹¹¹ Там же. Л. 228.

¹¹² Там же. Т. 5. Л. 21.

¹¹³ Там же. Т. 3. Л. 99–101.

¹¹⁴ Архив УСБУ по Одесской обл. Личное дело № 34 на А.Е. Гнесина. Л. 35–38.

¹¹⁵ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3-х тт. Т. 1. Л. 208–223.

¹¹⁶ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 3. Л. 99–101.

¹¹⁷ В частности, 10 марта 1939 г. Абрамович показал: «Предлагалось с арестованными в нормальной обстановке не разговаривать, а кричать с таким расчетом, чтобы эти крики доносились до двери начальника отдела. В частности, мне часто звонил Калюжный и спрашивал, почему у вас тихо. Аналогичное положение имело место с Майским, который также звонил по телефону тов. Фадееву, спрашивая «у вас почему-то тихо в кабинете». Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3-х тт. Т. 2. Л. 278.

¹¹⁸ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3-х тт. Т. 3. Л. 18–22.

¹¹⁹ В 1938 г. – начальник отделения, зам. начальника 2-го (СПО) отдела УНКВД по Одесской области.

¹²⁰ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3-х тт. Т. 1. Л. 239–245.

¹²¹ В своих собственноручных пространных показаниях от 4 февраля 1940 г. он даже написал о возможности своего самоубийства: «Есть ли

смысл продолжать жить в ожидании, когда твои же близкие и родные расстреляют тебя. По моему – нет». Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 4. Л. 1–10.

¹²² Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 4. Л. 1–10.

¹²³ Там же. Т. 2. Л. 244–247.

¹²⁴ Там же. Т. 3. Л. 99–101.

¹²⁵ Там же. Т. 4. Л. 1–10. В другом месте Гапонов сообщал, что после ареста Киселева были отменены решения трех заседаний троек, в результате чего от расстрела была спасена часть из 100 человек, приговоренных тройкой к расстрелу. См.: Там же. Л. 335–349. Показания Гапонова от 18 апреля 1941 г.

¹²⁶ Там же. Л. 1–10.

¹²⁷ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3-х тт. Т. 1. Л. 179–188.

¹²⁸ Подробнее см.: *Савин А.И., Тепляков А.Г.* Показания деятелей массовых операций // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. Приказ № 00447 / Сост. Г.Д. Жданова, В.Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 429–526.

¹²⁹ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3 тт. Т. 1. Л. 334–341. Показания от 14 сентября 1939 г.

¹³⁰ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 4. Л. 10. Показания от 4 февраля 1940 г.

¹³¹ Там же. Л. 370.

¹³² Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калюжного в 3 тт. Т. 3. Л. 261 об.

¹³³ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38299 на Н.М. Тягина. Л. 355.

¹³⁴ Термин ввел в научный оборот американский историк Кристофер Броунинг. См.: *Browning Christopher Robert.* Ordinary Men. Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. – New York: Harper Collins, 1993.

¹³⁵ УСБУ по Одесской обл. Личное дело С.И. Гапонова № 3535. Т. 2. Л. 1, 4, 67 об.

¹³⁶ Там же. Л. 364, 384, 271, 281, 340.

¹³⁷ Там же. Л. 283–284 об.

¹³⁸ Там же. Л. 285–285 об.

¹³⁹ Там же. Л. 127, 26, 182 об.

¹⁴⁰ Там же. Т. 2. Л. 279, 54.

¹⁴¹ Там же. Л. 236, 32, 53, 363, 362; АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 5. Л. 143.

¹⁴² Личное дело С.И. Гапонова. Т. 2. Л. 113, 129 об.; АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 5. Л. 9, 10.

¹⁴³ Личное дело С.И. Гапонова. Т. 2. Л. 8 об., 67 об.

¹⁴⁴ Личное дело С.И. Гапонова. Т. 2. Л. 89, 93, 92.

¹⁴⁵ Там же. Л. 94.

¹⁴⁶ Там же. Л. 251, 261.

¹⁴⁷ *Черушев Н.С.* Удар по своим. Красная Армия: 1938–1941. – М.: Вече, 2003. С. 422–423.

- ¹⁴⁸ Личное дело С.И. Гапонова. Т. 2. Л. 101.
- ¹⁴⁹ Там же. Л. 102, 100.
- ¹⁵⁰ Там же. Л. 99.
- ¹⁵¹ Там же. Л. 157.
- ¹⁵² Там же. Л. 105, 106, 133.
- ¹⁵³ Там же. Л. 98, 103.
- ¹⁵⁴ ОГА СБУ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 178. Л. 65–66.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 66.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 67, 72.
- ¹⁵⁷ Личное дело С.И. Гапонова. Т. 2. Л. 95, 96.
- ¹⁵⁸ Там же. Л. 53, 72, 133.
- ¹⁵⁹ Там же. Л. 56.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 55.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 345–356.
- ¹⁶² Там же. Л. 346, 347.
- ¹⁶³ Там же. Л. 347, 348.
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 349–353.
- ¹⁶⁵ Николаенко за несколько лет написала тысячи доносов на «троцкистов» и пр. В своем докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин уделил доносчице отдельное внимание.
- ¹⁶⁶ Личное дело С.И. Гапонова. Т. 2. Л. 354–355.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 356.
- ¹⁶⁸ *Тумишс М.А., Золотарев В.А.* Евреи в НКВД СССР. С. 154; *Золотарьев В.А.* Секретно-політичний відділ ДПУ УССР: справи та люди. — Харьков: Фоліо, 2007. С. 294.
- ¹⁶⁹ Личное дело С.И. Гапонова. Т. 2. Л. 361.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 46.
- ¹⁷¹ Там же. Т. 2. Л. 25–26.
- ¹⁷² Там же. Л. 5–7.
- ¹⁷³ ОГА СБУ. Ф. 468. Оп. 5. Д. 4. Л. 72.
- ¹⁷⁴ Личное дело С.И. Гапонова. Т. 2. Л. 53.
- ¹⁷⁵ ОГА СБУ. АСД. № 38237 на А.Р. Долгушева. Т. 1. Л. 87.
- ¹⁷⁶ Одесский мартиролог: Т. 3. Одесса, ОЕФА, 2005. С. 681.
- ¹⁷⁷ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД № 38580 на В.Ф. Калужного в 3 тт. Т. 3. Л. 264.
- ¹⁷⁸ Личное дело С.И. Гапонова. Т. 2. Л. 36.
- ¹⁷⁹ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941. С. 393–394.
- ¹⁸⁰ Личное дело С.И. Гапонова. Т. 2. Л. 224.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 2.
- ¹⁸² Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 1. Л. 1, 20.
- ¹⁸³ Аналогичного мнения, вслед за Сталиным, придерживалось партийное руководство ряда областей РСФСР, а также и БССР.
- ¹⁸⁴ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 2. Л. 162.
- ¹⁸⁵ Там же. Т. 3. Л. 24–27.

- ¹⁸⁶ Личное дело С.И. Гапонова. Т. 2. Л. 159; Т. 3. Л. 201–210.
- ¹⁸⁷ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 5 (конверт).
- ¹⁸⁸ Личное дело С.И. Гапонова. Т. 2. Л. 325, 331–338.
- ¹⁸⁹ Там же (конверт).
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 295, 294, 303.
- ¹⁹¹ ОГА СБУ. АСД № 43626 по обвинению В.С. Грабаря. Т. 2. Л. 412.
- ¹⁹² Личное дело Гапонова. Т. 2. Л. 316, 317.
- ¹⁹³ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 4. Л. 572, 578, 585–586 об.
- ¹⁹⁴ Личное дело Гапонова. Т. 2 (конверт).
- ¹⁹⁵ Там же. Т. 2. Л. 595–601.
- ¹⁹⁶ См. *Шишкин В.И.* Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 3–79; *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. – М., 2007. С. 155–167.
- ¹⁹⁷ *Тепляков А.Г.* Машина террора. С. 97, 499.
- ¹⁹⁸ Уже в начале войны часть отбывавших сроки чекистов освобождали в соответствии с указом Президиума ВС СССР от 12 июля 1941 г. о досрочном освобождении. Так, О.С. Флейшман, работавший в 1937–1938 гг. начальником Сквирского РО УНКВД по Киевской области, арестованный в феврале 1940 г. и осужденный за нарушения законности на 8 лет заключения, в августе 1941 г. оказался освобожден и направлен в РККА. См.: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 864. Л. 9.
- ¹⁹⁹ Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М.: МФД, Материк, 2006. С. 563.
- ²⁰⁰ *Шаповал Ю.І.* Україна в добу «великого терору»: етапи, особливості, наслідки // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2007. № 1. С. 99.
- ²⁰¹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 456. Л. 15; *Золотарьов В. А.* ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині: люди та доли (1919–1941). – Харків, 2003. С. 247–248; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. С. 462–463.
- ²⁰² Не были возвращены на работу в органы госбезопасности такие видные бывшие чекисты, как начальник Тамбовского УНКВД М.И. Малыгин, заместитель наркома внутренних дел Молдавии в 1937–1938 гг. Л.И. Ривлин, начальник Особого отдела ГУГБ НКВД Северо-Кавказского военного округа А.А. Соколов, заместитель начальника КРО УНКВД по Ленинградской области В.Г. Болотин. См.: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 862. Л. 204; Д. 1106. Л. 16.
- ²⁰³ *Тепляков А.Г.* Амнистированные чекисты 1930-х гг. в период Великой Отечественной войны // Клио. 2012. № 7 (67). С. 75–76.
- ²⁰⁴ Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». С. 563, 382.
- ²⁰⁵ Там же. С. 575.
- ²⁰⁶ Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 5. Л. 29.
- ²⁰⁷ Там же. Л. 35, 61.
- ²⁰⁸ Там же. Л. 110–155.

²⁰⁹ Там же. Л. 36.

²¹⁰ Там же. Л. 66.

²¹¹ В архивно-следственном деле Гапонова есть данные, что Гнесин, Машковский и Берензон отбыли на фронт с маршевой ротой 27 мая 1943 г., Кордун – 10 сентября 1944 г.

²¹² Архив УСБУ по Одесской обл. АСД на С.И. Гапонова и др. № 03424 в 5 тт. Т. 5. Л. 215.

²¹³ Там же. Л. 244.

²¹⁴ Там же. Л. 246.

²¹⁵ Материалы сайта «Подвиг народа».

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Сведения А.Н. Жукова (Москва).

²¹⁹ Еще 411 сотрудников ГБ были арестованы в 1937–1938 гг. по обвинению в совершении уголовных преступлений. *Petrow Nikita. Die Kaderpolitik des NKWD 1936–1939. S. 29.*

²²⁰ *Тепляков А.Г. «Детское дело» в Кузбассе: к вопросу о подоплеке открытого процесса 1939 г. над чекистами – «нарушителями законности» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сборник материалов франко-российского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.). – Новосибирск, 2011. С. 141–154.*

²²¹ *Петров Н.В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. – М.: Новая газета, 2011. С. 10.*

²²² Показания С.Ф. Реденса от 14 мая 1939 г. // ЦА ФСБ РФ. АСД на С.Ф. Реденса № Р-975047. В 2-х тт. Т. 1. Л. 205–240.

²²³ *Hlevnjuk O. Les mecanismes de la «Grande Terreur» des annees 1937–1938 au Turkmenistan // Cahiers du Monde Russe. Т. 39. № 1–2. 1998. P. 197–208.*

²²⁴ Например, бывший помначальника КРО УНКВД по Новосибирской области И.И. Коннов откровенно признавался, что Новосибирский обком партии рассматривался чекистами не как руководящий политический орган, а скорее как объект деятельности, заполненный кандидатами на арест. *Тепляков А.Г. Машина террора. С. 468 (также С. 454–459).*

²²⁵ *Петров Н.В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. С. 19.*

²²⁶ Описывая разгром партийной организации Куйбышевской области, организованный и проведенный П.П. Постышевым, постановление, в частности, констатировало: «Во многих районах Куйбышевской области исключено из партии большое количество коммунистов с мотивировкой, что они являются врагами народа. Между тем, органы НКВД не находят никаких оснований для ареста этих исключенных из партии». См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. 1931–1941. – М., 1971. С. 306.

²²⁷ *Через трупы врага на благо народа. Т. 2. С. 13.*

²²⁸ Там же.

²²⁹ Ежовские выдвиженцы стали членами СНК СССР: нарком связи М.Д. Берман, заместитель НКПС Л.Н. Бельский, полпреды и заместители НКВД С.Н. Миронов и В.Г. Деканозов, а также секретарями обкомов ВКП(б) – К.Н. Валухин, Г.Г. Телешев и др.

²³⁰ См.: Лубянка. Сталин и ГУГБ НКВД. 1937–1938. С. 624–625, 631–632.

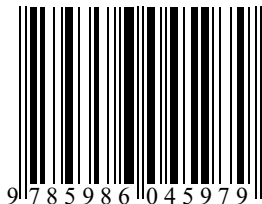
²³¹ *Богданов Ю.Н.* Строго секретно. 30 лет в ОГПУ-НКВД-МВД. – М., 2002. С. 412.

²³² *Смирнов Н.Г.* Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х гг. – М., 2014; *Тепляков А.Г.* Шовинизм и национализм в органах ВЧК–МГБ–МВД СССР (1918–1953 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М., 2014. С. 649–657.

ЧЕКИСТЫ НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ
Сборник статей

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 598604597-1

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 15.02.2017
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 42,5
Тираж 1000 экз. Зак.